
ОГОНЁК
№ 8 ФЕВРАЛЬ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
СОВЕТСКОЙ
АРМИИ
СЛАВА!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

43-й год издания

№ 8 (1965)

21 февраля 1965

ВЕСНА ИДЕТ!

Краса Украины — Подолия! Широки поля Подолии, богаты ее земли, славны своим трудом подоляне — умелые хлеборобы. В центре Подолии раскинул свои угодья богатый, сильный колхоз «Украина». Вот уже много лет руководит им бывший батрак со Станиславщины Григорий Иванович Ткачук — рачительный хозяин, умеющий ободрить, поддержать хорошего работника и твердой рукой одернуть нерадивого.

Центр колхоза — село Лесоводы. Война испепелила его, но люди, любящие свой чудесный край, полный золотого света, отстроились вновь, и село стало еще краше прежнего. Стоят веселые домики под шифером в серебре февральского снега; зайдешь в любой — увидишь достаток гостеприимных хозяев, а на лицах их — то выражение довольства и радушия, какое бывает у людей, когда они живут хорошо, не беспокоясь о завтрашнем дне.

Весна уже где-то совсем недалеко. Ее несут на своих крыльях черноморские ветры, ее отблески видны сквозь просинь ласкового неба. Ломкие льдинки повисли у карнизов крыш, ночью еще подмораживает, а днем сияет солнце на радость всему живому. Шумит, гремит лесоводская главная улица, протянувшаяся из края в край села,— люди везут удобрения на поля, готовятся к севу, всем хватает работы.

Лучшие доярки колхоза Тамара Ныща и Надя Труш смеются весело и задорно. Чего им не радоваться! «И жизнь хороша и жить хорошо...» А впереди много широких, просторных дорог, выбирай любую, какая приглянется, все открыто перед ними!

Кто хоть раз побывает в Подолии, вовек не забудет ее задумчивой, влекущей красоты. И снова потянет его сюда с неодолимой силой...

Н. УВАРОВ.

Фото Б. КУЗЬМИНА.

• **Валерия Герасимова. ЕДИНСТВЕННАЯ НОЧЬ • ВЕРТОЛЕТ ЛЕТИТ НА СТУК СЕРДЦА**

Переговоры между делегациями Советского Союза и Корейской Народно-Демократической Республики. На снимке: товарищи А. Н. Косыгин, Ким Ир Сен, Ю. В. Андропов.

Фото специального корреспондента ТАСС В. Будана.

КРЕПИТЬ СОТРУДНИЧЕСТВО

Теплый и радушный прием был оказан делегации Советского Союза во главе с членом Президиума ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным в Корейской Народно-Демократической Республике.

В Пхеньяне состоялся митинг по случаю пребывания советских гостей.

Во время дружеского визита посланцы Советского Союза вели переговоры с товарищем Ким Ир Сеном и другими руководителями партии и правительства КНДР. Результаты этих переговоров отражены в Совместном советско-корейском заявлении. В нем, в частности, сказано, что «самой надежной гарантией победы в борьбе народов против империализма и колониализма, за мир, национальную независимость, демократию и социализм является укрепление единства социалистического лагеря и сплоченности международного коммунистического движения».

←
Народная Корея приветствует посланцев Советского Союза.

На берегу Дуная

18 февраля исполнилось 17 лет со дня подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и Венгерской Народной Республикой.

Сазхаломбатта — небольшая деревня и железнодорожная станция в сорока километрах к юго-западу от Будапешта. Сегодня это место известно не только в Венгрии, но и за ее рубежами. Здесь, изменив окрестный пейзаж, поднялись удивительно красивые сооружения электростанции, самой мощной в стране. Желтые, голубые, оранжевые конструкции причудливо переплелись на фоне неба. Эта электростанция открытого типа, без крыши и стен — последнее слово техники. Лучшее оборудование и приборы поставили сюда сама Венгрия, ГДР, Чехословакия, Польша, а топливо приходит из Советского Союза по трансъевропейскому нефтепроводу «Дружба».

Чентери Шандор — директор электростанции. Сын рабочего, в прошлом сам рабочий, он связал свою судьбу с интересной и сложной стройкой. Теперь это его жизнь, наполненная заботами, волнениями, неповторимой радостью созидания.

Каждое утро Чентери покидает шумный Будапешт. Быстрая «Татра» мчится по шоссе к стройке. Мелькают за окнами поля, дома, сады, но есть на этом знакомом пути памятник. И всегда, когда Шандор смотрит на него, мысли возвращаются к прошлому. Вспоминается, какой ценой досталось это мирное утро. У развилки дорог стоит памятник лейтенанту Остапенко, советскому парламентеру, убитому гитлеровцами на этом месте в 1945 году. На ступенях постамента всегда живые цветы...

Машина мчится дальше, а через несколько минут — шум стройки, скрежет металла, гудение моторов. Вместе с венграми польские и советские инженеры монтируют оборудование, слышится чешская речь, а будущие инженеры из ГДР здесь на стажировке. Но в первую очередь надо пройти к действующим турбинам, которые дали первый ток. Так начинается обычный день у товарища Чентери Шандора.

И. БГАНЦЕВ

Фото автора.

СОБКОРЫ СООБЩАЮТ

СТАРТУЮТ КОРАБЛИ

Нева скована льдом, и только местами у судоверфей виднеются потемневшие разводья. Буксиры то и дело утюжат лед. Сполохи сварки озаряют стапели и поздним вечером. Строятся крупные танкеры-нефтевозы, плавучие рыбоконсервные заводы, океанские лесовозы, корабли-холодильники...

Кажется, совсем недавно балтийские судостроители завершили сооружение могучих нефтевозов «Братислава», «Варна». А сегодня даже с противоположного берега Невы можно видеть: на стапелях возвышаются корпуса новых крупнотоннажных танкеров — «Пальмиро Тольятти» и «Морис Торез».

Покинул Неву рефрижератор «Янтарный». Это — головное судно серии кораблей-холодильников, которые создаются для промыслов в Тихом океане и Северной Атлантике.

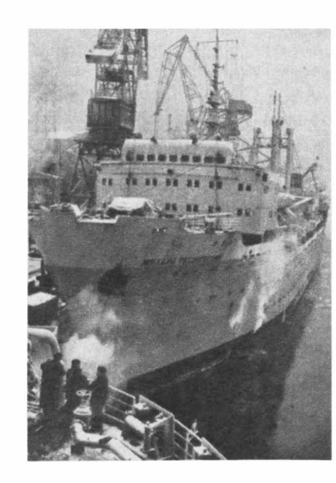
Только что ушел с Балтики во Владивосток построенный на Адмиралтейской верфи крупный рыбоконсервный завод «Михаил Тухачевский».

Сейчас адмиралтейцы уже готовятся к строительству еще более крупной рыбопромысловой базы «Восток». В разработке этого гигантского рыбокомбината участвовали сотни инженеров, ученых.

По бортам его разместятся 14 ловецких судов. База будет доставлять их в районы промыслов, места скоплений рыбы. Электронно-вычислительная машина на основе поступающих наблюдений и прогнозов даст безошибочные ответы, где целесообразнее вести лов рыбы. На корабле два вертолета.

«Восток» — целый плавучий город с населением около шестисот человек. Здесь свыше тысячи трехсот жилых и служебных помещений, для семейных отдельные каюты. Как и в любом городе, здесь бани, прачечные, магазины, пекарня, столовая. На судне будет и типография, где можно печатать свою газету.

К. ЧЕРЕВКОВ

Плавучий рыбоконсервный завод «Михаил Тухачевский».

Фото И. Баранова.

ШАХТА-ГЭС

Инженеры проектировали угольную шахту, которая должна была стать самой мощной в Ткварчели. Но трудности строительства шахт в горах так велики, что как инженеры ни крутили, а сооружение получалось очень дорогим.

И вдруг усмотрели такую деталь, на которую раньше никто не обращал внимания: возле одного из вентиляционных стволов бежит бурная горная речушка Галидзга. Ствол вертикальный, высотою в 400 метров. Что, если повернуть Галидзгу в ствол и сбросить ее с этой высоты вниз? Она ведь даст водяной столб давлением в 40 атмосфер! И если поставить внизу турбины, она будет их вращать и вырабатывать электроэнергию.

Так возник проект шахты-ГЭС: сотни тысяч тонн высококачественного угля и десятки тысяч киловатт электроэнергии. Подсчитали: дешево и мило.

Сейчас уже закончены все капитальные горные выработки шахты. Тем временем Лысьвенский турбогенераторный завод изготавливает по заказу строителей специальные турбины. Для такого мощного водосброса и турбины должны быть особые. Их установят глубоко в чреве горы, в подземном машинном зале.

И. МЕСХИ

Монтажник Николай Ефремович Раевский у аппарата.

Фото В. Сальмре.

МЕНЮ ДЛЯ ПЫТЛИВЫХ

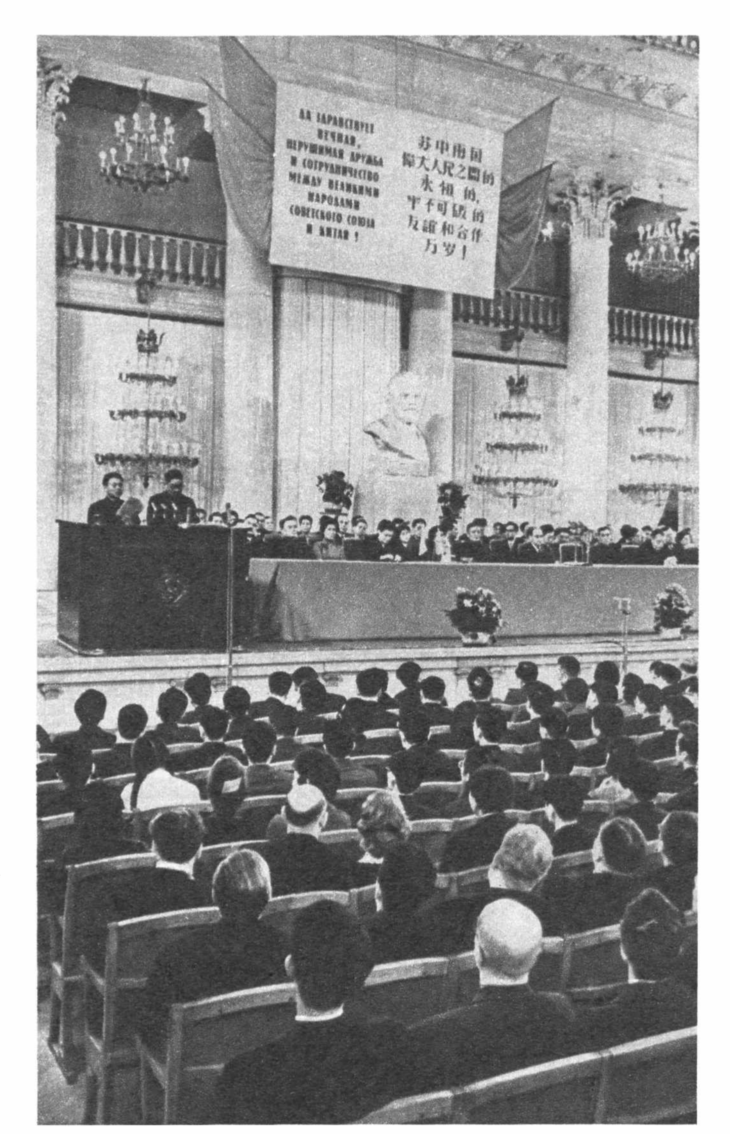
Представьте себе: экспедиция за Полярным кругом. Уже много дней бредут люди по бескрайней заснеженной пустыне. И бывают минуты, когда человек начинает тосковать по голосам и запахам знойного лета в лесу, в степи. Тогда он достает пакетик из плотной трехслойной пленки, высыпает его содержимое в воду. И морозный воздух наполняется самым нежным запахом из всех известных на земле — запахом свежей земляники. Сухие красноватые крошки, выпавшие из пакета, набухают — и вот уже и по виду и по вкусу будто только что собранные.

И другими запасами пищи снабдят далекую экспедицию: мясом, легким и пористым, его достаточно опустить в воду, и оно приобретает обычный вид и свежий вкус; такими же овощами, рыбой, творогом, молоком, кефиром...

У нас в стране, в нескольких институтах и на заводах пищевой промышленности, на основе последних достижений приборостроения теперь создается оригинальное оборудование. В таллинском холодильнике № 1 его разрабатывает главный инженер Лев Николаевич Лужнов.

В белом, облицованном кафелем цехе идут монтажные работы. Можно видеть начинку аппарата, в котором будет происходить сушка: конденсаторы с жидким аммиаком, которые создадут мороз; гнезда для ламп накаливания (лампы — источник инфракрасного излучения); решетки, на которые тонким слоем будут уложены предварительно замороженные продукты. Инфракрасные лучи проникнут в молекулы и испарят из них всю воду, а ее, как известно, в пищевых продуктах содержится 80—90 процентов. Пар перенесется на конденсаторы с аммиаком, они покроются толстой снежной шубой. В аппарате температура будет низкой — 20 градусов мороза. С мясом, овощами, фруктами произойдет то же самое, что с бельем на морозе:

ДОГОВОР БРАТСКИХ СТРАН

Исполнилось 15 лет со дня заключения Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой. Этот договор стал символом братского сотрудничества двух великих народов. В честь знаменательной даты в Москве, в Колонном зале Дома союзов, состоялось собрание общественности столицы. В президиуме собрания находились товарищи Г. И. Воронов, А. П. Кириленко, А. Н. Шелепин, В. В. Гришин, Л. Ф. Ильичев, другие советские государственные и общественные деятели, делегация Общества китайско-советской дружбы во главе с министром просвещения КНР, депутатом Всекитайского собрания народных представителей Хэ Вэем, делегация Шанхайского отделения Общества китайско-советской дружбы, возглавляемая заместителем мэра Шанхая Чжан Чэн-чжунем, посол КНР в СССР Пань Цзы-ли. На собрании выступили министр путей сообщения СССР Б. П. Бещев, Пань Цзы-ли и Хэ Вэй.

В ознаменование 15-й годовщины договора в Пекине также состоялось собрание общественности китайской столицы.

На снимке: собрание общественности Москвы в Колонном зале.

Фото А. Устинова.

они высохнут, не нагреваясь. Когда температура в аппарате начнет повышаться, это значит продукты готовы. Не нагреваясь, они сохранят биологическую активность, ферменты, витамины, состав белка, форму и цвет. Бесструктурные продукты — творог, молоко, кефир — будут отправляться в аппарат незамороженными. Герметически упакованные, такие продукты могут храниться годами.

Разумеется, не только полярникам понадобятся эти продукты — они пригодятся всем, кто уходит в далекую дорогу: в небо, в тайгу, в море...

Н. ХРАБРОВА

В ДВУХ КОМНАТАХ БОЛЬШОЙ МИР

В двух маленьких комнатках целый мир — мир творческого порыва и детской фантазии, мир настойчивых поисков и упорного труда. На стенах висят картины, горельефы, на стеллажах выставлены скульптуры. Все это — воплощение иногда скромных, а порой и довольно смелых замыслов юных художников и скульпторов, учеников детской студии при Дворце юных пионеров Ленинградского района в Киеве.

Об этой студии много писалось. Работы студийцев неоднократно экспонировались на республиканских, всесоюзных и международных выставках. Многие из них отмечены наградами. Только летом этого года на всемирном конкурсе в Берлине 78 учеников студии награждены дипломами.

Юные художники почти каждую неделю отправляют свои картины и рисунки за границу.

Вот и сегодня отправляется еще одна посылка в Чехословакию.

— Ребята,— говорит руководитель этой необычной школы Наум Осипович Осташинский,— мы посылаем новые работы наших воспитанников чехословацким друзьям. Попрощаемся со своими картинами и рисунками, пожелаем им успеха за пределами родной земли.

Большой мир детского творчества теперь уже никак не помещается в комнатушках студии. Студия давным-давно переросла свое маленькое помещение и в прямом, в буквальном смысле. Необходимо настоящее, просторное помещение с солидной учебной базой.

И, поскольку студия пользуется заслуженной славой в стране и за ее пределами, есть основание надеяться, что ее не обойдут своим вниманием и руководители города Киева.

Д. ПРИКОРДОННЫЙ

Щедрость

Далеко за пределами Украины знают учителя-пенсионера Григория Яковлевича Базыму. Бывший начальник штаба прославленного партизанского соединения С. А. Ковпака — автор книги «Следами большого рейда».

...Но и на 76-м году жизни учитель-пенсионер не сидит дома. Он частый гость у пионеров-туристов.

Долго будут помнить ребята рассказы Григория Яковлевича о славных делах путивльских партизан.

Не только с пионерами встречается Г. Я. Базыма. Его хорошо знают рабочие сумских, конотопских, шосткинских заводов, трудящиеся колхозных полей севера Украины.

А разве бывают совещания учителей, на которых бы старый педагог не поделился богатым опытом с молодыми коллегами?

Молодая, щедрая душа у старого партизана.

Т. ШОСТАК,
преподаватель педучилища

Путивль, УССР.

НА СОИСКАНИЕ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ

ОБАЯТЕЛЬНЫЙ ТАЛАНТ

Несколько книг Сергея Михалкова выдвинуто на соискание Ленинской премии по литературе. Это «Тридцать шесть и пять», «Облака», «Девочка и дядя Том», «Миллионер», «Веселые зайцы» — лучшее из написанного писателем за последний период. Все, что пишет Михалков, всегда хорошо, умно, весело, будь это басня, сатирическая пьеса, киносценарий, полемическая статья. Талант его многообразен, гибок; он искрится, звенит, поет и радует читателя, даже если он «дряхлый дед ста четырнадцати лет».

Когда-то детская литература была литературой второго, третьего сорта.

Корней Чуковский, Самуил Маршак, Сергей Михалков, Агния Барто своим творчеством сломали представление, что для детей можно писать скучно, назидательно-умиленно. Семилетний человечек, дескать, с благодарностью примет все, что для него напишут взрослые дяди и тети. Теперь уже писать для детей плохо, кое-как, спустя рукава нельзя, невозможно, стыдно.

Заняв подобающее ей место, детская литература вдруг неизмеримо расширила число своих читателей... за счет взрослых. Хорошее, звонкое слово, обращенное к детям, находит теплый отзвук в сердцах взрослых людей, которые сами были детьми, а это время, как известно, никогда не забывается. Для творчества Сергея Михалкова характерно и то, что почти каждое из его «детских» стихотворений имеет подтекст, который с готовностью улавливается папами и мамами, дедушками и бабушками. Им тоже интересно узнать о том, как богатая старуха после смерти оставила все свое состояние любимому бульдогу.

И если десятилетнего мальчугана рассмешит самодовольный бульдог, не узнающий знакомых собачонок, то взрослый увидит в нарисованной писателем картине прославленный американский образ жизни, где все подчинено власти чистогана.

Когда девочка на спектакле «Хижина дяди Тома» вбегает на сцену и дает актеру, играющему плантатора — торговца людьми, пять рублей, чтобы спасти негра, то это волнует и детей и взрослых. Последняя строфа стихотворения —

И воцарилась тишина,
Согретая дыханьем зала.
И вся Советская страна
За этой девочкой стояла —

воспринимается как утверждение большой правды нашего общественного строя.

Удивительно свойство Сергея Михалкова: не актерским умением, а совершенно искренне, непосредственно превращаться в мальчишку, наблюдать мир озорными ребячьими глазами. В стихотворении «Облака» он пишет:

На полянке я лежу,
Из травы на вас гляжу.
Я лежу себе — мечтаю:
Почему я не летаю
Вроде этих облаков,
Я — писатель Михалков?!

Вероятно, именно это свойство делает писателя близким детской аудитории, превращает его в задушевного товарища.

Хитрый парнишка из стихотворения «Тридцать шесть и пять», который натирает градусник, чтобы поднялась температура, приобретает столь зримые черты потому, что автор целиком вошел в образ своего героя, сам превратился в озорника. И всем смешно: и сверстникам мальчишки, и его папе, и дедушке. Кто из нас в детстве не проделывал таких же штучек? Да и сам Михалков, несомненно, проделывал. Вот только так остро вспомнить все это, так перевоплотиться в десятилетнего мальчугана, ловко сбросив со своих плеч сорок лет жизни, не каждому дано.

Радует в творчестве Сергея Михалкова его постоянное жизнелюбие, какое-то всегда доброе отношение к своим героям, маленьким и большим, ко всем людям. И отсюда возникает ответное чувство душевного тепла и благодарности к художнику, чей талант так обаятелен.

Ник. КРУЖКОВ

Фото ТАСС, ЮПИ, журналов «Флакара», «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», «Квик».

An jedem dritten Tag des letzten Jahres wurde in Deutschland eine Bank überfallen. Beute: eine Million

Deutschlands Bankbeamte leben gefährlich. 1964 wurden [illegible] Raubüberfälle auf Sparkassen und Banken verübt — sechsmal soviel wie vor elf Jahren. Ein Verbrechen, das einst in Mitteleuropa zu den Ausnahmen gehörte, scheint in der Bundesrepublik heimisch geworden zu sein. Dreiviertel aller Banküberfälle werden in der Regel aufgeklärt. Aber weder die Erfolge der Kriminalpolizei noch die ständig verbesserten Alarmanlagen schrecken die Täter. Sie erbeuteten allein im letzten Jahr über eine Million Mark. Diese Täter sind keine Irrsinnigen, sondern kaltblütige junge Gangster, die keine Sekunde zögern, einen Mord zu begehen. QUICK beginnt in diesem Heft mit einem Report über das jüngste und erschreckendste Kapitel der deutschen Kriminalgeschichte.

QUICK

Bankraub in Deutschland

В последнее время среди гангстеров боннского государства особой модой пользуется ограбление банков. Журнал «Квик», посвятивший свои страницы исследованию на эту тему, сообщает, что в ФРГ ограбление банка происходит каждый третий день. В 1964 году из банковских сейфов был похищен миллион марок. Рейды налетчиков сопровождаются убийствами. Разворот журнала «Квик», воспроизведенный здесь, показывает грабителей, трупы, полицейских за работой — будничные картины капиталистической страны.

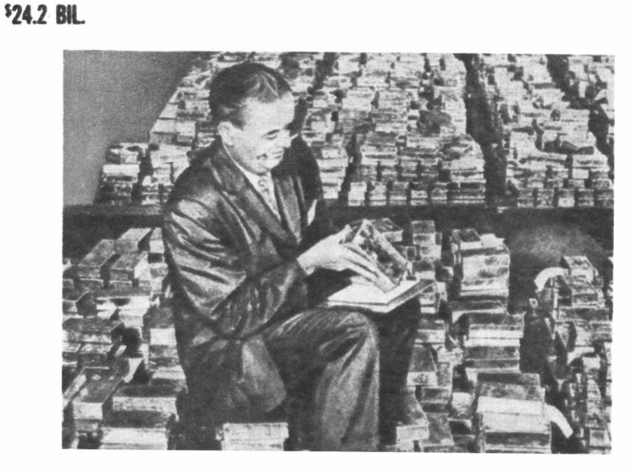
Английский ученый и общественный деятель лорд Бертран Рассел осудил американские провокации против Демократической Республики Вьетнам. Он заявил: «Американские нападения на Северный Вьетнам — это продиктованные отчаянием пиратские акты... Америка в ходе войны за господство на юге атаковала суверенное государство на севере, потому что в Южном Вьетнаме не смогла побороть сопротивление всего населения». В Европе, в Азии, в Америке, включая Соединенные Штаты, прошли манифестации с требованием положить конец агрессивным действиям США в Юго-Восточной Азии. На этом снимке: демонстрация перед американским посольством в Дели.

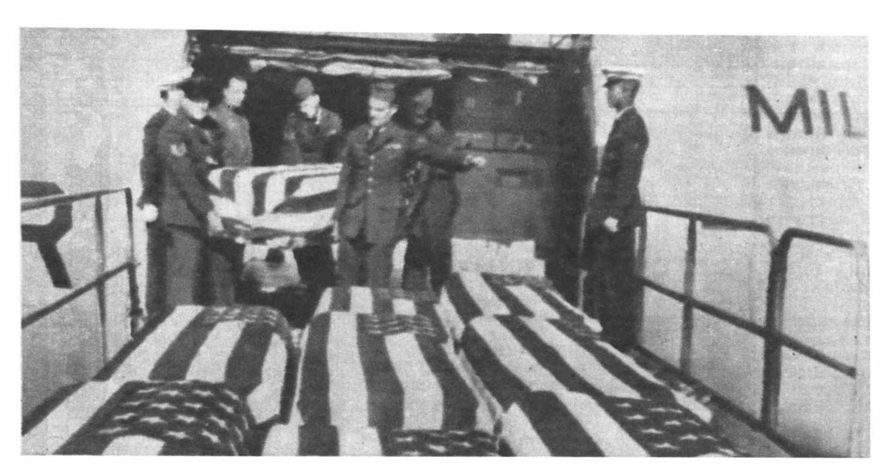

THE GOLD PROBLEM IS THIS–

U. S. gold stock on hand:	$15.5 BIL.
Gold required by law to back the dollar:	$13.6 BIL.
That leaves, as "free gold":	$ 1.9 BIL.
Foreign claims against U. S. gold:	$26.1 BIL.
Potential shortage of gold:	$24.2 BIL.

Служащий Форта Нокс — хранилища золотого запаса США — занят, очевидно, невеселым для Соединенных Штатов делом. Золотые слитки в подвалах Форта Нокс тают. Лишь за неделю, кончившуюся 3 февраля, золотой запас США уменьшился на 100 миллионов долларов. Из диаграммы, приведенной в журнале «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», следует, что США имеют сейчас золота лишь на 15,5 миллиарда долларов. В том случае, если другие страны потребуют обменять свои запасы долларов на золото, Соединенным Штатам не хватит огромного количества этого металла — еще на сумму 24,2 миллиарда долларов. Американские претензии сделать доллар «валютой валют» покоятся на очень шатких основаниях.

Недешево обходится Соединенным Штатам интервенционистская политика в Юго-Восточной Азии. Речь идет не только о миллиардах долларов, которыми субсидирована — за счет налогоплательщиков, конечно, — агрессивная политика руководящих кругов США. В Южном Вьетнаме сложил голову во славу американского империализма не один американский солдат. Недавно на военно-воздушную базу в Калифорнии прибыл самолет из Сайгона с грузом гробов. Еще девять матерей в США узнали, что их сыновьям пришлось расплатиться жизнью за авантюру в Южном Вьетнаме.

gone up

In eight weeks...

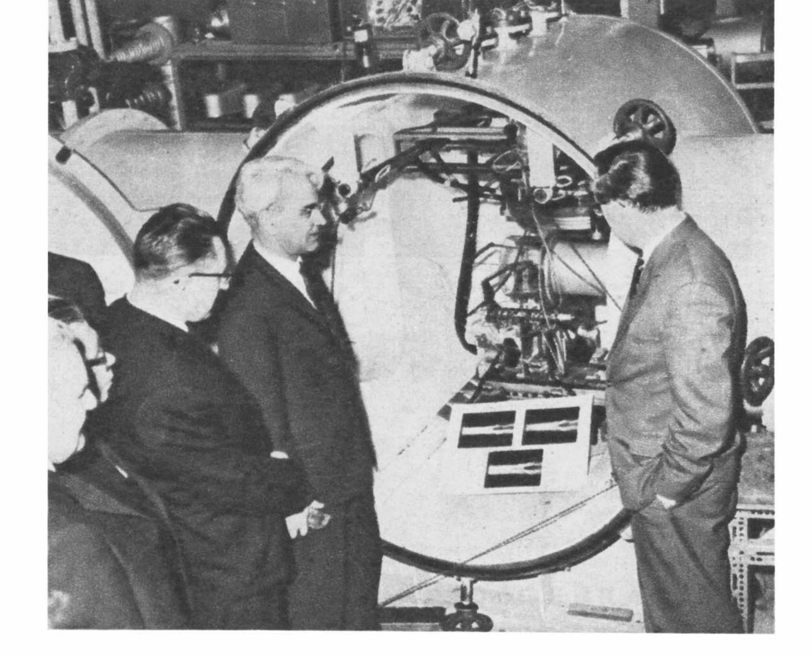
This is how some prices rose:

December 7		Tinned vegetables	1d
Sausages	1d	Sweets	4d
Detergents	2d	Custard	3d
December 23		Pickles	3d-8d
Biscuits	1d	Furniture	9d in £
Crispbread	2d	Electrical goods	3s in £
Frozen foods	1d-4d	Electricity (in some areas)	1s 7d a week
Fishpaste	1d	**January 15**	
HP charges	2½ per cent	Mortgage interest rates	to 6¾ per cent
January 1		**February 1**	
Chocolate	2d-6d	Fares (in some areas)	5 per cent
Sausages	2d	Coal (in some areas)	1s 8d-2s 6d a ton
Beer	1d	**February 8**	
Cinema seats	6d	Beans, frankfurters, snack meals	3d-6d
Detergents	3d	Shaving cream	3d
January 9			
Frozen foods	1d-3d		
Soft drinks	1d		
Salad cream	2d		

...e only a few samples ... Workers who...

Грустные лица бывают у английских покупателей, когда они заходят в магазины. Последнее время в Англии непрерывно растут цены. В декабре они повышались дважды, в январе — трижды, в феврале — снова дважды. Подорожали уголь и печенье, консервированные овощи и мебель, пиво и места в кинотеатрах. За восемь недель, как видно из материалов, помещенных в газете «Дейли уоркер», повышение цен коснулось 1 500 наименований различных товаров. Одновременно с этим происходит рост прибылей у крупных компаний, торгующих продуктами питания. В 1964 году прибыли их возросли на двадцать процентов.

Англию посетила делегация советских ученых во главе с президентом Академии наук СССР М. В. Келдышем. Советские гости встречались со своими английскими коллегами. На снимке: члены делегации в отделении аэродинамики Национальной физической лаборатории.

Жак Кусто, известный французский исследователь морских глубин, готовится к новому путешествию на дно Средиземного моря. В Ницце сооружается батисфера диаметром в шесть метров. Люди спустятся в ней на глубину 110 метров и будут жить там в течение двух недель.

Юстиция ФРГ выступает за аннулирование дел гитлеровских военных преступников.

РОДСТВО ДУШ

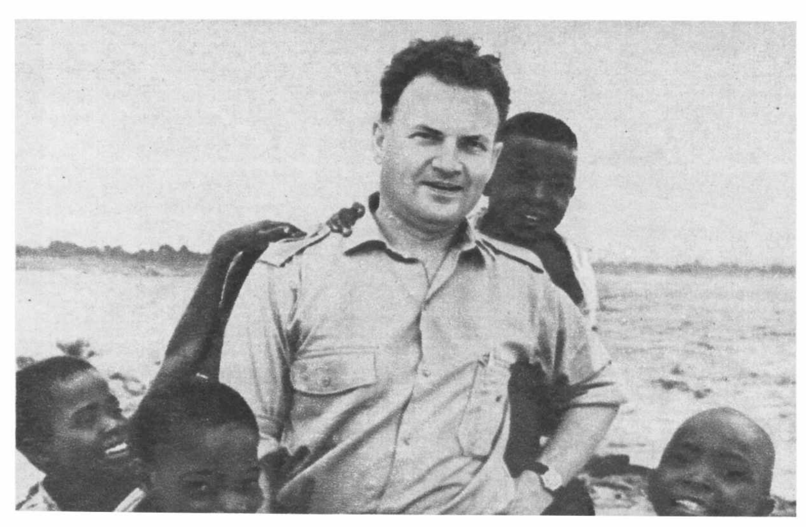

Рисунок Ю. Черепанова.

Обильные снегопады в Риме придали вечному городу необычный вид. Снег нарушил внутригородское сообщение. Под тяжестью снега рухнуло несколько деревьев в парках. А этим церковным служителям, которые затеяли игру в снежки на площади св. Петра, бог послал несколько веселых минут.

Свободу советскому журналисту!

В то время, когда типографская машина набирает эти строки, советский журналист, корреспондент «Известий» в Конго Николай Хохлов по-прежнему находится за решеткой чомбовской темницы. Конголезские власти продолжают держать его в тюрьме вопреки массовым требованиям освободить Николая Хохлова, которые раздаются в нашей стране и за рубежом, вопреки нормам международного права. Творя произвол, власти Леопольдвиля хотят нажить политический капитал на этой наглой провокации против советского журналиста. Советские читатели знают, что Николай Хохлов — искренний друг новой, освобождающейся Африки. Своим пером он помогал нам узнавать этот великий континент. Его корреспонденции и книги об Африке — вклад журналиста в советско-африканскую дружбу.

Журнал «Огонек» присоединяет свой протест против незаконного ареста Николая Хохлова. Советский журналист должен быть освобожден!

На снимке, который мы получили из редакции «Известий», Николай Хохлов снят незадолго до ареста.

Браво, Му!

П.-И. Му увенчан лаврами чемпиона мира. Слева от него голландец А. Шенк, справа—финн А. Лаунонен.

43 скорохода из 17 стран вели спор на катке «Бишлет». Норвежцы верили своему земляку — молодому скороходу Пер-Ивару Му.

...Он уже закончил состязание с великолепной суммой многоборья — 178,727, когда на дорожку вышел швед Йонни Нильссон. Если Йонни выиграет у норвежца в беге на 10 000 метров около 25 секунд, то станет чемпионом. Многие были уверены, что швед способен на это: ведь накануне Йонни улучшил мировой рекорд на 5 000 метров, доведя его до 7 минут 33,2 секунды!

— Я больше не могу, я должен уйти,— сказал Му. Тренер Стейн Йонсон понял состояние своего питомца, увел к себе домой, подальше от того кипящего котла, каким был «Бишлет». В тихой комнате Стейн слушал радио и, пользуясь телефоном, оставался в курсе событий на ледяной дорожке.

Му пришлось убеждать в том, что он уже чемпион мира, что ему надо возвращаться на стадион. Журналисты давно собрались в зале на пресс-конференцию, когда туда вбежал сияющий, все еще не верящий в свое счастье Му. Да, нелегко поверить, что ты лучший скороход земного шара, когда тебе всего 20 лет!

В Гетеборге, на чемпионате Европы, где лидеры показали в беге на 5 000 метров результаты порядка 7 минут 50 секунд, борьба шла на равных, но на быстром льду «Бишлета» угнаться за сильнейшими стайерами наши скороходы — Косичкин, Антсон и Каплан — не смогли, а Матусевич, как известно, упал еще на первой дистанции — 500 метров. Никогда еще наши скороходы не выступали так неудачно.

Итак, браво, Му!

Н. КИСЕЛЕВ

Осло.
По телефону.

Герои фильма – ракетчики

Киевский Дворец спорта. Девять тысяч передовиков сельского хозяйства Украины, собравшись здесь, чтобы обсудить, как лучше встретить весну, смотрели новый кинофильм. А когда зажегся свет, в адрес создателей картины можно было услышать много теплых слов.

Так состоялась премьера цветной кинокомедии «Ключи от неба», поставленной на Киевской киностудии художественных фильмов имени А. П. Довженко.

Писатель Иван Стаднюк известен не только читателям, но и кинозрителям. По его сценариям на военные темы были поставлены картины «Максим Перепелица», «Человек не сдается». И на сей раз автор не изменил любимой теме. Новое произведение — сценарий кинокомедии «Ключи от неба» — он посвятил мужественным ракетчикам.

«Ключи от неба» — увлекательный рассказ об учебе, боевой жизни ракетчиков, о том, как бережно они охраняют родную землю, мирный труд советских людей.

Фильм поставил режиссер Виктор Иванов. В создании фильма активное участие принял личный состав Н-ской ракетной части, военные консультанты генерал-полковник А. Подольский и майор А. Золотухин. Музыка композитора Вадима Гомоляки. Тексты песен поэтов Василия Федорова и Бориса Палийчука.

Б. ВЕНГРАНОВИЧ

На снимке: кадр из фильма «Ключи от неба». Солдата Лагоду играет артист А. Леньков.

■

В ГОСТЯХ У «ОГОНЬКА»

РЫЦАРИ СМЕХА

Тонкая лукавая усмешка Георгия Вицина; спокойный умный взгляд Евгения Моргунова; задумчивое, печальное, даже грустное выражение лица и глаз Юрия Никулина... Как же они непохожи, эти актеры, пришедшие к нам в гости на «Огонек», на тех троих «героев», подонков и оголтелых хамов, над которыми люди — даже самые несмешливые — безудержно смеялись в кинофильме «Пес Барбос и необыкновенный кросс»!..

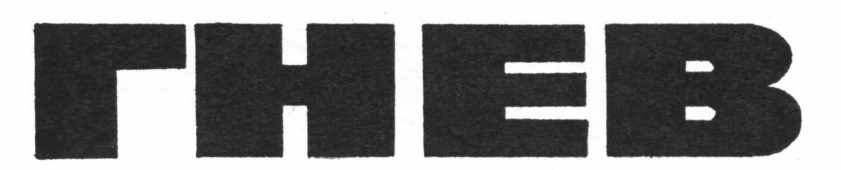
Леонид Гайдай (режиссер, создавший эту чудесную маленькую — если считать по количеству частей — и очень большую по мысли и таланту картину, триумфально прошедшую по экранам чуть ли не всего мира) рассказал о тайнах рождения комедийного фильма.

Сейчас они делают новую кинокомедию — «Операция «Ы». И очень огорчаются, что в съемках наступит неизбежный перерыв из-за предстоящего отъезда Ю. В. Никулина в Австралию, куда на гастроли отправляется Московский цирк. Ведь Никулин и по своей основной специальности мастер смеха: он клоун, коверный, не менее популярный, чем Олег Попов, но отличающийся совсем иной манерой смешить публику. По отделению клоунады Никулин и кончал цирковое училище, робко мечтая тогда о съемках для кино. Он даже пробовал поступать в Институт кинематографии; его не приняли за неспособностью!..

Встреча Никулина с Гайдаем, Вициным и Моргуновым утвердила жизнь этой четверки в кино, прочно и навсегда сделав их рыцарями смеха, именно смехом воюющими против всего злого, негодного в жизни.

Н. ТОЛЧЕНОВА

ГНЕВ

Р. Я. МАЛИНОВСКИЙ,
Маршал Советского Союза

IV

До середины 1937 года Восточный фронт в Испании представлял собой довольно своеобразный участок войны. На всем протяжении фронта — около трехсот километров — царило удивительное спокойствие. Со стороны республиканцев здесь стояли в основном каталонские части, находившиеся под большим влиянием анархистских организаций. Развевавшееся над этими частями черно-красное знамя только с виду имело устрашающий вид: анархисты отнюдь не были расположены к жестоким схваткам.

Переходы с одной стороны на другую приняли форму обычного явления. И странствовали люди совсем не для того, чтобы определиться в соответствии со своими политическими убеждениями. Один штабофицер из лагеря мятежников регулярно навещал своих родственников в Альканьисе, расположенном в глубоком тылу республиканцев, причем не привлекая особого внимания ни властей, ни граждан республиканской стороны. Мы уже перестали воспринимать как шутки вести о разительных, по нашим понятиям, случаях футбольных поединков между враждующими сторонами...

Впервые эти полюбовные отношения были нарушены Сарагосской операцией, проведенной республиканцами. Разумеется, в ней участвовали не анархистские войска Восточного фронта, а соединения, переброшенные из-под Мадрида. После этого сюда начали подтягиваться новые республиканские части, чему в немалой степени способствовал переезд испанского правительства из Валенсии в Барселону в ноябре 1937 года. И все же еще к марту 1938 года Восточный фронт оставался самым слабым участком.

Сколько раз убеждали мы республиканское командование воспользоваться затишьем для возведения добротных оборонительных сооружений! Ничего по существу сделано не было. Оборонительные позиции по-прежнему состояли из отдельных опорных пунктов, узлов и районов, не оборудованных зачастую даже окопами полного профиля,— бойцы укрывались за стенками, сложенными из камней. Обо всем этом противник был прекрасно осведомлен, но не тревожил республиканские части, дабы намеренно поддерживать командование Восточного фронта в состоянии описанного выше благодушия. Впоследствии оно дорого обошлось республиканцам.

Единственным сильным звеном фронта была Маневренная армия. При командующем этой армии полковнике Менендесе я состоял советником. Армия занимала дорогу из Монтальбана в Каминреаль и фронт к югу до Паралехоса. Ее 21-й армейский корпус занимал участок Сегура де лос Баньос, Гальве, причем 34-я дивизия этого корпуса находилась впереди оборонительной позиции — на высотах, которые были ею заняты в середине февраля вместе с 35-й дивизией. Последняя затем была снята и переброшена под Теруэль. 34-я пехотная дивизия, в свою очередь, подлежала выводу в резерв и ожидала, когда ее сменит 30-я дивизия, входившая в состав Восточной армии. Однако анархистские части не торопились покидать насиженные места. Настойчивые обращения по этому поводу командующего Маневренной армией к командующему Восточной армией оставались без ответа, а Генеральный штаб посчитал за благо не вмешиваться в этот щекотливый вопрос и дипломатически подтвердил существовавшую ранее границу между армиями. Такая путаница на стыке армий с переходом в наступление мятежников и интервентов поставила 34-ю дивизию в исключительно тяжелое положение.

К югу до Гальве занимала фронт 27-я пехотная дивизия 21-го армейского корпуса. 70-я пехотная дивизия была выведена в резерв и предусмотрительно оставлена до выяснения обстановки на стыке армий. А от Гальве до Пералехоса занимал фронт 13-й армейский корпус в составе 39-й и 28-й пехотных дивизий.

Маневренная армия имела в своем составе в основном боеспособные части с инициативным и решительным командованием. К сожале-

---

Окончание. См. «Огонек» №№ 6 и 7.

...НЫЕ ВИХРИ ИСПАНИИ

нию, эти части были сильно измотаны боями под Теруэлем. Что же касается Восточной армии, занимавшей весь северный участок фронта до французской границы, то лишь ее 43-я пехотная дивизия да несколько отдельных бригад представляли собой сносные в боевом отношении единицы. В целом же армия из-за засоренности штабов и комиссарского аппарата анархиствующими элементами, честно говоря, не была подготовлена к приближавшемуся сражению. Полковник Менендес и начальник оперативного отдела майор Франсиско Сиутат высказывали по этому поводу опасения. Но что они могли поделать!

Нужно добавить, что высшее республиканское командование в лице министра обороны И. Прието, а отчасти и начальника Генерального штаба В. Рохо, несмотря на вполне естественную вероятность наступления интервентов по долине реки Эбро, ошибочно ожидало такого удара на Гвадалахарском направлении, полагая, что генерал Франко вернется к своему плану захвата Мадрида. Поэтому в районе Гвадалахары удерживались некоторые дивизии маневренных войск, которые так пригодились бы в нижнем Арагоне.

Грубая, непростительная ошибка! Непростительная еще и по той причине, что Генеральный штаб располагал совершенно надежными сведениями о готовившейся врагом операции. Еще 27 февраля стало известно о том, что в районе Туделы появилось до двухсот самолетов противника, 4 марта — о том, что в районе Дароки, Каминреаля сосредоточиваются боеприпасы и материальные средства для итальянского экспедиционного корпуса, 5 марта — о том, что в Дароке засечена радиостанция, ранее работавшая под Теруэлем, и что в этом же районе появился крупный итальянский штаб. На дороге от Каламоча на Дароку авиация обнаружила автоколонну в 400 грузовиков, в районе Вивель дель Рио Мартин установлено сосредоточение пехоты силой до восьми батальонов. Наконец, 8 марта, за день до вражеского наступления, республиканские летчики сообщили, что по дорогам, ведущим к Восточному фронту, движется большое количество войск.

Вспоминается эпизод, когда в штабе Маневренной армии появились перебежчики с вражеской стороны. Я был очевидцем беседы с ними майора Сиутат.

— Из каких вы частей? — был задан вопрос.

И последовал ответ:

— Из 13-й и 62-й пехотных дивизий.

— Где сейчас ваши дивизии?

— Перебрасываются из-под Теруэля в район Кариньены.

Тут же были посланы самолеты, чтобы проверить достоверность этих данных. Через час летчики сообщили, что в районе Тосос, Кариньена, Паниса, Вистабэльи действительно замечено крупное сосредоточение вражеских войск.

Полковник Менендес немедленно связывается с Прието и ждет от него указаний. И указания поступают: «Не беспокоить министра».

Другого и нельзя было ждать от министра национальной обороны, часто высказывавшегося в том смысле, что война уже проиграна. В самом деле, стоило ли беспокоить его? Что касается начальника Генерального штаба Рохо, то он, в сущности говоря, был бессилен что-либо предпринять. Его распоряжения командующему Центральной армией генералу Миаха об отправке резервов на Восточный фронт остались гласом вопиющего в пустыне. Когда же генерала Миаха все-таки удалось «уговорить», то было поздно: резервы еле-еле успели к боям под Леридой и Альканьисом.

Да, очень не хватало республиканской армии твердого, прозорливого командования. Только такое командование могло бы изменить ход военных событий в пользу Республики. Намерения генерала Франко могли быть очень легко разгаданы. Готовившееся им наступление в нижнем Арагоне к югу от реки Эбро преследовало вполне ясную цель: отрезать Каталонию от центральной части страны, выйти на средиземноморское побережье и совершенно лишить Республику связей с внешним миром. После выполнения этой задачи окончательное удушение испанского народа оставалось уже делом времени.

Как выяснилось позднее, 25 февраля, то есть на второй день наступившего затишья после захвата Теруэля, генерал Франко дал общую директиву на проведение новой операции. Директивой предусматривались три этапа наступления.

Первый этап — использовать выступ фронта в сторону мятежников между Фуэнтес де Эбро и Вивель дель Рио Мартин и атаковать республиканские части по сходящимся направлениям, имея целью достичь Каспе и Альканьиса.

Второй этап — нанести удар на север от реки Эбро, выйти на реку Синка, а если удастся, то и на реку Сегре.

Третий этап — использовать достигнутые успехи для продолжения операции к югу от реки Эбро с тем, чтобы прикрыться ею от контратак с северо-востока и выйти к морю к югу от Тортосы.

В состав армии включались все силы, которыми располагали мятежники и интервенты, в том числе и доведенный до полной боевой численности итальянский экспедиционный корпус. В общей сложности противник собрал для проведения операции четырнадцать пехотных дивизий и одну кавалерийскую, около 600 орудий и до 700 боевых самолетов, много танков, сосредоточенных главным образом в итальянском экспедиционном корпусе. Все, что могли противопоставить интервентам и мятежникам республиканцы,— это одиннадцать дивизий, из которых в относительной близости к району вражеского наступления располагалось не более шести-семи крайне измотанных, слабых по численному составу и вооружению пехотных дивизий.

V

Не спалось мне ночью с 8 на 9 марта. Тяжелые предчувствия бередили душу. Еле рассветало, когда я, ополоснувшись свежей ключевой водой, бродил среди оливковых деревьев во дворе особняка, где располагался штаб армии. Тяжелые каменные своды, узкие, как щели, темные окна старого дворянского дома усиливали ощущение тревоги, чего-то зловещего, неотвратимого. И вдруг до слуха донеслись далекие артиллерийские залпы. Один, второй, третий... Теперь уже ясно можно было определить: выстрелы докатывались с запада, значит, с фронта. Неясная до сего времени тревога моментально приобрела реальную сущность: Франко начал наступление.

Так оно и было. Три корпуса мятежников и интервентов после сильной артиллерийской подготовки, сопровождаемые штурмовой авиацией, нанесли удары по республиканским частям: итальянский экспедиционный корпус силой до тридцати батальонов — на участке 12-го корпуса Восточной и 21-го корпуса Маневренной армий; Марокканский армейский корпус силой в тридцать шесть батальонов — на участке Фуэндетодос, Агилон по левофланговой бригаде 44-й пехотной дивизии и по правофланговой бригаде 24-й пехотной дивизии; Галисийский армейский корпус в составе не менее сорока восьми батальонов — в стык двух армий — Восточной и Маневренной,— который, как мы знаем, совершенно не был укреплен. Легко себе представить, что чувствовали бойцы четырех республиканских батальонов, противостоявших Итальянскому, шести батальонов — Марокканскому и восьми батальонов — Галисийскому корпусам. Вот где проверялось мужество защитников Республики. Оно оказалось далеко не одинаковым!

24-я и 30-я республиканские дивизии 12-го корпуса, не оказав серьезного сопротивления противнику, начали отходить. Командир корпуса выехал в Фуэндетодос, чтобы восстановить порядок в расстроенных частях, а его начальник штаба, личность чрезвычайно подозрительная, разбросал имевшиеся под рукой резервы и, посчитав свою миссию законченной, в строго соблюдаемый час уселся за обед. Прибывший на подкрепление корпуса импровизированный отряд во главе с командиром пехотной дивизии майором Энсисо смешался с отходящими в панике частями, а сам майор Энсисо отдал себя в руки противнику, заявив в скорости через печать о своих давних симпатиях к фалангистам.

Совершенно иначе развивались боевые действия на участке 21-го корпуса. 34-я, 70-я и 27-я пехотные дивизии, возглавляемые прекрасными командирами и наполовину состоявшие из коммунистов, членов объединенной социалистической партии Каталонии и социалистического союза молодежи, смело вступили в тяжелый бой и отбили все атаки Галисийского армейского корпуса. Особенно стойко оборонялась покинутая соседними частями Восточной армии 34-я дивизия майора Этельвино Вега. Она отошла только ночью, вследствие безвыходности обстановки и по приказу командира корпуса.

К исходу 9 марта командир 12-го корпуса получил в свое распоряжение 35-ю дивизию в составе 13-й и 15-й интернациональных бригад. Пребывая в состоянии полнейшей растерянности, он подставлял под удар противника все, что попадалось под руку. 15-я бригада была уже разбросана побатальонно в Бельчите, Летуксе и Лесэре, когда вместе с 13-й бригадой к месту боев прибыл командир дивизии генерал Вальтер.

Поздно вечером в штабе 12-го корпуса появился командующий Восточной армией генерал Посас. Он был взвинчен. Еще бы! Наконец-то дошло до его сознания, что армия находится на направлении главного удара мятежников и интервентов. Затрещали телефоны, в Генеральный штаб полетели сигналы бедствия и настоятельные просьбы о переброске на участок армии резервов главного командования. Если бы генерал Посас подумал об этом раньше! Очередное «если бы», о которых говорил в свое время Висенте Рохо. В суматохе Посас даже не указал, на какой же рубеж перебрасывать ему резервы: он и сам не представлял себе будущего рубежа обороны.

Все последующие дни на фронте можно было наблюдать ту же самую картину: там, где стояли войска Маневренной армии и части, переданные в Восточную армию с Теруэльского фронта, каждый метр каменистой, безжизненной сьерры доставался противнику ценой огромных потерь. Анархистские же части, не ввязываясь в бой, поспешно отходили. Характерный случай произошел на третий день операции, когда командиру 35-й дивизии генералу Вальтеру пришлось, в

сущности, организовать оборону на участке всего 12-го корпуса. 13-я и 15-я интернациональные бригады и приняли на себя удар Марокканского армейского корпуса.

Обстановка сложилась чрезвычайно тяжелая. В полдень генерал Вальтер установил, что дивизию обходит большая группа вражеской конницы с танкетками. Задержать ее могла только артиллерия. Генерал лично выезжает к своей гаубичной батарее и управляет ее огнем. После первых же удачных разрывов конница мятежников повернула обратно.

В это время Вальтер замечает, что по горной тропе отходит группа пехоты до батальона. Посылает туда своего адъютанта. Тот докладывает, что это сборный отряд 153-й бригады во главе с комбригом.

— Остановить!— приказывает Вальтер и вызывает к себе командира бригады.

У того совершенно растерянный вид. Он плохо соображает, что от него требуется. А требовалось от него занять оборону на высотах и прикрыть единственную в этом месте дорогу.

— Будет исполнено,— отвечает наконец командир бригады и уходит со своим батальоном в горы.

Помнится, полковник Менендес, услышав об этом случае, сказал:

— С генералом Вальтером этот негодяй еще счел возможным разговаривать, другого он не стал бы и выслушивать.— И развел руками: — Анархисты.

К исходу дня 35-я дивизия вынуждена была оставить Лесэру, а ночью отошла на Альбалате дель Арсобиспо. Обстановка вынудила отходить и 21-й корпус. Его 34-я дивизия была до предела истощена боями в полуокружении — только на второй день по горным тропам на мулах ей удалось доставить хлеб и по десятку патронов на бойца. В тяжелых, изнурительных боях были потеснены 70-я и 27-я дивизии.

12 марта в Альканьис прибыл начальник Генерального штаба Висенте Рохо с оперативной группой офицеров. Плачевную картину увидел он на фронте: 12-й армейский корпус фактически уже не существовал — остатки его дивизий беспорядочно отходили на восток. Перевозка 11-й дивизии прославленного генерала Листера из-за недостатка транспорта задерживалась. Показания пленных свидетельствовали о том, что мятежники и интервенты ввели в бой все свои маневренные резервы и намерены в ближайшее время быть здесь, в районе Каспе, Альканьис. Республиканские части деморализованы, собрать их в единый кулак невозможно.

Никогда не видел я до этого генерала Рохо в таком подавленном состоянии. Он был бледен, то и дело восклицал:

— Пусть меня бомба разорвет на куски, только не видеть этого позора!

И все же он нашел в себе твердость принять на себя руководство войсками на фронте прорыва и сделать все, чтобы каким-то образом задержать неприятеля.

Но сделать что-либо было очень и очень трудно. В эти дни удивительную нерасторопность проявил командир 18-го корпуса полковник Эредиа. Он сам не смог организовать оборону Альканьиса и помешал это сделать генералу Листеру, чья дивизия наконец-то вступила в бой. Утром 14 марта в городе поднялась пулеметная стрельба. Это «пятая колонна» захватила крепость и открыла огонь по улицам. С запада и юга на Альканьис двинулась итальянская мотопехота в сопровождении танков. В городе поднялась паника. Беглецы из состава 18-го корпуса вместе со своим командиром устремились на восток, а большая часть офицеров штаба предпочла сдаться. В 8 часов утра итальянская мотоколонна вступила в уже никем не занимаемый Альканьис.

Мне хорошо помнится совещание, которое провел с командным составом Восточной и Маневренной армий генерал Рохо 16 марта. Он, кажется, собрал все силы, чтобы не взорваться законным гневом по адресу генерала Посаса. Только в голосе его звенели железные нотки:

— Двенадцатый армейский корпус разбит, восемнадцатый тоже. Остатки этих корпусов подпали под влияние «пятой колонны» и деморализованы. Среди бойцов и офицеров ведутся открытые разговоры о бесполезности сопротивления. Я отдаю приказ о расформировании этих войск. Людей передать на пополнение других частей республиканской армии...

Тут же Висенте Рохо сообщил, что по решению главного командования «фронт Маэстраего», как был назван фронт прорыва, ликвидируется. Весь участок обороны к югу от реки Эбро передается Маневренной армии.

«Так-то лучше»,— мелькнуло у меня в голове. Правда, сразу же встало перед глазами соотношение сил. Сто восемьдесят хорошо оснащенных батальонов франкистов против восьмидесяти пяти измотанных батальонов республиканцев... Конечно, об этом думал и генерал Рохо. Он сообщил, что принял решение о сформировании резервного маневренного корпуса и отдал приказ Центральной армии, армиям Леванта[1], Эстремадуры и Андалузии немедленно выделить и приготовить к переброске по одной пехотной дивизии в составе двух бригад каждая.

Тогда же, на совещании, я высказал мысль о том, что этих сил все же маловато. Лучшим способом остановить наступление противника был сильный фланговый удар. А для этого требовалось создать мощную группировку. И создать ее Республика была в состоянии: один Центральный фронт мог выделить три полнокровных и крепких дивизии.

В голове у меня быстро начала складываться схема такого удара. Нанести его лучше всего из района Хельса, Эскатрон в общем направлении на Ихар, Альбалате дель Арсобиспо, Муниесу. Три-четыре крепких дивизии — и корпус мятежников, вышедший к рубежу Каспе, Альканьис, был бы поставлен на грань катастрофы. Даже захват района Ихар, этого важнейшего и почти единственного узла дорог в тылу врага, парализовал бы дальнейшее наступление противника.

— Хорошо понимаю вас, полковник Малино, но поймите и вы меня,— это все, что мог сказать в ответ на мое предложение генерал Рохо.

Я тоже понял Висенте Рохо. Он был поставлен в такое положение, что оказался вынужденным вести с командующими армиями форменные торги по поводу обычной замены одних дивизий другими. Даже когда с большим опозданием ему удалось добиться переброски свежих сил на Восточный фронт, на пути встала масса препятствий. Командующий Центральным фронтом генерал Миаха, отправляя 3-ю дивизию, буквально обобрал ее: отнял весь транспорт, большую часть станковых и ручных пулеметов, исключил из состава дивизии полнокровную 26-ю бригаду.

А ларчик открывался просто. Висенте Рохо в чине майора был когда-то в подчинении Миаха. Затем подчиненный стал подполковником, полковником, наконец, генералом и в должности начальника Генерального штаба оказался начальником над Миаха. Этого старый генерал простить ему не мог. Очевидная талантливость Висенте Рохо, его высокие заслуги перед Республикой во внимание не принимались, и Миаха как только мог вредил своему бывшему подчиненному, группируя вокруг себя в этой «борьбе» реакционные силы.

Но даже половинчатые меры укрепления фронта, которые смог принять генерал Рохо, во многом себя оправдали. С 17 по 21 марта мятежники и интервенты не смогли добиться сколько-нибудь решительного успеха. Запомнился мне с тех пор один эпизод...

19 марта при мощной поддержке авиации и артиллерии итальянцы атаковали 9-ю бригаду 11-й дивизии Листера на участке Торресилья де Альконис, Ла Кондоньера. Бригада была застигнута врасплох и оказалась не в состоянии удержать населенные пункты. Образовалась брешь, в которую итальянцы не замедлили пустить танкетки и бронемашины. Положение создалось угрожающее. И тогда Листер, на командном пункте которого я находился, принимает смелое решение: закрыть брешь специальным батальоном в количестве всего двухсот человек. На мой намек на малочисленность батальона Листер твердо ответил:

— Это настоящие бойцы.

Тоненькая ниточка обороны возникла перед наступавшими итальянскими частями. Но она не оборвалась. Тем временем по распоряжению Листера к месту прорыва с участка 1-й бригады были переброшены артиллерийская батарея, взвод броневиков и взвод танков, а командир 5-го корпуса Модесто прислал два батальона из своего резерва.

В это время к нам на КП прибыл командир 3-й дивизии майор Тагуэня. Быстро было принято решение: подтянуть к месту прорыва 3-ю дивизию. Пока она совершала тяжелый пятнадцатикилометровый марш по горам, командующему Маневренной армией было доложено о принятом решении. Лично я был уверен, что оно будет утверждено полковником Менендесом, и не ошибся.

3-я дивизия подоспела очень кстати. Итальянцы все же смогли прорвать ниточку республиканской обороны, когда на них обрушилась быстро развернувшаяся 33-я бригада. 31-я бригада контратаковала в направлении Торревелильи, в которую уже входила итальянская пехота. Наступление интервентского корпуса было остановлено, а повторные атаки противника — отбиты.

В самый разгар боя на командном пункте дивизии появились командир 5-го корпуса Модесто, комиссар Маневренной армии Пабло Боно и начальник оперативного отдела майор Сиутат. Итальянцы, сообразив, что перед ними весьма важная «живая цель», обрушили на командный пункт целые ливни свинца. Но никто из этих людей, о которых я буду помнить всю свою жизнь, не дрогнул. Еще тогда мне подумалось: «Вот настоящие герои Испании. Побольше бы таких командиров республиканской армии».

Этот памятный бой показал: врага можно бить, и крепко бить. Все дело в организованности, хорошем взаимодействии частей.

Истинные чудеса храбрости с самого начала операции показывали и республиканские летчики, среди которых было немало славных советских соколов. Несмотря на то, что мятежники и интервенты имели тройное преимущество в авиации, господство в воздухе принадлежало Республике. Только за период с 10 по 16 марта республиканская авиация сбила 26 вражеских самолетов.

Когда сейчас, спустя двадцать семь лет, вдумаешься в эти цифры, перед глазами встает гудящее от моторов испанское небо — и дневное, густой, почти неправдоподобной синевы, и ночное, светлое от огромной, будто кованной из серебра испанской луны. Перед глазами встают осунувшиеся от беспрерывных боев, но неунывающие лица

[1] Левант — восточное побережье Испании.

О БОЕВЫХ ПОХОДАХ

Славен путь армии Страны Советов... В творчестве многих художников запечатлены его великие этапы.

У одних собственные жизненные дороги стали частицей великого боевого пути, как у киевлянина Михаила Бельского.

С боями прошел художник по родной Украине, чтобы потом сказать словом живописи: «Земля свободна!»

Другим, как двадцатисемилетнему Святославу Божию, о трудностях боевых походов довелось слышать лишь от старших, от отца, тоже художника, да еще узнавать из книг...

Но на то и художник, чтобы у себя в мастерской перед чистым холстом ощутить вдруг горячую «Жажду» молоденького красноармейца...

Е. Степанова

С. Божий. ЖАЖДА.

М. Бельский. ЗЕМЛЯ СВОБОДНА.

летчиков, длинные черные хвосты дыма, волокущиеся за вражескими машинами. Конечно, были потери и с республиканской стороны, но они не идут ни в какое сравнение с потерями мятежников и интервентов. Высокая боевая хватка, привитая советскими летчиками испанским боевым друзьям, давала о себе знать.

Так завершился первый этап Арагонской операции.

VI

Первые три дня нового наступления мятежников и интервентов севернее реки Эбро можно считать кризисными для республиканцев. Враг нанес по частям Восточной армии два сильных концентрических удара в сторону важнейшего узла дорог — Лериды, который являлся воротами в Каталонию. Здесь наступали Наваррский, Арагонский и Марокканский корпуса с пяти-шестикратным превосходством сил над республиканскими частями. Фронт Восточной армии был прорван, и она начала общий отход.

А тут еще вступили в силу те рычаги, благодаря которым медленно, но верно разваливалась оборона. Запланированный генералом Рохо на 24 марта удар резервного корпуса не состоялся, так как он не успел сосредоточиться в исходном районе ввиду нехватки автотранспорта. Тщетно Висенте Рохо требовал от транспортного управления выделить необходимое количество машин: Генеральный штаб и это управление с засевшими в нем предателями были «разнородными» органами, и действия их координировало министерство национальной обороны во главе с Прието, от которого нельзя уже было ждать никаких разумных действий. По этой причине задерживалась переброска на север и других частей.

Подозрительную беспечность проявило в те дни и министерство внутренних дел. Благодаря этой беспечности под угрозой захвата «пятой колонной» оказался город, в котором находилось республиканское правительство,— Барселона.

А дело было так. В барселонской тюрьме содержалось несколько сот арестованных мятежников. Жили они вольготно и, по правде сказать, давно бы могли сбежать из тюрьмы. Удерживала их лишь инструкция генерала Франко — сидеть и ждать подходящего момента для выступления. Парадоксально, но факт: тюрьма оказалась самым надежным местом сосредоточения вражеских сил в тылу Республики. Мятежников будто нарочно оберегали от гнева испанского народа.

В дни тяжелых неудач республиканцев момент, о котором говорил Франко, наступил. Во время одной из авиационных бомбардировок города мятежники, заранее объединившись в довольно организованный отряд, легко справились с охраной, покинули тюрьму и захватили оружие: несколько сотен винтовок и тысячу ручных гранат— все, что было в складах, расположенных возле тюрьмы. Теперь оставалось захватить находившиеся неподалеку береговые батареи и открыть огонь по городу. Это послужило бы сигналом к общему выступлению «пятой колонны». К счастью, отряды рабочей милиции подоспели к тюрьме и подавили мятеж.

На фронте между тем командование Восточной армии совсем потеряло связь со своими частями и находилось в полнейшем неведении об обстановке. Генерал Посас, «возглавляя» отход своих частей в респектабельном легковом автомобиле, мог только предполагать, что Наваррский корпус занял Ласкальяс и Барбуньялес, а Марокканский — Бухаралос и Кондаснос.

А на участке Маневренной армии, принявшей на себя удары Галисийского и Итальянского корпусов, шли ожесточеннейшие бои. Героически сражался 5-й республиканский корпус, дело доходило до штыковых схваток.

Как восхищался тогда полковник Менендес действиями расчета противотанковой пушки, состоявшего из бойцов интернациональной бригады имени Домбровского! Подоспев к району атаки итальянских танкеток, расчет выкатил пушку прямо на дорогу и в какие-нибудь несколько минут подбил четыре вражеские машины. Противник откатился. А расчет, все бойцы которого были ранены, наотрез отказался покинуть поле боя.

Мы видели эти итальянские танкетки. В одной из них оказался раненый командир роты. На его танкетке было написано: «Vado e ritorno» («Иду и возвращаюсь»)... Излишняя самоуверенность!

На горной дороге севернее Сориты части Галисийского корпуса отрезали от основных частей сборный батальон 22-го корпуса с тремя аварийными танками и четырнадцатью орудиями. Тут же находился командир корпуса подполковник Ибаролла, человек исключительной храбрости и сметки. Он берет в руки винтовку и ведет в атаку на занятую мятежниками высоту две роты бойцов. Враг отброшен. Ибаролла благополучно выводит свой отряд, соединяется со своими частями и занимает прочную оборону.

А вот как поступил в аналогичной обстановке командир 43-й пехотной дивизии подполковник Эскаси. Надо сказать, что бойцы этой дивизии, находившейся на крайнем правом фланге Восточной армии, с самого начала наступления наваррцев оказали им упорное сопротивление. Но вот дивизия оказалась отрезанной от всех путей сообщения с Каталонией. В тылу у нее громоздились горы Пиренейского хребта, через которые шли лишь узкие тропы во Францию. Их-то и использовал подполковник Эскаси, чтобы удрать на французскую территорию, оставив на произвол судьбы свое соединение. Потом он с помощью французских властей направился в распоряжение Франко.

Два командира — два полюса противоположных сил Республики...

В эти тяжелые дни, когда мятежники и интервенты преодолели уже тыловой оборонительный рубеж Восточной армии и форсировали реку Синка, когда оборону Каталонии решено было организовать по второму и, пожалуй, последнему выгодному рубежу — по рекам Ногера-Польяреса и Сегре, по всей Республике прокатился клич Коммунистической партии Испании: «Все на фронт!» Из уст в уста передавались ставшие историческими памятные слова Долорес Ибаррури: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях». Лучшие коммунистические части, иногда помимо воли военных начальников, спешили заслонить собой бреши в обороне фронта. Именно эти части стали костяком сопротивления Республики и положили предел наступлению врага на Каталонию.

Олицетворением героизма Республики стала та же 43-я дивизия. Совершенно изолированная от внешнего мира, дивизия много дней сражалась с врагом, имевшим подавляющее численное, территориальное, тактическое превосходство. Об этом сражении можно написать целую книгу, и каждая ее страница будет дышать беспредельным мужеством республиканских бойцов. Только исключительно тяжелые обстоятельства вынудили дивизию уйти во Францию. Бойцы потом вернулись и доблестно сражались в рядах славной армии Эбро до последнего дня борьбы испанского народа.

В первых числах апреля республиканская Испания была поставлена в исключительно тяжелую обстановку. Мятежники и интервенты овладели Леридой, Гандесой. На очереди стояла Морелья, после чего противник мог планировать выход к морю. Тяжелая угроза нависла над Каталонией: части защищавшей ее Восточной армии с большой оговоркой можно было назвать воинскими частями, настолько потрепанный вид они имели. Сопротивление врагу могли оказать лишь двадцать истощенных батальонов 13-й интернациональной бригады да дивизий, переброшенных в район Лериды уже в период тяжелых боев за этот район из других армий. Но на стороне врага было все-таки сто сорок четыре батальона!

Крайне истощенным оказался 5-й корпус Модесто. Каждая его бригада представляла собой не более сводного батальона. Так же примерно выглядели части и 22-го корпуса, действовавшие на морельском направлении. Два эти корпуса Маневренной армии сдерживали озверелый натиск одиннадцати прекрасно вооруженных дивизий мятежников и интервентов.

Черные дни начались и для республиканской авиации. Она потеряла всю сеть аэродромов. Спешно развернутое строительство новых посадочных площадок в районе Барселоны, Фигераса, Риполя не обещало закончиться так быстро, как это было необходимо. А Каталония — страна гор. Дальнейший отход республиканцев вызвал бы необходимость эвакуировать самолеты в центральную зону республиканской Испании, проще говоря, исключить их из боевых действий.

Что же происходит в это время среди правительственных кругов? Прието трудится в поте лица. Но не над мобилизацией транспорта, рабочей силы для возведения фортификационных сооружений на пути врага, не над укреплением оперативного руководства войсками, организацией борьбы с безответственностью и предательством в рядах армии и в тылу... Прието с головой ушел в решение им же самим поставленного вопроса: «Возможно ли и целесообразно ли дальнейшее сопротивление?» Эту задачу Прието так и не успел решить. Под давлением народных масс он был снят со своего поста. Обязанности военного министра возложил на себя премьер-министр Негрин. Все устремления командования сводились теперь к спасению Каталонии, с возможностью же выхода мятежников и интервентов к морю просто смирились.

Здравый смысл, расчет сил и средств, которыми располагала республика, показывают, что даже в этот катастрофический период еще можно было удержать занимаемую Республикой территорию. Последующие события, вылившиеся в упорные сражения на полях Леванта, когда путь интервентам и мятежникам в Валенсию оказался прегражденным, со всей яркостью продемонстрировали, на какую силу сопротивления способен испанский народ. Опираясь на эту силу, хороший полководец остановил бы наступление врага, имея такой выгодный оперативный рубеж обороны, как горный массив Бесейте. И тогда мятежники не увидели бы моря, а Республика осталась бы нерасчлененной. Но, как мы видим, испанское командование даже не помышляло об этом.

В те грозные для Испании дни мне снова, уже в третий раз, было предложено возвратиться в Советский Союз. В телеграмме говорилось: в случае отказа меня считают «невозвращенцем». Откровенно говоря, мороз прошел по коже от такого словечка.

Грустным было прощание с полковником Менендесом, с майором Сиутат, со всеми, кто стал так дорог и близок.

— Вы можете сделать одолжение? — спросил меня Сиутат, когда мы в последний раз обнялись с ним.

— Все, что хотите.

И тогда со слезами на глазах этот человек сказал:

— Передайте советским людям, что Испания не покорится.— И он поднял сжатый до белизны в суставах кулак:— Но пасаран!

* * *

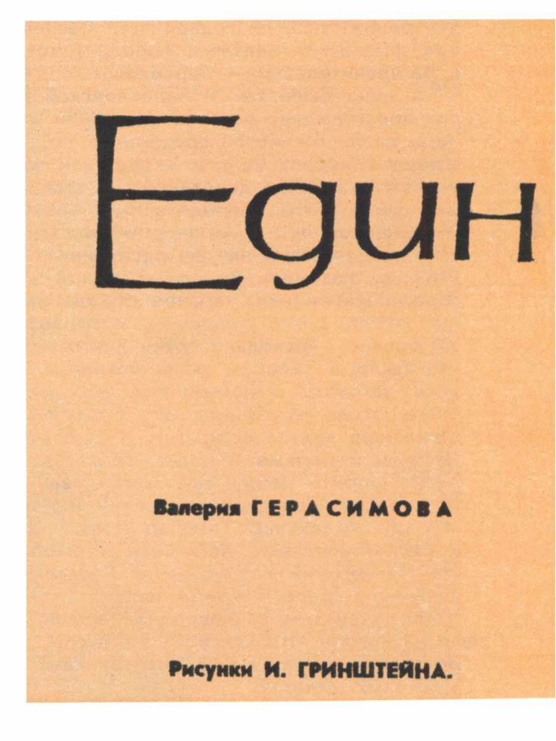
Двадцать шесть лет прошло с тех пор, как фашистская диктатура во главе с генералом Франко потопила в крови Испанскую Республику, а в ушах до сих пор звучат два этих коротких слова. Все, кто помнит, с каким мужеством сражался испанский народ с фашизмом, чутко ловят каждую весть, приходящую из-за Пиренеев. А там все эти годы процветали террор, мракобесие и неслыханные насилия. Массовые аресты людей, выступающих против фашистского режима, средневековые пытки, которым подвергаются тысячи борцов за свободу,— таковы зловещие будни фашистского режима Франко, воцарившегося в Испании по воле «демократов» из Парижа, Лондона и Вашингтона.

Но из Испании идут и другие вести. Героический дух народа этой страны не сломлен. Находя поддержку у всего прогрессивного человечества, испанский народ все более возвышает свой голос против чудовищных деяний душителей свободы. Недавно мы узнали о новой расправе над группой испанских патриотов — членом Центрального Комитета Коммунистической партии Испании Хосе Сандовалем и его друзьями Франсиской Пенилья, Хусто Лопесом и многими другими.

Беснуется кровавый каудильо, но занимается над Пиренеями новая заря. Гневные вихри Испании не улеглись. Они еще пронесутся над этой прекрасной страной, и фашизм будет сметен.

РАССКАЗ

Един

Валерия ГЕРАСИМОВА

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

1

У меня во внутреннем кармане пиджака сложенная втрое газета. Она центральная, всесоюзная — тем значительней для меня происшедшее. А в статье сказано все, что нужно: герой гражданской войны, истинный коммунист, замечательный человек. Жертва клеветы... В общем, не единственная в наше время статья-некролог, посвященная памяти выдающегося коммуниста. Сказать, что я обрадовался,— слишком слабо...

Когда в обеденный перерыв я впервые прочитал ее, кое-кто обратил внимание на особенное выражение моей физиономии.

«Вы ведь, товарищ Скворешин, их лично знали?» — заглянул через плечо один из старых работников нашего конструкторского бюро. Он-то вспомнил, возможно, свое... Быть может, скандал, некогда поднятый предместкома Сапожковой по поводу «аморальной истории» — как тогда это было квалифицировано,— не совсем выветрился из памяти старых сослуживцев. Мне-то аккуратно сложенная газета драгоценна потому, что — страшно сказать — впервые за двадцать шесть лет появилась статья, посвященная памяти Пахомова. Дана даже фотография. На старом, еще памятном мне снимке времен гражданской войны Сергей стоит в шинели, в буденовке, а плечо о плечо с ним — жена его, Вера, в косынке, в кожаной куртке.

Одну секунду мне неудержимо захотелось рассказать старому сослуживцу о том, какое значение имеет для меня газетный лист с этой несовершенной фотографией, где Сергей получился угольным брюнетом, а у Веры вместо больших ее глаз — белесые пятна.

Неудачная ретушь? Возможно.

Я сдержал себя. Не хочу, чтобы исторглись из меня какие-то настоящие слова. Чертовски боюсь «расколоться», как выражаются в блатном мире. Да и кто даже приблизительно поймет, как драгоценны для меня эти люди!..

А вдруг удерживает меня не только чувство возможной профанации, а самая обыденная, за долгие годы проникшая нам в кровь опасливость? Как бы чего не вышло! Но ведь теперь опасаться нечего. Абсолютно нечего! И Сапожковой давно нет в нашем бюро; звезда ее бесследно закатилась.

Нет, тут иное: оказывается, даже при всем желании я попросту *не могу* говорить... Словно онемел!

Во время обеденного перерыва, выбрав в застекленной витрине нашего буфета что-то наугад, я сажусь за первый попавшийся столик; кто-то просит меня передать соль, а кто-то — подвинуться. Любезно все это проделываю. Не разрешаю себе ни единого звука, ни малейшего нервного движения.

Аккуратно сложенная газета во внутреннем кармане — вот что главное!

— Дядя Вася! (Так по дружбе иногда называют меня в бюро два-три человека из старых работников.) Вводи в организм витамины! — Это через столик кричит мне конструктор Шулейко. В нашем бюро у него репутация весельчака.

— Ввожу,— отвечаю я солидно.

Еще кто-то говорит мне что-то. И я все так же невозмутимо отвечаю. После обеденного перерыва меня вызывают к начальнику бюро. Я знаю, это по вопросу о снегоочистителях, что барахлят на подъемах. Я докладываю и почти забываю о *своем*. Начальник у нас новый и сравнительно молодой. Он не только не знает «аморальной истории», но и того здания на Никольской улице, где некогда помещалось наше бюро. Тем проще и свободнее я докладываю...

В заключение мне предлагают доработать последнюю мою конструкцию совместно с Шулейко. Затем я иду в отдел к Шулейко, смотрю, как двигаются его мертвенного оттенка губы, слышу понижения и повышения хрипловатого голоса.

— Давайте займемся этим завтра,— кратко говорю я.

— Что, дядя Вася, нездоровится? — всматривается он в мое лицо.

— Да, немного,— отвечаю я.— В башке гудит.

— В таком разе, извиняй, незаметный труженик,— снова переходит тот на свойственный ему тон.— Извиняй, серый герой, он же винтик. Так, кажись, называли? Завтра на свежую голову обмозгуй...

До остановки нужного мне автобуса я иду знакомым бульваром. Поздняя осень. Та самая, когда природа — а это ощутимо даже среди камня и асфальта — напряженно ждет первого снега. Я заметил, что это мучительное, почти сознательное усилие — последний шаг к зиме. «Количество переходит в качество» —так, наверно, выразилась бы моя жена, бывший педагог, Клавдия Ивановна. Лена, та бы поняла. Она не очень-то любит «формулировать», как это свойственно ее матери. Серьезное лицо жены возникает передо мной. Интересно, застану ли ее дома или она отсутствует? Уже два года, как Клавдия Ивановна на пенсии, но общественная ее активность не снижается. Кажется, и сегодня у нее в красном уголке ЖЭКа заседание товарищеского суда, председателем коего она вот уже два года состоит. Впрочем, какое мне дело? Ведь мне лучше всего побыть одному. Я не очень плохой отец, но сейчас не хотел бы видеть ни сына, ни дочь. Впрочем, Лена в отъезде.

Ребята они неглупые (хотя какие же они теперь «ребята»?), но вряд ли способны меня понять. Думаю, что, с их точки зрения, подобные вещи еще можно выслушать на вечере воспоминаний ветеранов революции, но уж никак не дома, в часы досуга. Тем более, когда имеется телевизор. А для их матери, какую бы рационалистку она из себя ни разыгрывала, напоминание об «этой истории» просто оскорбительно.

Тут уже сыграют самые сокровенные, чисто женские мотивы...

Не знаю почему, но меня всегда так и подмывает ловить Клавдию на обыкновенных женских чувствах.

Интересно, попалась ли ей сегодня эта газета? А может быть, взять да самому и показать ей статью? Ведь это своего рода итог нашего упорного, но потаенного спора, что длился десятилетиями. Хотя, бог с ней! Горбатого могила... и т. д. и т. д. Преклонных лет женщина. Такая же, как я. Хотя почему-то Клавдию Зернову я всегда считал старше себя. Даже тогда, когда мы познакомились и на ее крепких щеках, словно на яблоке из кабинета учебных пособий, алел завидный румянец.

Когда я выхожу из автобуса, что-то взблескивает и, кружась, мерцает в вечернем посиневшем воздухе. Все смелей и смелей. Первый снег! Наверно, к утру все будет белым. Спокойным и белым. «Таким, как *тогда*»,— напоминает чей-то безжалостный голос. И снова я думаю о той неповторимой, фантастической ночи, которая единожды была мной пережита. С женщиной? Да, с женщиной!

У меня ключ от входной двери, но я звоню. Вопреки всем моим скептическим установкам, сам не знаю почему, предпочитаю, чтобы мне открыл кто-нибудь из домашних. На этот раз жена. Прохожу в переднюю — и сразу же спотыкаюсь о набитый до отказа рюкзак. Наверно, в нем образцы геологических пород.

— Лена прилетела,— шепчет Клавдия Ивановна.— Устала, бедняжка. Спит как убитая.

Если я кого-нибудь на свете еще люблю понастоящему, то это Лену, мою дочь. Хотя сегодня даже на нее я смотрю почти равнодушно. Она прикорнула на диване, не скинув даже брезентовых сапожек и повернувшись к стене. Видны лишь выгоревшие на туркменском солнце кудряшки на затылке. Похоже на фотоэтюд «Молодой геолог» или «Наконец дома».

Мы проходим на кухню, заменяющую нам столовую. Клавдия Ивановна садится напротив меня за обеденный стол. Не без удивления я установил, что наблюдать за тем, как я питаюсь, доставляет ей удовольствие. Но есть мне по-прежнему не хочется, я угрюмо смотрю на любимую мной селедку с горячим картофелем, на сырники со сметаной.

— Тебе нездоровится? — так же, как недавно мой коллега, тревожно спрашивает она.— Печень?

Сейчас этот вопрос меня оскорбляет: «Наседка,— думаю я,— только наседка особенной выучки».

Наблюдая, как я лениво ковыряю вилкой сырник, жена сообщает, что уходит сейчас в ЖЭК на актив квартиросъемщиков (она употребляет именно этот термин), там решается вопрос об организации домовой прачечной. Скорее всего, она задержится: среди активистов есть серьезные разногласия.

— Да, вот еще: звонил из Дубны Виктор, сказал, что в выходной они едва ли приедут, поскольку Малюльке (это — прозвище моей внучки) нездоровится. Хуже всего, что есть подозрение на дифтерит.

Потом она рассказывает, почему неожиданно приехала Лена: их нефтеразведочную экспедицию перебрасывают на новый объект, куда-то в центр Каракумов. Начальник отправил ее в Москву что-то увязать и согласовать.

— Но — ты, конечно, ее знаешь — заявила, что больше трех суток здесь не пробудет: ждут хорошую скважинку. Отговаривать не стала... — не без внутреннего любования и своей дочерью и собой, преодолевающей материнские чувства, говорит Клавдия.

Я не расспрашиваю. Сейчас я даже доволен, что Лена крепко заснула, а актив квартиросъемщиков скорее всего затянется. Взяв стакан чаю, на цыпочках прохожу в свою комнату. За окнами уже густо посинело. Я закуриваю и молча ложусь на диван. Слышу, как уходит на свой актив Клавдия Ивановна.

— Спит,— часа через два заглянув в мою дверь, шепчет Лена.

В иное время я бы откликнулся на ее голос, и вечер завершился бы дружным семейным чаепитием. Но сейчас, с искусством Райкина придав лицу идиотски безмятежный вид, я похрапываю.

Потом, с грохотом споткнувшись о свой собственный рюкзак, Лена куда-то уходит. Наверно, в шестьдесят вторую квартиру, где проживает некий химик Боря.

Тогда, бесшумно раздевшись, я принимаю позу человека, нуждающегося в абсолютном покое. Больше меня не трогают, хотя кто-то еще раз заглядывает в дверь. Наверно, вернулась Лена. И, наконец, приходит ночь — самая настоящая, глубокая ночь.

2

Все спят. А меня одолевает адская, добела раскаленная бессонница. Уже одной сегодняшней газеты вполне достаточно, чтобы не сомкнуть глаз. А тут еще этот чертов звонок! Около часу еще раз позвонил Виктор с радостной

вестью: у Малюльки не дифтерит, а просто крапивница.

Этот резкий ночной звонок... Он тоже был совсем как тогда... Прошло вот уже двадцать шесть лет, многое было испытано: фронт, ранение,— а до сих пор поздний телефонный звонок заставляет меня вздрагивать...

Так как же это было? Давай, давай, все по порядку. Не позволяй себе увиливать, убегать от каких-нибудь картин, чего бы тебе это ни стоило!

Я всматриваюсь в темноту. Тогда в этот дом на Воронцовской улице, что у Таганки, мы только что въехали. Витька спал с Леной вот на этом же диване. Спали они валетом. Тогда приобрести мебель было для нас проблемой. Радуясь, что детишки мирно заснули, мы с Клавдией возились на кухне. Приложив свои конструкторские способности, я с линейкой в руках высчитывал, можно ли соорудить полочку для нашей незатейливой посуды между плитой и дверью. Дело шло на лад. Надо сказать, что эта отдельная квартирка досталась мне как своего рода премиальная. Может быть, нескромно об этом говорить, но я был одним из первых наших инициаторов машинной уборки улиц. Однако не обошлось без горестей.

Итак, кончив вымерять место для полочки, я прошел в нашу общую комнату и стал медленно разоблачаться, обмениваясь с женой соображениями о том, что, помимо верхней электролампы, необходимо завести настольную, с зеленым абажуром. Ведь Клавдии проверять ученические тетради приходится дома; зачем же портить зрение? Затем, уже без пиджака, я подошел, чтобы выключить пока что единственный в комнате верхний свет. Дело в том, что, несмотря на свой непреклонный рационализм, моя жена отличается удивительной стеснительностью. Но не успел я выключить свет, произошло странное: зазвонил телефон. Зазвонил он, собственно, самым обычным образом. Но в то время каждый из нас даже подсознательно жил в постоянном ожидании беды. Поздний звонок прогремел, как выстрел. Хорошо еще, что был он телефонный, а не у входной двери.

Как бы порой я над ней ни иронизировал, но Клавдия сильный человек. Она решительно подняла трубку.

— Алло! Слушаю!

Стоя у двери, с рукой на выключателе, я молча смотрел на нее.

Как видно, ей ответили. А по тому, что она

Но Вера не то и впрямь не слышала, не то *не хотела* слышать. Помолчав, она как-то сдавленно добавила:

— И привези, если можешь... этого... Водка есть? — неожиданно прямо, почти грубо спросила она.

Я опешил. Вера, милая Вера, которая морщилась от одного запаха «сивухи»! Так именовала она то, к чему в иных случаях любил приложиться ее Сергей. Она считала это его слабостью...

Но слово ее для меня было закон. Как видно, она это знала.

— Хорошо, постараюсь,— неопределенно промычал я, все так же искоса наблюдая за Клавдией Ивановной. Больше всего я опасался, что она поймет, о чем меня просят. Это окончательно и бесповоротно уронит Веру в ее глазах!

Я думал об этом и одновременно лихорадочно соображал, что обычные продмаги уже закрыты, а в дежурный у Павелецкого вокзала ехать далеко. До последнего трамвая времени осталось совсем немного. Тут я каким-то краешком мозга вспомнил, что простуженного Витьку растирали водкой. Возможно, в бутылке что-нибудь осталось? Задача в том, чтобы

...ственная ночь

В моем проекте Сапожкова, негласной профессией которой была сверхбдительность, сразу же усмотрела чуть ли не открытое проявление вражеской идеологии. Особенно обыграла она это с поливкой. Мыслимое ли дело — попусту, по-барски разбрасывать влагу, вместо того чтобы использовать ее рационально хотя бы на нужды пригородных хозяйств!

Я взбесился, ляпнул ей что-то... Она запротоколировала, представила повыше. Быть бы большой беде. Но в одной из решающих инстанций меня неожиданно поддержали, а главное испытание пробной машины прошло хорошо. И теперь я порой не без удовольствия наблюдаю, как водяной сверкающий веер проходится по раскаленному асфальту или гигантские круглые щетки слизывают пыль...

Только эти современные машины несравненно лучше былых своих предшественниц. Впрочем, я отвлекаюсь. Итак, в тот раз Сапожковой не удалось привлечь внимание к своей воинствующей бдительности. Мастер своего дела, она не продолжала борьбы, в случае необходимости умела ловко стушеваться, порой даже признавала свои ошибки. Зато она резко возразила (и тоже с самых высоких позиций) против денежной премии и, конечно, квартиры. Пришлось предъявить немало различных справок: и что воевал против Колчака, и что отец был трудящимся, простым мастеровым.

Тем больше радовали нас две комнатки, кухонька, где мы обедали, вделанный в стену шкаф, ванна с колонкой и т. д. и т. п.

с какой-то сверхделикатной и все же настойчивой интонацией осведомилась: «А кто его спрашивает?» — я понял, что на том конце провода женщина.

Услышав ответ, Клавдия опустила трубку и, как мне кажется, побледнела.

— Спрашивает Пахомова,— кратко сказала она.

Это поразило меня не менее. Вот уже год, как я не виделся с Верой и даже не звонил ей. После того, что у них стряслось, она сразу же запретила мне это. «Вера, но я же твой друг!» — помню, запротестовал я.

— Именно потому, что друг,— просто, но непреклонно твердо ответила она.

Что же случилось? Я буквально вырвал трубку из рук Клавдии.

— Вера, я слушаю!

— Вася, это ты? — услышал я незабвенный голос.— Если можешь, приезжай.

Я помедлил. Уж не ошиблась ли она во времени? Ее рассеянность, когда дело шло о вещах сугубо практических, житейских, была мне хорошо известна. Однажды она поздравила пунктуальную Клавдию Ивановну с днем рождения примерно через месяц после торжественной даты. Надо сказать, что это не укрепило их отношений.

— Не поздно ли, Вера? — робко спросил я.— Двенадцатый час.

— Что? Плохо слышу.

— Не поздновато ли, говорю? — покосился я на Клавдию Ивановну.

Та недвижно, как бы застыв, смотрела на меня.

найти ее, а затем абсолютно незаметно пронести.

Через несколько минут я был уже в пальто, внутренний карман его несколько отдувался. Чтобы это замаскировать, я на ходу будто с трудом застегивал пуговицу. Сердце мое билось, как у школьника. Все же я вспомнил и о другом.

— Клава, я скоро вернусь. Очевидно, что-то случилось,— сказал я насколько мог ласково.

Жена не ответила. Ее лицо, с правильными, несколько суховатыми чертами, было по-прежнему обращено ко мне. Глаза наши встретились.

— Не забудь, что у нас дети,— наконец медленно произнесла она.

И, хотя мне, как всегда, хотелось подловить эту рассудительную женщину на самых обычных «бабских» переживаниях, я понял, что иная, более глубокая забота светится в ее взоре.

Я нахлобучил кепку.

— Но ты понимаешь, что это — чисто... товарищеское,— укрываясь от этой тревоги и пытаясь свести вопрос к женскому, личному, пробормотал я.

— Дело не в этом, Василий. Ты взрослый человек. Должен все взвесить,— произнесла жена очень раздельно.— Иди, но помни, что я тебя предупредила. Ты понимаешь, *о чем*?

Я представляю себе, какое усилие она над собой сделала, чтобы не уцепиться за мое пальто, не закричать на меня, не загородить дверь своим телом!

Весь путь я проделал, как в тумане. Мне

помнится, что как-то особенно грохотал почти пустой трамвай — свет в нем был беспокойно желтым, и в этой дикой желтизне мелькали, шевелили губами какие-то лица.

От всего этого меня почему-то пробирал озноб...

3

Пахомовы жили на девятом этаже огромного по тем временам здания. Это было архитектурное дерзание первой пятилетки. Как бы сложенное из мрачных кубиков гигантским ребенком строение. Чугунного цвета кубы заселены были ответственными работниками.

Впоследствии это не единожды сменившее состав своих обитателей громоздкое здание не без мрачного юмора окрестили «братской могилой». Но в тот поздний осенний вечер, когда я примчался сюда с водкой в кармане, пожалуй, еще никто не угадывал столь мрачного будущего.

Лифтерша, в берете, повязанном поверх платком, внимательно на меня взглянула. Она была новенькая — как видно, поступила, когда я здесь уже не бывал.

— Вы, гражданин, к кому?

— К Вере Владимировне,— хитроумно, не называя фамилии, ответил я. Но лифтерша оказалась опытной.

— К Пахомовой? — уточнила она. Передо мной мелькнуло побледневшее лицо Клавдии. Но я молча кивнул. Лифтерша поднялась вместе со мной и не спускалась, пока мне не открыли: она, конечно, была опытной. Открыла мне не Вера, а какой-то абсолютно незнакомый полный человек, в байковой полосатой пижаме, в домашних туфлях. Недоуменно мы смотрели друг на друга. Что произошло? Болван, почему я не догадался спросить у Веры по телефону, прежний ли у нее адрес? Но тут я заметил на вешалке рябенькое пальтецо. Оно было мне так знакомо!

— Вам к Пахомовой? — спросил человек в пижаме.

Я снова кивнул:

— Да, к ней.

— Пройдите налево.

Это была небольшая комната, в которой, насколько я помнил, раньше жила дочка Пахомовых, Катюша.

Первое мгновение, когда я вошел, мне даже показалось, что сжавшаяся в уголке широкой тахты маленькая фигурка — это Катя. Даже синий халатик на ней был Катин.

— Вася,— позвал меня тихий голос,— спасибо, что пришел.

— Вера!— сжал я ее руки.— Спасибо, что позвала!

Сейчас я уже не думал ни о прощальном взгляде Клавдии, ни о жутком трамвае, ни об опытной лифтерше. Я всматривался в знакомое, тонкое лицо и тревожно ловил в нем перемены. Почему-то мне захотелось, словно Вера была на морозе, согреть своим дыханием ее холодные руки.

Я так и сделал. Она, казалось, не удивилась.

— Вера, что случилось? Где девочка?

— Катю я отправила в Можайск, к бабушке.

— А школа?

— Директор разрешил ей с недельку отдохнуть,— как-то слишком ровно, почти бесстрастно доложила она. Эта автоматичность меня испугала.

Спросил я и о гражданине в пижаме, и так же ровно Вера сказала, что фамилия его Сидоров и что он с женой получили ордер на освободившуюся «после Сергея» комнату.

О Вере люди типа хотя бы моей Клавдии говорили как о существе со странностями, даже с «выходками».

Я же знал точно, что за любым ее поступком, даже настроением всегда скрывается разумная, во всяком случае, доступная пониманию причина.

— Вера, так что же...— начал было я выяснять, почему она мне позвонила, да еще в такой поздний час.

Она подняла на меня свои большие глаза. Затем все с такой же неожиданной грубоватостью, не отвечая, спросила:

— Ты принес?

— К вашим услугам, синьора! Под огурчик или под селедочку? — извлекая из кармана бутылку, в тоне легкомысленного кутилы спросил я. Но на круглом столе ничего не было, даже корочки. А скатерть, насколько я заметил при неярком свете прикрытой чем-то настольной лампы, лежала косо и была нечиста, и, кажется, кое-где даже порвана.

Конечно, Вера не отличалась такой безукоризненной аккуратностью, как моя жена, но у Пахомовых всегда было не только чисто, но даже красиво. Особенно любили они самые простенькие, вроде ромашек, полевые цветы, а зимой — пахучие еловые ветки. Обычно мы с Сергеем их привозили после лыжных вылазок, и Вера украшала ими комнату — втыкала хвойные лапы куда только могла...

Вера протянула к бутылке руку. Мысль, что она готова «хватить» чуть ли не из горлышка, так и ударила меня. Но я не отступал от игривости:

— Мадам, не лучше ли использовать роскошный бокал?

Случайно мне подвернулась под руку кружечка.

Когда-то, наполненную леденцами, эту голубую кружечку я поднес Катюше в день ее семилетия. Но даже из этой кружечки Вера не выпила, а именно «хватила». Какое это русское, какое выразительное слово!

— А что же ты? — с отвращением непьющего человека, поморщившись, спросила затем она.

Я немножко заторопился. Признаюсь, что, только не желая ее обидеть, налил и себе полглотка. Вообще-то я не любитель этого занятия. Сейчас же знал, твердо знал, что должен быть трезвым.

Вера опустила голову на подушку тахты. Очевидно, с непривычки она у нее закружилась. Да к тому же не было закуски. А Вере было необходимо хотя бы так — что я понял позднее — приглушить нестерпимую боль... Но сейчас, оглядываясь на прошлое, я не сожалею, что тогда в нас что-то все же затуманилось.

Иначе вряд ли между нами была возможна предельная откровенность, непостижимая человеческая близость той радостной и страшной ночи.

Когда и меня немножко «проняло», я решился на самый важный вопрос:

— Скажи, а о т т у д а ничего не было?

— Не было,— глухо ответила она. Затем добавила ясно и твердо: — И не будет.

К сожалению, я знал, что когда Вера так говорит, значит, это непререкаемо точно.

Что же случилось? Ведь я знал, что Сергей в Воркуте, а срок у него по тем временам сравнительно небольшой.

Многие подробности всего, что рассказала мне тогда Вера, ускользнули из памяти, главным было одно: сегодня вечером она узнала, что Сергея уже нет в живых.

— Посылка вернулась обратно.— Вера показала на обшитый мешковиной ящичек: он был густо проштемпелеван.— Сначала объяснили, что Пахомова из Воркуты перевели на Таймыр, и, когда я туда послала, тоже вернули.

— А письма?

— Тоже обратно. А сегодня — видно, надоела эта канитель — сказали напрямик, чтобы больше не тревожилась, не посылала...

Она произносила это просто, почти обыденно, но снова как бы отсутствуя.

Я не знал, что сказать, чем облегчить ей всю непомерную тяжесть удара. Но ведь и для меня — какие бы чувства я к ней ни питал — это было ударом!

— Вера, но, может быть, еще неточно!..

Она даже не взглянула на меня.

— Есть справка

— Но как же это произошло?

— Может быть, и правда болезнь, а может быть...— Она не договорила.

Так мы молча сидели перед несвежей скатертью, перед пустой бутылкой. Казалось, вся наша жизнь проходит перед нами.

По коридору прошлепали чьи-то шаги.

Мы насторожились.

— Это Сидоров, проверяет, закрыта ли дверь на цепочку,— пояснила Вера.

— Хорошо, что я догадался, не оставил в прихожей пальто,— сказал я.

— Да, хорошо.

Мы снова замолчали. При свете прикрытой чем-то бурым настольной лампы было полутемно.

И в этом сумрачном свете провалы ее глаз казались мне словно открытые раны. Я понял: так она и будет сидеть до утра.

Я не мог уйти — и не смел оставаться.

— Вера, скажи, как лучше,— притронулся я к холодной руке,— чтобы я ушел или остался?

Она вздрогнула и как бы очнулась: видимо, даже забыла, что я в комнате.

— Как хочешь.

Я хотел только одного: как-нибудь уменьшить ее муку, вырвать из страшного небытия.

— Может быть, вскипятить чаю? Я бы тихохонько... Вообще, ты сегодня что-нибудь ела?

— Что? — спросила она все из той же недосягаемости.

— И, знаешь, тебе надо лечь. Нет, нет, не так, не в туфлях, а по-настоящему. Где у тебя одеяло, подушки?

Кое-как, но я нашел все это и коряво стал раскладывать на тахте.

— А теперь я отвернусь. Покурю вот тут, у окна. А ты ложись. Ладно?

Осторожно выпуская дымок в форточку, я закурил. За окном чувствовалась черная, предснежная напряженность. Совсем как сегодня...

Докурив, я захлопнул форточку, но от окна все дуло и дуло.

— Пора бы заклеить,— сказал я строго, испытывая ту же обиду, как и от несвежей скатерти.— Хочешь, я завтра? Притащу замазку, бумагу, крахмальчик. А может, у тебя есть?

Казалось, меня не слышали. Может быть, она заснула? Я обрадовался. Но это было не так.

— Вася,— услышал я тихий голос.— Знаешь что? Сядь вот здесь.

Робея, я подошел к тахте.

— Нет, не на стул, а здесь, рядом. Дай мне твою руку.

Надо сказать, что лапища у меня основательная, и пальчики ее показались мне совсем детскими. Так наступила первая блаженная минута этой ночи.

Она и впрямь, кажется, забылась. Стараясь не менять положения, я почти не дышал. Но подвела раненная под Волочаевкой нога. Не только онемела, проклятая, но даже задергалась в судороге. Я едва не вскрикнул, зашевелился...

— Что ты? Не уходи!

И детская рука крепко сжала мою.

— Знаешь что, Вася? Тебе неудобно. Приляг.

Надо сказать, что предложение, которое многим, вероятно, показалось бы недопустимым, меня почти не удивило. В свое время на фронте случалось мне спать бок о бок и с санитарками и с политработницами, а однажды в землянке комбрига, на единственном сенном колючем тюфяке,— с Верой. Нельзя, конечно, сказать, что в ту ночь я спал особенно спокойно.

«Может быть, она имеет в виду Катину кровать?» — подумалось мне. Но ведь она мне заведомо мала, тем более что за рост в отряде меня называли Скворешней, а в политинсценировках, популярных в те годы, поручали роль или обобщенного Пролетариата, или собирательного Красноармейца.

— Вот здесь,— просто сказала она.

Только когда после некоторого колебания я очутился рядом с ней, что-то бо́льшее, чем человеческий разум, подсказало мне, что это было нужно сделать.

— Выключи свет,— сказала она. Выполнил я и это.

Теперь, когда дыхание наше сливалось, я почувствовал, что ее как бы окаменевшее тело постепенно стало оттаивать.

Скажу прямо, за всю свою теперь уже довольно долгую жизнь я не испытывал ничего чище и выше.

— Человеческое тепло. Как это много, Вася...— вдруг уловил я ее бормотание.

Я тихонько провел своей лапищей по ее коротким, вьющимся волосам:

— Спи, спи!

Некоторое время мы лежали, впав в какое-то бездумное забытье. Чтобы никак ее не тревожить, я все же удерживался на самом краю тахты. И все же ощущал ее здесь, рядом... Что это было? Сон? Явь? До сих пор не знаю... Но ни в чем—ровно ни в чем—мы не переступили строгих рубежей дружбы...

4

Мы очнулись внезапно и, как мне кажется, одновременно. За окном была все та же тугая, напряженная чернота. У соседей чуть слышно тикали стенные часы. И, пожалуй, лишь этот мирный домашний звук придавал всему реальность.

— Вася, ты не спишь?

— Нет.

— Ты знаешь, что он просил мне передать?

— Спи! Спи... Завтра расскажешь.

Но неумолимый зверь уже впился, уже терзал ее.

— Чтобы я его простила! Понимаешь, простила!

— До меня, признаться, это не очень-то доходит. За что же?

— Ну, наверно, за то, что, мол, из-за него у меня начались неприятности; что меня со службы прогнали, хотя я писала, что просто понизили. Подумаешь, беда: была архитектором — стала чертежницей!.. Или что его комнату у нас отобрали... Господи! — вдруг всем телом рванулась она.— Да я бы согласилась всю жизнь, изо дня в день мыть полы, хотя бы вот у этих Сидоровых, лишь бы увидеть его на минуту. Понимаешь, на минуту!

Я понимал одно: надо заглушить, куда-то отвести этот взрыв отчаяния.

— Это уже неразумно. Во имя его ты, напротив, должна собрать все силы, выстоять, не опуститься.

— Нет, я не ванька-встанька! Нет! Эту игрушку придумали для того, чтобы люди у нее научились всегда, в любом состоянии вскакивать.

— Знаешь, это немножко попахивает эгоцентризмом. У тебя есть свои обязательства, свой долг.

О Кате я не решился упомянуть. Было бы слишком жестоко.

Она отпрянула от меня:

— Тебе легко рассуждать! Что ты знаешь о настоящей любви? С этой учительницей у тебя просто разумный союз. А я его люблю, понимаешь, люблю! Жить не могу без него; я хочу его видеть, слышать, коснуться рукой! Целый год я твердила себе, пусть буду беззубой, горбатой старухой, пусть он отшатнется от меня, но когда-нибудь я увижу его. Увижу!

Она трепетала, как подстреленная...

— Вера, я не хочу снижать Сергея. Я-то знаю, какой он был! Но ведь и ты для многих что-то значила. И значишь! — добавил я убежденно.— Я, наверно, так и остался бы серой мастеровщинкой, если бы не ты. Помню, как ты, сама тогда еще девчонка, будила в нас сознательность. А потом на Дутовский фронт двинулись все вместе. Даже революционным песням наших ребят ты научила первая! Ты вот не согласишься, а во многом ты была потоньше, чем Сергей.

— Не смей так о Сергее! Знаешь что, Скворешин,— неожиданно называя меня по фамилии, задыхаясь от гнева, сказала она.— Просто ты ему завидуешь! И завидовал всегда!

Приподняв голову, она в упор смотрела на меня. Даже в темноте мне казалось, что глаза ее горят.

— Представь себе, ты угадала,— как только мог спокойно ответил я.— Да и было чему позавидовать: его уму, смелости...

— Красоте,— жестко добавила она.

— И красоте,— охотно подтвердил я.

Вдруг я почувствовал, что тонкие руки обвились вокруг моей шеи.

— Прости меня, Скворушка (так она называла меня лишь в особые минуты). Я ведь знаю, что не было у нас с Сережей лучшего друга, чем ты!

Она заплакала, да так, что вскоре рубашка у меня на груди стала влажной.

Слезы Веры я видел едва ли не впервые.

— Будет, будет,— бормотал я. И гладил, гладил мягкие волосы...

— Ты всегда мне все прощал. Ты не думай, я давно, еще до отъезда на Дутовский, поняла, что ты... твое отношение. Может быть, сама невольно его поощряла. Ты ведь такой добрый! Только... как узнала Сережу, все повернулось иначе...

— Глупышка! Ну, подумай сама, какой же тебе был резон выбрать серого, нескладного вместо яркого и замечательного!

Чуть отодвинувшись, она смотрела на меня. Ее взгляд я ощущал даже в этой кромешной темноте.

— Ты тоже замечательный! Помнишь, как ты тащил раненого Сергея почти семь верст? А ведь сам был ранен!

— Положим, не тащил, а он сам потихоньку тащился...

— Ты всегда преуменьшаешь!

— А ты преувеличиваешь!

— А помнишь, как вы с ним не тот мост подорвали? — В голосе Веры уже звучала улыбка.

Усмехнулся и я. Так во мраке ночи мы распахнули ворота в светлое царство воспоминаний.

— А помнишь, как ты председательствовал?

Как не помнить! Я и сейчас не очень горазд на такие вещи, а когда на митинге молодежи меня неожиданно «выкрикнули» в председатели, я понял свою задачу прямолинейно: если выступление кого-нибудь, особенно из гимназистиков, мне не нравилось, я просто заявлял: уходи! А кому-нибудь из с в о и х ребят предлагал: ты, Петька, говори!

— Помнишь, «ты говори!» — сказала Вера и, прижавшись лицом к подушке, тихонько рассмеялась.

Я тоже уткнулся в подушку.

Живые картины прошлого — то радостные, то печальные, но всегда озаренные особым светом — проносились перед нами. Голова Веры доверчиво легла на мое плечо, и мне почему-то казалось, что мы медленно — по глубокой и тихой воде — плывем в лодке.

То мы вспоминали наш молодежный отряд «Третьего Интернационала» и, конечно, его вожака — Сережку Пахомова, то уже самый настоящий, колчаковский фронт.

Эпизоды трагические чередовались с комическими.

— Помнишь, Вася, как ты на «отзовистах» завалился?

Да, был такой случай. В приемной парткомиссии нарвался я на одну въедливую особу. Молодая еще, но в очках. Насчет империализма и наших очередных задач у меня неплохо получилось. Члены комиссии кивали головой. А она прищурилась: «Скажите, товарищ Скворешин, что такое «отзовисты»?» Я и засыпался. А Кинтальской конференцией уже совсем добила. В общем, предложили теоретически подковаться и через годик снова в кандидаты подавать. А тут началось в стране хозяйственное строительство. Я сразу же пошел по технической части. Сначала, конечно, рабфак...

Все мы после войны поняли, что у каждого из нас должна быть нужная стране специальность. Вера, имевшая среднее образование, поступила в архитектурный институт. Сергея, как героя гражданской войны, приняли сначала в военное училище, а позднее окончил он с отличием Военную академию имени Фрунзе.

Да, конечно, Сергей всегда шел впереди. Удивительно мог сочетать работу по своей военной части с изучением таких трудов, как, скажем, «Капитал». А все это вместе — с общественной деятельностью. Прямо кипел! И, действительно, я ему в самом лучшем смысле завидовал.

Подумать только, рабочий парнишка, как и я, с Верхисетского завода, а в двадцать три года — комдив! Один из первых в стране орден Красного Знамени получил! Кстати, он от награды отказался: некоторые товарищи тогда этим хотели сказать, что участие их в борьбе не требует никаких поощрений.

Сказать, что красавец,— может быть, и преувеличение. Да и какие они, эти «красавцы»? В заграничных кинофильмах разве? Был Пахомов даже не очень-то высокий, но весь какой-то собранный, словно пружина в нем. Порой такое впечатление, что он иногда ее в себе как бы придерживает. Сильный и добрый. Замечательное это сочетание!

Я лично думаю, что одно другому никак не противоречит. Под этим флагом мы и боролись и побеждали.

Ну, это уже из области философии, а я в ней никогда силен не был.

Видно, по крови пошел в своего папашу-слесаря, настоящего Левшу. Без всякого образования он такое своими руками мастерил! Ружья, пистолеты «из ничего», можно сказать, для красногвардейцев собирал. И Витька мой в деда. Молодой еще парень, а уже доктор технических наук. И по такой специальности, которой сравнительно еще недавно не только в России, но и во всем мире не было.

Пока наше «а помнишь?» продолжалось, я заметил, что чернота за окном стала пожиже. Наверно, заметила это и Вера.

Не отводя глаз от посветлевшего квадрата, мы замолкли. Что-то стукнуло, мы насторожились. Нет, ничего...

— А правда, Вася, бояться — унизительно? — тихо спросила Вера.

— Конечно, не сахар,— ответил я.

Она усмехнулась.

— Ты чему?

— Очень уж это ты п о-с в о е м у сказал!

— Как умею!

— Да ты не обижайся. Я-то знаю, что ты многое, очень многое можешь!

Снова замолчали.

— Вася, а знаешь, мне вспомнилась одна картинка, глупая, конечно...

Мне показалось, что в голосе ее снова звучит усмешка.

— Знаешь, я как-то видела: у мухи брюшко наполовину оторвано, а она хоботок в варенье запустила и, представь себе, питается.

— Это ты к чему?

— Так просто.

Мы больше уже не плыли в лодке. Она приподнялась на локте.

Я рассердился:

— Все эти побасенки не по мне. Прости меня, но одно скажу: в тебе, моя дорогая, всегда была небольшая такая гордыня. Может быть, потому, что ты красивая, а может быть, из-за воспитания.

— А ты думаешь, что легко определить, где человеческая гордость, а где гордыня? — спросила Вера.— А мое воспитание? Что оно? Отец — нищий учитель рисования, неудавшийся художник. Попивал. На стене — портрет босого Толстого. И обоготворение своих страданий. Представь себе, одно время я почти гордилась, что мы несчастны!

— Ну, ты-то всегда была боевой!

— Нет, не всегда. Кто был Сергей? Голодный парнишка! И наверняка страдал не меньше нашего. Но через него открылось мне, что не страдать надо, а бороться!

— «Передовой класс общества ведет за собой и все угнетенные слои общества...» Прости, наверно, неточно процитировал...

— Нет! Не хочу в нем видеть т о л ь к о представителя класса! Правда, в Сереже было что-то детское, мальчишеское? Помнишь, хохолок на затылке? А как он смеялся?.. Помнишь?

Опять ее тело затрепетало в муке.

— Помню, помню,— сказал я.

— Се-ре-жа,— вдруг негромко и отчетливо позвала она.

Признаться, я подумал, что это действует выпитое...

— Довольно... довольно! — пробормотал я.

— Нет, дело не в том, что я баба... И даже не в том, что я никогда его не разлюблю... А знаешь в чем? — Голос ее зазвучал почти торжественно.— Нарушена высшая справедливость! Понимаешь, высшая человеческая справедливость. А без этого...

— Что «без этого»? — насторожился я.

— Без этого нельзя существовать!

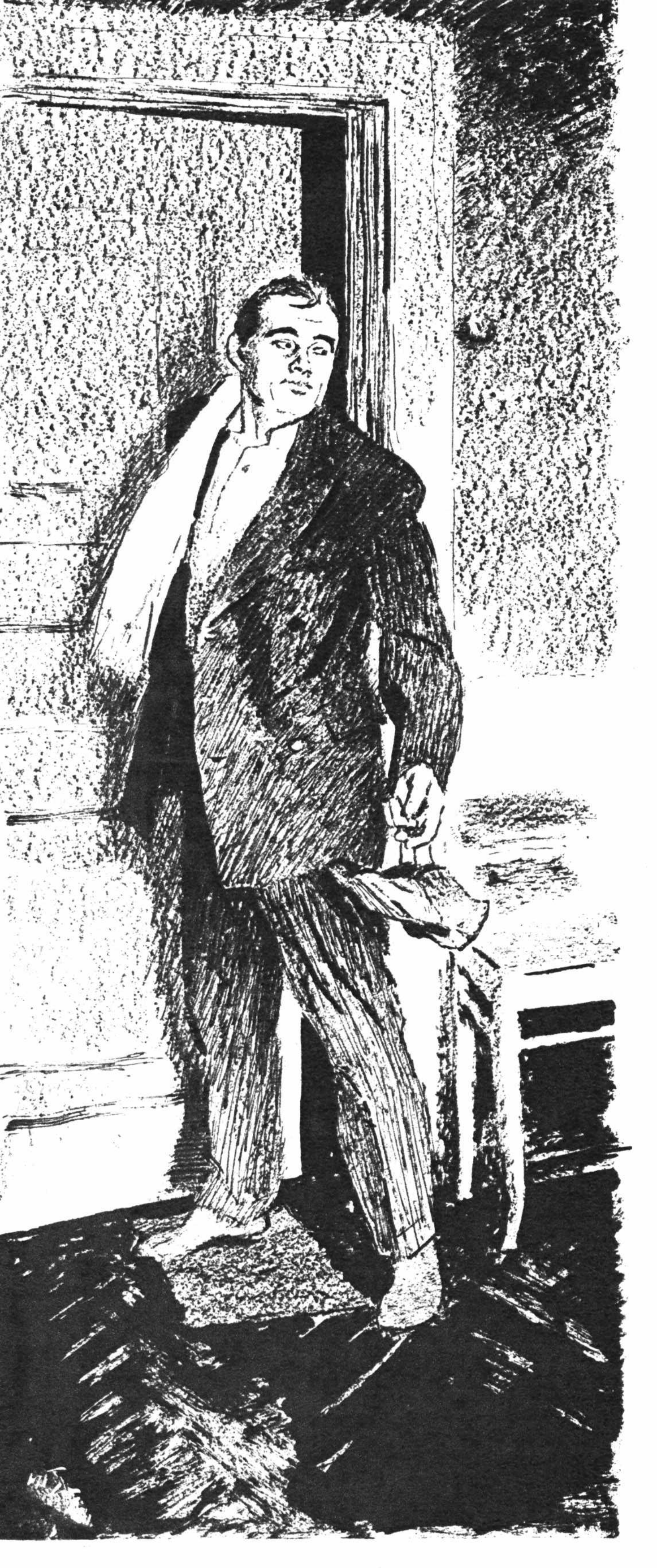
Пожалуй, эта фраза и была переломным моментом ночи. Именно тут я всей своей шкурой почувствовал, что на меня словно смертным холодом повеяло. Точно из того незамазанного окна.... Почему-то это проклятое окно прямо-таки мозолило мне глаза...

Веру, по первому впечатлению, многие считали слабенькой — так, немного тонких косточек и большие глаза. Но я-то знавал ее в разных переделках. И если уж она во что-нибудь уверовала, к чему-нибудь пришла...

Вот почему ее, как видно, продуманные и уж, конечно, совершенно трезвые слова о высшей справедливости меня поразили. Не нашелся, что ответить. Ведь и в моей башке нечто подобное смутно бродило.

Это у таких, как Клавдия, вопросов почти не возникало.

Однако в те минуты я о другом стал говорить:

— Слушай, Вера! Помнишь, как мы под Уфой в окружение попали? Безнадежное положение? А все-таки вышли. И впереди много чего хорошего в жизни было! Верно? Ты меня только выслушай, не перебивай. Так уж случилось, только нет у меня на свете человека дороже, чем ты. Мы все о прошлом говорили, а мне захотелось и в будущее заглянуть. Слушай, живет у меня под Владивостоком родной дядька, капитан краболовного траулера. Все просит приехать, домик отдельный, тишина... Давай махнем? Переменишь обстановку, да и лучше, если о тебе позабудут. Ты меня понимаешь?

Она молча кивнула.

— Катя пока у бабушки поживет. А потом и ее перетащим. Думаешь, там школы нет? Климат морской — даже океанский — замечательный, твоей девчоночке это как раз нужно. Растительность богатейшая. Когда я у дядьки гостил, так, представь себе, мы виноград ведрами собирали...

— Виноград?

— Конечно, не такой, как в Крыму, не «дамские пальчики», мелковат, немножко с кислинкой. А в общем, славный. Черт его знает, чего-чего только там нет! Ты, например, медвежатину ела?

— Знаешь, Вася, ты совсем как чеховский персонаж, помнишь, «в Греции все есть»? — улыбнулась она.

Этого я не помнил, но что пошутила — обрадовался страшно. Я тоже не из трепливых, но тут прямо зашелся. Договорился даже, что она у самого океана новые города будет возводить!

Особенно подбодряло, что она не возражала, кое о чем даже спрашивала. Заинтересовал ее этот дикий виноград.

— Он что, по деревьям вьется? Наверно, красиво... Особенно осенью! Листья красные, желтые, лиловые. И пахнет, наверно, чудесно!

А за окном все светлело да светлело. В комнате стали видны предметы — даже бутылка на столе. Это меня тоже торопило.

— Как, Вера, поедем?

— Разве я могу быть такой дрянью?— наконец сказала тихо.

Я понял, о чем она, сказал, что и это уладится, что для ребят я всегда буду отцом. А Клавдия не очень-то склонна к каким-либо эмоциям.

— Откуда ты это знаешь? — сурово спросила она.— Может, у нее манера такая...

— Положим...

— А кончится вся эта идиллия тем, что тебя отовсюду прогонят.

— Меня и гнать-то особенно неоткуда. Беспартийный. Со службы, что ли? Так пока есть вот эти руки, как-нибудь прокормлю!

Я сказал это точь-в-точь, как мой отец-мастеровой.

— Значит, ты, как выражались в старых романах, мой «якорь спасения»?

— Выходит,— улыбнулся я.

— Нет, ты мне не якорь, — ты друг. А другу лгать нельзя. Можно быть тебе благодарной, преданной, как хочешь, но иного...

Она не договорила: знала, что пойму.

Даже перед этим безнадежным для нее рассветом не смогла, не захотела солгать. Все было, как раньше, как всегда. Она не подала даже крошечной надежды. Старая, казалось бы, позабытая горечь поднялась во мне. Но я преодолел ее.

— Слушай, Вера, да мне и не нужно и н о г о... Ты же убедилась, хотя бы сегодня... Верно? Просто буду при тебе. Даже Клавдию Ивановну, если хочешь, туда перетащим!

Она легонько провела по моей щеке.

— Спасибо тебе, Вася. Но только так не бывает.

Житейская правда была в этих простых и печальных словах.

— Смотри, совсем светает... Постарайся уйти незаметно. А то соседи...

— К черту соседей! — рявкнул я, чувствуя, что она ускользает от меня, прячется за глупым, повседневным...

Да и мог ли я ее оставить! Не знаю, что на меня накатило, я даже потряс ее худенькие плечи.

— Никуда я не пойду, понимаешь?! И ничего мне от тебя не надо! Ровно ни-че-го... Поняла? Вот сейчас оденусь, вскипячу тебе чай, за хлебом сбегаю. А то будешь ты тут одна валяться и растравлять себя разной дурацкой философией!.. И что бы там ни было, люди у нас стали счастливее, чем раньше!

В запальчивости я даже хотел подкрепить сказанное чуть ли не цифровыми выкладками. Одна такая во мне сидела точно гвоздем: наша еще не так давно по смертности первая страна становится первой по рождаемости!

Но Вера все это словно угадала.

— Ты прав... и в этом вся сложность. Иначе разве хватило бы у меня сил на борьбу?! И что бы там ни случилось со мной, с тобой и вот с ним (она даже не произнесла дорогого имени), не может быть, что прожили мы напрасно!

Голос ее окреп и звучал удивительно ясно. Да и на лице ее — уже совсем мне видном — проступило светлое, успокоенное выражение.

— Да, все же открылись новые рубежи...

— Перед кем? Какие рубежи?

— Перед человечеством...— ответила она так, что эти большие слова прозвучали совсем просто.— А ты иди, Вася... Иди, возьми полотенце, умойся. Видишь, оно на стуле. И мыло не забудь!

Она молча внимательно наблюдала за мной.

— Вася, знаешь что? Дай я тебя поцелую!

Не веря себе, я подошел к ней, склонился. И было в этом поцелуе то, что не выразишь словами...

В полном своем обмундировании и даже с махровым полотенцем через плечо я почувствовал себя таким силачом!

— А теперь иди!— Голос ее прозвучал настойчиво, почти нетерпеливо.

Не помню, как плескался я в ванной, помню только, что привычный запах земляничного мыла придавал всему счастливую достоверность.

Да, что бы она ни говорила, а план с дядькой неплох! Сначала вскипячу чай, потом за хлебом, а там на телеграф... Трамваи-то уже пошли... Так и так, выручай, дядька! Ни о чем тебя никогда не просил, не одалживался, а сейчас — выручай! Дело особое. Мужик он хороший, не ханжа, поймет, что особое. Только — сначала чай. Спички, слава богу, при мне. А где сахар? Ну да ладно, все наладится!

От ванной к комнате Веры шел коридорчик, и там было по-ночному еще совсем темно. Для конспирации я двигался в одних носках, а штиблеты, уцепив за шнурки, нес в руках. Но в коридорчике я, по обычной своей косолапости, трахнулся боком о какой-то шкаф... Растворилась соседняя дверь, и тот же полный гражданин в пижаме молча уставился на меня. Помнится, растерявшись, я ему даже поклонился, а он также, как видно, в замешательстве, с достоинством ответил на поклон.

Вере об этой встрече, чтобы не тревожить ее как женщину, — а ведь она была настоящей женщиной! — я не рассказал.

Да и озадачило, что, когда я вернулся в комнатку, она все в том же Катином халатике недвижно стояла у окна и крепко, очень крепко о чем-то думала. Словно возвращаясь откуда-то издалека, всмотрелась:

— А, это ты, Вася...

И только!

Но то ли потому, что я из породы оптимистов, то ли уж очень пригрел меня ее поцелуй, но тайная радость меня не покидала. Хочешь не хочешь, голубушка, а спасу! Помогу!

Захотелось мне даже еще раз про скорый наш отъезд к «сопкам Маньчжурии» ей напомнить. А она посмотрела на меня все так же отчужденно, потом сурово:

— Иди, Вася. Тебя ждут. Объясни там, что, мол, опоздал на последний трамвай, или еще как-нибудь...

Все это произносила она с явным усилием уж очень непереносна была ей всякая ложь, не говоря о большом, но и в самом малом.

— Ну, конечно, скажу. Ведь, по сути дела, никого и не обману!

Я не без горечи даже усмехнулся...

— Это верно,— просто подтвердила она,— но сейчас иди! Слышишь — иди!

Не только суровое, а почти грозное было в кратком ее приказании.

И все-таки я ослушался! Странное дело, из-за самой обыденной такой мысли: уйти-то я уйду, а она, что ж, по-прежнему голодная сидеть будет? А ведь от их дома до «Продмага» — рукой подать!

Нащупал я в кармане пиджака деньжата — слава богу, хватит не только на хлеб и сахар, но даже на сыр... Она — я даже это в те минуты вспомнил — любила дырявый такой, голландский, что ли? Сергей, бывало, смеется: «За дырки плачу!»

Куплю, выложу ей на стол и исчезну! Исчезну, а действовать буду! Дяде молнирую по дороге, благо почта по пути. Так навеки и запечатлелась она мне в синеньком халатике у окна; а за ним совсем, как сейчас, белые, лохматые хлопья.

Помчался я, как оглашенный, в «Продмаг». Потом даже странно было: отчего же я так страшно торопился? Помню только, что хлеб, сахар и даже сыр все-таки уцепил... В дверях магазина толкнул кого-то, звякнул бидон, плеснуло молоко, заругались, конечно...

Наконец с небольшими своими покупками почти бегом обратно в знакомый двор — квартира-то их во двор выходила. В первое мгновение, надо сказать, ничего особенного не приметил.

Потом какие-то провалы в памяти, и вдруг странная картина. Людская черная толчея кипела у знакомого мне подъезда. Только чуть левее, как раз под... В первое мгновение эту толчею я воспринял лишь как новую помеху на своем пути... Хотел через нее ловко проскочить, но тут милицейский свисток; и за рукав меня ухватила та самая лифтерша с платком поверх берета. Тогда-то меня по глазам словно ударило: на пушистом от снега асфальте, в том же синеньком Катином халатике...

Помню, пытаясь что-то понять, постигнуть, соединить куски какого-то страшного ребуса, невольно я глянул вверх... Одно окно, вероятно, то самое, из которого всю ночь так жестоко дуло, было широко, как бы весело распахнуто.

— Вера! — рванулся я к тому недвижному, что признал по знакомому халатику. — Вера!

И все с абсолютной точностью — от единственного ее поцелуя, на вечную разлуку, до последнего, почти грозного, приказания «иди!» — выстроилось передо мной с беспощадной ясностью.

Меня крепко держали, но делать этого и не надо было. Ведь ее, вернее, то, что от нее осталось, увидеть ближе я и не пытался. Не мог.

5

Что дальше?

Сейчас за стеной с приятной, домашней хрипотцой пробило три часа. Там спят. Лене, наверно, мерещатся нефтяные скважины, а может быть, и сосед Боря; Клавдии Ивановне — домовая прачечная; а я вот все никак не засну... Встаю, нащупываю на тумбочке папиросы, закуриваю и, набросив на плечи пиджак, подхожу к окну.

За ним в густой синеве падают и падают хлопья. Внизу, на тротуаре, намело уже целые сугробы.

И вдруг — не мысль, а смутная, бредовая нелепица проносится в моей голове: «Наверно, так ей было мягче».

Торопливо, от неоконченной еще папиросы закуриваю другую.

Наверно, Сапожкова и в этом усмотрела бы элемент бытового разложения. Ведь тогда, после катастрофы, она завела на меня целое дело.

Немало комиссий почти год в нем копалось. Улики казались неоспоримыми: и то, что, согласно свидетельским показаниям, я провел ночь в комнате «посторонней женщины», и опорожненная бутылка «из-под спиртного», и, наконец, то, что сосед видел меня в одних носках. Мое личное «аморальное поведение» Сапожкова увязала с тем, что недавно, предаваясь барским затеям, я намеревался оставить трудящихся без воды.

Нужно сказать, что даже в то тяжелое время коллектив вступился за меня. Неожиданно благоприятным оказался и рассказ четы Сидоровых: они удостоверили, что ночью в квартире «никаких безобразий не наблюдалось», а мои злополучные носки сосед объяснил тем, что я боялся нарушить их сон. Тем более, что штиблеты — а это он ясно видел — были у меня в руках.

Но больше всего поразила меня Клавдия Ивановна. Именно в ней Сапожкова усматривала главного прокурора. А она заявила, что, несмотря на поздний час, я пошел к Пахомовой с полного ее ведома, что спиртного почти не употребляю и даже в бутылке, которую я тогда достал из буфета — а это она заметила,— едва ли была половина: ведь содержимым она накануне растирала заболевшего ребенка. Показала она также, что, несмотря на большую загруженность на работе, я всегда внимателен к детям.

Ее серьезное лицо, гладко зачесанные волосы, сдержанная, но уверенная речь произвоили отличное впечатление на каждую из комиссий. Так отпал главный козырь.

На работе меня, правда, понизив, оставили, а техническая инстанция, в которой по требованию Сапожковой еще раз пересмотрели мое изобретение, снять его с эксплуатации отказалась. В общем, «аморальная история», как было ею сформулировано, прошла для меня почти без оргвыводов. Я относился к этому с поражавшим всех безразличием.

А вот с женой... Я убедился, что в тайне души Клавдия прозревала мою великую измену, хотя она никак, ни на волос, не нарушала обычного кодекса нравственности. Ведь даже в ту неповторимую ночь мы оставались с Верой лишь друзьями...

Но у женских чувств своя логика, и с Клавдией мы еще больше отдалились друг от друга. Иногда я почти боязливо посматривал на суровое, замкнутое лицо жены. Но шли годы... Многое выветривалось, забывалось. Грянула война с фашистами. Как это ни странно, но ее испытания нас сблизили: моя тяжелая контузия, после чего я стал плоховато видеть, потом ранение Витьки, который тоже воевал, но только не в инженерно-саперных частях, как я, а в артиллерии.

Перепоручив кому-то Лену, Клавдия Ивановна примчалась из эвакуации и, надо сказать, сделала для меня и сына все, что могла.

Вижу я и сейчас неважно, особенно когда устаю или волнуюсь, что дало основание студентам того института, где я, помимо работы в бюро, читаю лекции по своей специальности, наградить меня кличкой «Кротик».

Да, все проходит, время заметает все следы. А вместе с тем... Я никому не давал рыцарской клятвы, но больше всего боюсь одного — забыть. Даже самому себе не надо лгать — с годами в памяти тускнеет и звук любимых голосов, и выражение глаз, и особые словечки...

Но все эти годы я не позволял себе одного — забыть совсем.

Да, все эти годы я упрямо нес одинокую и, быть может, никому не нужную вахту.

Я понимаю, что Клавдия права, осуждая поступок Веры, да и я его не оправдываю. Вот она возражала — о воспитании... Сергей так бы не поступил, в этом я уверен. Но есть и другое: смешно сказать — и теперь, седовласый, потертый жизнью «Кротик», я люблю ее.

Каким-то сверхъестественным женским чутьем моя жена это угадывает. Думаю, что даже чуткая Лена знает, что между нами стоит чья-то тень... Порой мне кажется, что в глазах дочери я читаю невеселый вопрос.

Вот почему сегодня с газетой в кармане я укрылся в своей комнате, вот почему не поговорил с Леной. Что ей до скверного оттиска в газете, до угольного паренька в буденовке, до выцветшей девушки в косынке? От Лены — человека иного поколения — все это слишком далеко, а в Клавдии Ивановне одна эта фамилия «Пахомовы», несомненно, воскресит горькие, ничего не прощающие женские чувства...

Пожалуй, к лучшему, что, поглощенная своей кипучей деятельностью, она попросту пропустит этот номер. А я его спрячу куда-нибудь подальше.

Когда я снова ложусь, то ощупываю под подушкой аккуратно сложенную газету. Для меня это реликвия.

Тут чья-то голова просовывается в дверь. Я замираю.

— Нет, он спит,— слышу я голос дочери.

— Это хорошо,— шепчет жена.— Не разбуди. Только оставь в двери щелочку...

Так они и делают. А я на расстоянии, точно кожей, чувствую, что за стеной тоже не спят.

— Все-таки хорошо, что о них вспомнили,— вдруг раздается тихий голос жены. Как это у нее иногда бывает, сейчас он, несомненно, согрет сердечностью.

Дочь молчит. И — странно сказать — мне кажется, что ответ этой девочки должен решить цену всей моей жизни.

Хотя что она может сказать? Ведь о Пахомовых у нее едва ли сохранилось даже смутное представление.

— Нет, мама, это не те слова,— наконец так же тихо говорит Лена. И, уже не думая о том, разбудит она меня или нет, звонко, со всей страстью молодости отвечает: — Это замечательно!

Теперь я не могу заснуть, но уже совсем по иным, куда более отрадным причинам.

А через несколько дней после появления драгоценной для меня статьи позвонили из одной военной академии.

— Мы узнали, что вы, товарищ Скворешин, воевали в частях под командованием Сергея Тимофеевича Пахомова. Очень просим выступить у нас с воспоминаниями,— почтительно произнес молодой басок.

Опустив телефонную трубку, я молчу. Оратор я никакой. А главное — страшно. Вот поднимусь на трибуну, и полезут из меня примелькавшиеся, слишком общие слова: «активный участник», «боевой соратник» и т. д. и т. д.

— Алло? Нас прервали? Так согласны, товарищ Скворешин?

Да, даже сквозь пыль общих фраз и штампованных выражений надо продраться и рассказать молодым людям хотя бы частицу того, что я знаю...

— Согласен, товарищи!

ЧЕРЕП ДРЕВНЕГО СКОТОВОДА

2 500 лет назад с человеком случилась беда: разъяренный бык могучим ударом копыта по темени проломил череп пастуху.

Пастух был очень юн. Пролом зарос, но на черепе на всю жизнь остался рубец в форме копыта. Пастух жил еще несколько лет после схватки с разъяренным животным.

Все это рассказал археологам череп, найденный Абакан-Тайшетской экспедицией при раскопках древнего кургана.

У древних обитателей Южной Сибири было развито земледелие. Во время этих же раскопок археологи обнаружили древние оросительные каналы, ложа которых часто пробиты в сплошном каменистом грунте.

●

ВИТАМИНЫ ЛЕЧАТ КНИГИ

Оказывается, витамины нужны не только живым организмам, но также старинным книгам и рукописям.

Недавно итальянский биохимик Марио Пинцути экспериментально доказал, что витамины можно успешно применять для реставрации и консервации старинных документов. С помощью шприца он впрыскивал витаминные составы в бумагу реставрируемых документов.

●

ЭЛЕКТРОДОИЛКА ДЛЯ ПЧЕЛ

Давно известно, что пчелиный яд — важное лечебное средство. Однако до сих пор метод его получения был очень дорогим. Каждый взяток ничтожно малого количества яда стоил пчеле жизни. Совсем недавно была изобретена специальная миниатюрная пчелиная электродоилка. Она прошла успешные испытания на практике. Получение яда с помощью электродоилки совершенно безвредно не только для жизни пчелы, но и для ее деятельности: количество пчелиного меда и воска не уменьшается.

●

АТМОСФЕРА ВРАЩАЕТСЯ

«Быстро, как ветер»,— говорили в старину, когда еще не существовало машин, которые двигались бы быстрее.

Британские ученые установили, что атмосфера, окружающая нашу планету, вращается.

Какова же скорость вращения атмосферы?

На высоте 200—300 километров она соответствует скорости ветра — 150 метров в секунду, то есть 540 километров в час.

СТРАТ

Накануне празднования 47-й годовщины Советской Армии и Военно-Морского Флота корреспондент журнала «Огонек» А. Голиков обратился к ПЕРВОМУ ЗАМЕСТИТЕЛЮ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО РАКЕТНЫМИ ВОЙСКАМИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО НАЗНАЧЕНИЯ ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКУ В. Ф. ТОЛУБКО и попросил ответить на следующие вопросы:

Вопрос: Какую роль играют в современных условиях Ракетные войска?

Ответ: Ракетные войска стратегического назначения, как и остальные виды Вооруженных Сил СССР, предназначены для охраны мирного труда советского народа и народов всех стран социалистического лагеря, строящих социализм и коммунизм.

Наша партия и правительство проявляют постоянную заботу о том, чтобы Советские Вооруженные Силы располагали самыми современными средствами защиты Родины — атомным и термоядерным оружием, ракетами всех радиусов действия, чтобы поддерживали на должной высоте все виды техники и оружия.

Личный состав Ракетных войск трудится над совершенствованием боевой готовности. Главное в работе ракетчиков — это отличное знание техники, ее абсолютная исправность и высокие практические навыки боевых расчетов при подготовке ракет к пуску.

Ежегодно увеличивается количество классных специалистов, отличников боевой и политической подготовки, специалистов, овладевших смежными специальностями. В 1964 году значительно возросло количество пусков ракет, проведенных ракетчиками с оценкой ОТЛИЧНО.

Вопрос: Какая существует классификация ракет?

Ответ: Ракеты делятся на классы в зависимости от того, откуда они запускаются и где находят цель. Например, есть ракеты «Земля — Земля», «Земля — Воздух», «Воздух — Земля» и других назначений. За рубежом упоминают и такие классы ракет: «Земля — Космос», «Космос — Космос» и «Космос — Земля». Речь идет о ракетах, которые могут взлетать с Земли и поражать объекты в Космосе, могут стартовать из Космоса на Землю или лететь между космическими объектами.

Примером класса «Земля — Космос» могут служить ракеты, которые выводили на орбиты космические корабли «Восток». Второй и третий классы ракет тоже вполне осуществимы. Ведь наши межпланетные станции доставлялись к Луне и направлялись к Марсу ракетами, стартовавшими в Космосе с борта ракеты-матки. Понятно, что эти ракеты могли бы направить груз не к Луне и Марсу, а в любую точку нашей планеты,— вот вам и класс «Космос — Земля».

Вопрос: А как достигается точность попадания ракет в заданный квадрат?

Ответ: Стратегическая ракета стартует вертикально и поднимается на тысячекилометровую высоту. После того как отработает последняя ступень двигателя, ракета устремляется к цели со скоростью до двадцати тысяч километров в час. В безвоздушном пространстве этот снаряд двигается как любое небесное тело, что позволяет очень точно рассчитать такой полет, обеспечить попадание в площадку относительно малого размера.

Ракета в полете управляется автоматически. В зарубежной печати говорится о четырех системах управления: автономной, командной, наведения по радиолучу и самонаведения. Автономная система состоит из установленных на борту ракеты автоматических устройств. Они выполняют заданную программу полета ракеты на ее активном участке. При командной системе приборы непрерывно определяют местоположение цели и летящего снаряда, вырабатывают сигналы-команды, направляющие снаряд в точку встречи с целью. Понятно, что автономная система управления применяется, когда надо поразить неподвижную цель, а командная — когда цель находится в непрерывном движении.

Теперь о наведении снаряда по лучу радиолокатора. Здесь снаряд движется вдоль своеобразной радиотропы, проложенной антенной специального радиолокатора. Это подобно тому, как заяц бежит в луче автомобильных фар, не сворачивая ни вправо, ни влево.

Хороша ли эта система? По данным иностранной печати, один радиопередатчик луча и радиолокатор слежения позволяют выпустить двенадцать ракет в минуту. Но точность их полета на большие дальности недостаточна. Этим же недостатком страдает и система самонаведения, которая использует радиоволны, инфракрасные лучи, звуковые колебания.

В советских ракетах применяются весьма совершенные системы управления. Свидетельством тому недавнее испытание ракет-носителей, проведенное в акватории Тихого океана. Точность их попадания была изумительной.

Очень важны и другие технические показатели наших стратегических ракет. Они просты в эксплуатации, готовят их к пуску буквально за несколько минут. Без особой инженерной подготовки стратегические ракеты могут запускаться с полевых стартовых позиций. Все это позволяет обеспечить наивысшую готовность к пускам, живучесть и неуязвимость наших пусковых установок от ударов стратегических средств нападения противника.

Ко всему этому надо добавить небывалую эффективность. Благодаря мощным двигательным установкам советские стратегические ракеты могут доставлять к цели ядерные заряды, эквивалентные десяткам миллионов тонн тротила. Это в несколько тысяч раз превышает мощность атомной бомбы, сброшенной американцами на Хиросиму.

Но это не означает, что наше ракетное оружие достигло своего предела. Оно, как и другие виды оружия, совершенствуется, становится еще более грозным и неуязвимым.

Весь личный состав Ракетных войск стратегического назначения бдительно несет вахту у своего грозного оружия. Ведь советские межконтинентальные ракеты, оснащенные мощными ядерными зарядами,— могучее средство обеспечения мира. Они стоят на пути агрессоров, постоянно охраняя мирный созидательный труд Советского Союза и всех стран социалистического лагеря.

ОНИ БЫЛИ БЕСТУЖЕВКАМИ

Людмила КАФАНОВА

Лидия Стуре.

Анна Венедиктова.

В Ленинграде, на Десятой линии Васильевского острова, стоит трехэтажное здание. Когда-то, восемь десятков лет назад, о нем было сказано: «Такого дома, как вот этот, у нас отроду не бывало с тех пор, как Россия стоит на свете. Ведь это такой дом, на который все рубли, большие и малые, дала вся наша страна». Здесь помещался первый в России женский университет с факультетами: историко-филологическим, физико-математическим, а позднее и юридическим — Высшие Женские курсы, названные Бестужевскими по имени первого директора профессора истории К. Н. Бестужева-Рюмина. Десятки лет вели борьбу ученые, общественные деятели России, передовые женщины за существование Курсов. И в 1878 году царское правительство дало наконец разрешение на открытие в Петербурге Высших Женских курсов. Однако никаких средств не отпустило, и учредителям Курсов пришлось начинать с капиталом в 200 рублей. Замечательные русские ученые во главе с Д. И. Менделеевым, И. М. Сеченовым, А. Н. Бекетовым вызвались читать лекции на Курсах бесплатно. Комитет по доставлению средств вскоре сумел собрать 200 тысяч рублей и выстроить для Курсов здание на Васильевском острове.

С самого основания Курсов сходки, забастовки, демонстрации и вслед за ними обыски, аресты и высылки слушательниц стали здесь обычным явлением. Для царской охранки слово «бестужевка» было синонимом слова «революционерка».

По делам народнических организаций представали перед судом десятки бестужевок. Слушательница Курсов Добрускина была приговорена к смертной казни, которую ей заменили каторгой.

По делу Лахтинской типографии, где печаталась одна из первых работ В. И. Ленина, были арестованы восемь бестужевок.

По делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» были привлечены к дознанию тридцать курсисток, и среди них Н. К. Крупская, Д. В. Ванеева, сестры Невзоровы, А. А. Якубова, М. Г. Сущинская.

Бывшие бестужевки задумали сейчас воссоздать славную, полную самоотверженного героизма историю Курсов. Женщины, самой молодой из которых за шестьдесят, работали в архивах, разыскивали своих соучениц, писали воспоминания. Интересные документы об участии слушательниц Курсов в революционном движении были найдены ими в Центральном Государственном архиве Октябрьской революции, где хранятся бумаги царской охранки.

ВЫ ЖЕРТВОЮ ПАЛИ...

...Каждый год начиная с 1907-го в середине октября на Курсах появлялась высокая молодая женщина с седой прядью в гладко зачесанных черных волосах. Она собирала курсисток на летучую сходку в одной из аудиторий и через полчаса уходила, унося в кожаной сумочке листок с текстом телеграммы. Одна из таких телеграмм, посланная в 1910 году, была перехвачена полицией и теперь найдена в архиве. «В тяжелую годовщину смерти Венедиктовой и Мамаевой чтим светлые образы их и скорбим вместе с вами». Отправитель: сходка бестужевок.

Кто же такие Анна Венедиктова и Анастасия Мамаева? Это слушательницы Бестужевских курсов. В 1906 году они стали членами объединенных боевых групп и приняли участие в Кронштадтском восстании. Царский суд приговорил их к расстрелу.

Из тюрьмы они сумели передать записки подругам по Курсам.

«Слишком мало я сделала, но если мне не пришлось, то вам желаю поскорее увидеть день победы, день освобождения народа от рабства. Теперь жду смерти и я счастлива отдать свою жизнь за светлое дело освобождения»,— писала Анастасия Мамаева.

«Не знаю, долго ли вы будете помнить меня... Товарищи, поддержите мою мать — моя последняя просьба. Не материально, а нравственно. Ведь я у нее — единственная цель в жизни. Помогите ей перенести этот удар»,— писала Анна Венедиктова.

Потрясенные бестужевки собрались на экстренную сходку. Тогдашний директор Курсов профессор В. А. Фаусек лично поехал к министру, и тот обещал «все уладить». Однако, когда на следующее утро курсистки пришли в тюрьму, им сообщили, что приговор уже приведен в исполнение...

В архиве хранится еще одно письмо, не доставленное адресату, осевшее в папках охранки. Написала его бестужевка Лидия Стуре. «Дорогие мои, сейчас будет суд. Я вполне спокойна. Если будет смерть, встречу ее бодро. На всякий случай — прощайте. Мне жаль тебя, мамочка, но исполни мою последнюю просьбу, будь сильной, не падай духом... Папа, если хочешь и можешь, посылай в общество вспоможения слушательниц ВЖК в продолжение трех лет по десять рублей... Целую всех много раз. Бабушка и мама, не плачьте. Папа, милый, поддержи их, покажи, как надо принимать удары жизни».

Лидия Стуре была казнена 18 февраля 1908 года за участие в покушении на царского министра Щегловитова. Образ Лидии Стуре угадывается в произведении Леонида Андреева «Рассказ о семи повешенных».

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

Большая фотография, наклеенная на толстый с золотым тиснением картон. На снимке четыре девушки: бестужевки Фанни Якобсон, Екатерина Яковлева, Софья Стриевская и слушательница курсов Лесгафта Софья Маркус и дата — май 1915 года. Эта фотография имеет непосредственное отношение к постановлению царской охранки, найденному в архиве.

«Социал-демократическое течение захватило широкие слои студенчества. Большевики выделили из своей среды видных представителей и заняли командное положение в политическом движении высшей школы»,— писал начальник отделения по охране общественной безопасности и порядка в городе Петрограде.

На Бестужевских курсах была организована объединенная социал-демократическая группа. К ней прикрепили члена партии Софью Маркус. Курсистки-большевички, «помимо деятельности в стенах своего заведения, приняли на себя функции по работе в женских рабочих кружках, являясь там пропагандистками». По заданию партии они готовили женский журнал, который должен был выйти 4 апреля. А 27 марта по доносу провокатора вся социал-демократическая группа Курсов была арестована. При обыске у Екатерины Яковлевой были найдены две рукописные статьи, «в коих проводятся взгляды социал-демократов на текущую войну». Это были антивоенные статьи Ленина, переписанные Яковлевой. Жандармы, не разобравшись, решили, что статьи написаны самой Яковлевой. И когда одна из дам-патронесс пришла похлопотать за Яковлеву, жандармский полковник спросил: «Знаете ли вы, сударыня, о ком просите? Читали ли вы ее сочинения?»

В мае большая группа студентов, и в их числе Маркус, Якобсон, Яковлева и Стриевская, признанные «вредными для общественного порядка и государственной безопасности», были приговорены к высылке под гласный надзор полиции. Перед отправкой в ссылку и была сделана эта фотография.

Расправившись с курсистками, жандармы было вздохнули свободно. Но ненадолго... Осталась на свободе бестужевка-большевичка Валентина Алексеева. И уже осенью 1915 года на Курсах вновь был создан Объединенный социал-демократический кружок.

Помогали бестужевки налаживать связи с большевиками, попавшими в тюрьмы. Они называли себя невестами заключенных, и тогда у них принимали передачи, разрешали свидания. В своих воспоминаниях старый большевик И. Лалаянц рассказывает, что, когда его арестовали, В. И. Ленин порекомендовал ему в качестве невесты бестужевку О. Чачину.

Революционной работой на Бестужевских курсах руководила Елена Соколовская. Уже тогда эта молоденькая девушка пользовалась доверием партии, выполняла сложные опасные задания. Она доставала шрифты для нелегальных изданий, хранила партийную литературу, ездила по поручению Петербургского комитета в Финляндию. «Маленькая, изящная, с всегда смеющимися лукавыми зеленовато-карими глазами, по внешнему виду так непохожая на стойкого революционера. Но какое мужественное, самоотверженное сердце скрывалось под этой внешностью! Всегда на посту, всегда спокойная, готовая взять на себя самую трудную, самую опасную работу...» Такой запомнили Елену ее друзья. У нее был прирожденный талант подпольщицы. В годы гражданской войны, во время англо-французской интервенции в Одессе Елена Соколовская была секретарем подпольного обкома партии и возглавила работу Иностранной коллегии.

...Грянул Октябрь. В эти исторические дни многих бестужевок можно было увидеть в Смольном. Они работали во ВЦИКе, в аппарате ЦК партии. А когда всколыхнула страну гражданская война, многие бестужевки ушли на фронт защищать молодую Республику Советов.

Именем бестужевки Нины Москвиной назван бывший Троицкий проспект в Ленинграде. В Златоусте бестужевок Таню Боголепову и Шуру Лихачеву расстреляли белые офицеры. Вместе они вошли в партию, вместе работали, вместе похоронены в одной могиле на Южном Урале.

Бывшая бестужевка учительница Н. К. Капустина написала: «Седые волосы покрывают мою голову, а сердце все так же сочувственно отзывается на новые запросы жизни, и надо помочь молодому поколению внести в жизнь побольше света, радости и счастья». Эти слова могли бы повторить все ее подруги по Курсам.

Фанни Якобсон, Софья Стриевская, Софья Маркус, Екатерина Яковлева.

«Маскарад». Нина — В. Нуждина.

Театральные дебюты Костромы

Юр. ЗУБКОВ

Сюда, в этот древний город на Волге, с сохранившимися в самом центре торговыми рядами и пожарной каланчой, возвышающейся над особенно приземистым, стоящим возле нее зданием бывшей гауптвахты, Валентина Михайловна Нуждина приехала с Алтая, где исколесила весь просторный, раскинувшийся на сотни километров край.

На первых порах все показалось ей новым и непривычным в Костроме. С непередаваемым волнением входила актриса первый раз в театр, где бывал великий Островский, вступала на подмостки, где играли корифеи отечественной сцены. ...А вот люди, смотревшие премьеру героической драмы К. Тренева «Любовь Яровая», показались Валентине Михайловне хорошо знакомыми. Среди них было много крестьян, приехавших из области специально на спектакль; непосредственно и горячо воспринимали они все, происходившее на сцене. Колхозный вожак Герой Социалистического Труда Прасковья Андреевна Малинина напутствовала актеров, многие из которых дебютировали в этот вечер, добрыми словами. А после спектакля поднесла Нуждиной, игравшей заглавную роль, букет и пожелала театру быть достойным своих земляков, своего замечательного времени...

С тех пор Нуждина уже десятки раз сыграла роль Яровой, но свежесть, трепетность центрального образа объясняет прочный успех не во всем ровного спектакля, поставленного А. Разинкиным — новым главным режиссером.

Назначение Нуждиной на роль Любови Яровой, истолкование и сценическое воплощение этой роли оказались как нельзя более точным попаданием. Хотя Любовь на первый взгляд кажется и необычной, и даже, пожалуй, не очень романтичной. Беленькая, худенькая, совсем простая, скромно одетая женщина, с гладкой прической и усталым взглядом больших печальных глаз. И говорит она негромко и двигается тихо, явно чуждаясь каких бы то ни было внешних эффектов, показного пафоса. Но живет в ней такая беззаветная, неистребимая преданность революции, что в моменты крутых поворотов эта неприметная, молчаливая сельская учительница вдруг раскрывается по-новому, обнаруживая редкое бесстрашие перед любыми испытаниями.

Большой путь проходит Любовь Нуждиной — от беззаветной доверчивости к мужу до глухой ненависти, до отказа от него. Сколько же незримых мук, страдания на этом пути!

Конфликт между трудно изживаемым чувством любви, привязанности к мужу и ясным сознанием революционного долга, самое движение этого конфликта придают образу, созданному В. Нуждиной, объемность и глубину.

Уже первой премьерой нынешнего сезона Костромской театр заявил тему, дорогую для него: тему женской судьбы. Тему духовного прозрения женщины. Тему развития новых высоких качеств женской души, женского характера. Тему для театра, носящего имя Александра Николаевича Островского, отнюдь не случайную.

Кстати, костромичи до сих пор спорят с кинешемцами, устанавливая место действия «Бесприданницы». И мне даже показывали в Костроме беседку, откуда Лариса якобы смотрела на Волгу в первом действии...

Интересными актерскими работами ознаменованы и спектакли: «Нора» Г. Ибсена, «Маскарад» М. Лермонтова, «В день свадьбы» В. Розова. Пьесы эти, разумеется, несхожи по глубине, художественности, гражданскому темпераменту. Тем не менее, обращаясь к ним, театр проникает в духовный мир человека, в его психологию, следит за возмужанием, становлением личности.

Образ Нины, которую также играет В. Нуждина, стал в «Маскараде», поставленном К. Андреевой, на первый план — рядом с Арбениным В. Пацерина. Нина Нуждиной дает зрителю возможность почувствовать незаурядную натуру героини, дремлющие в ней богатые душевные силы. Искренняя и естественная на протяжении всего спектакля, Нуждина проводит заключительные сцены очень строго, целомудренно, избегая сантиментов и надрыва. Поэтому образ Нины, ее стремление к простым и ясным, гармоническим отношениям, к человечности этих отношений, ее разлад с пошлым и пустым светом обретают четкость и значительность.

Не забудешь и Нору, созданную в пьесе Г. Ибсена Лейлой Гаибовой.

Она также в группе новичков приехала из Калинина в Кострому. Но ее здесь уже полюбили...

Вот она появляется, славная маленькая белочка-щебетунья, оде-

«Любовь Яровая». В заглавной роли В. Нуждина.

«Нора». В заглавной роли Л. Гаибова.

«В день свадьбы». Нюра — А. Пахомова.

тая в строгое темное платье. Нора беззаботно-ласкова с мужем, заливисто смеется с детьми, радушно встречает подругу, которую не видела уже много лет... Кажется, ничто не предвещает в этой человеческой судьбе никаких осложнений. Только по отдельным беспокойным интонациям в разговоре с Хельмером и фру Линне, по тревожному взгляду Норы мы начинаем угадывать под милой беспечностью героини совсем иную, напряженную внутреннюю жизнь. Но это не страх, не малодушие, не растерянность. Они Норе — Гаибовой просто несвойственны. Угрозы заимодавца Крогстада делают Нору еще более собранной, готовой постоять за себя, за свое человеческое достоинство. Ритм ее внутренней жизни становится все более упругим и учащенным. И как же угадывается этот ритм в грациозной, стремительной тарантелле, которую Нора танцует перед Хельмером!

Она вкладывает всю свою душу, всю свою волю, стремясь отвлечь мужа, выиграть необходимое время... И чем бы ни была занята Нора Гаибовой, она — про себя — непрерывно ищет выход из создавшегося положения, до последней минуты не теряя надежды, что этот выход в конце концов будет найден!..

Причем Нора — в толковании Л. Гаибовой — не сомневается: Хельмер защитит ее от всех бед.

Хельмер же, панически испугавшийся долга, огласки, возможного крушения своей карьеры, груб с женой, равнодушен к ее переживаниям... И это буквально преображает Нору — Гаибову!.. В ту минуту, когда она выходит из своей комнаты, уже одетая в дорожное платье, перед нами оказывается совсем другая женщина: решительная и непреклонная. Это женщина, для которой чудо примирения с Хельмером не произойдет никогда, ибо жизнь, приемлемая Норой, должна быть построена на началах человечности и справедливости.

Несмотря на некоторый налет мелодраматизма, постановка «Норы» режиссером А. Привманом современна. Зрителей заставляют задумываться и волноваться все ситуации пьесы, все переживания героев. И наблюдая за Хельмером, сыгранным В. Пацериным с графической точностью и некоторой суховатостью, зрители порою спрашивают себя: нет ли и в них самих скрытых черточек Хельмера, таковы ли они, каким хотела бы видеть Нора своего близкого человека?

...Густо замешанная на окраинном быте, пьеса В. Розова «В день свадьбы» говорит со зрителями уже непосредственно о наших днях. Но порой складывается впечатление, что автор словно забыл о тех женских образах, которые в свое время были созданы Островским, Чеховым, Горьким... О душевном величии русской женщины, силе нравственного подвига. Трудно ведь согласиться с тем, что нежелание Нюры калечить жизнь себе и Михаилу свадьбой без любви и в самом деле представляет собою подвиг, будто бы выражает существенные черты наших дней!..

Правда, для костромичей пьеса Розова по-особому близка. Написанная их земляком, она и воспринимается зрителями так, словно ее сюжет и образы взяты писателем из костромской действительности.

Зрителям даже кажется, что действие происходит в тех рядах, куда они и сами частенько заглядывают, где искала Нюра Салова сиреневые бусы и покупала туфли... А местечко Пàнтусово — о нем Розов упоминает в своей пьесе — и впрямь находится неподалеку от Костромы; только не на первом слоге, как в других театрах, ставится в спектакле костромичей ударение, а на втором: Пантýсово...

Близость пьесы к костромской действительности театр еще больше усиливает и подчеркивает. Постановщик спектакля А. Разинкин в сцене гуляния молодежи вводит песню, где упоминается «фабричная сторонка, родная Кострома...». И художник М. Пирогов включает в оформление чисто костромские мотивы: на заднике виднеется Волга и впадающая в нее река Костромка. На правом берегу Костромки расположился старинный Ипатьевский монастырь, куда три с половиной века назад приходили московские бояре звать на царство Михаила Романова; а на левом — заводы с прилегающими к ним новыми домами. Так тема новизны и старины решается в спектакле за счет местного колорита.

И в этом спектакле немало запоминающихся образов. Очень чистая, славная Оля Кожуркина Е. Янышевой и резкая, озлобленная, с покалеченной душой, но все еще не утратившая веры в правду и чистоту Рита И. Мамаевой. Нахрапистая, грубая, откровенно чувственная Майя Мухина В. Мирошниченко и огневая, задорная жизнелюбка и «зубоческа» Матвеевна М. Богдановой...

Особо следует сказать о главной героине спектакля — Нюре Саловой, которую играет А. Пахомова. Не все одинаково удалось актрисе, и самое слабое место спектакля — сцены Нюры с Михаилом. Нюра—Пахомова не столько старается понять и осмыслить происходящее, воздействовать на парня, которого она любит, сколько демонстрирует нахлынувшие на нее чувства. Но, может быть, это зависит более от партнера Пахомовой, вялого и неглубокого. Зато дальше актриса убедительно передает душевную стойкость и решимость своей героини; а в сцене, когда Нюра, уже побывавшая в загсе, срывает с себя фату и освобождает Михаила — Ю. Тарасова от брачного обязательства, она позволяет почувствовать и силу характера героини и большую внутреннюю ее сдержанность... Тут уж ее начинаешь понимать и ей сочувствовать...

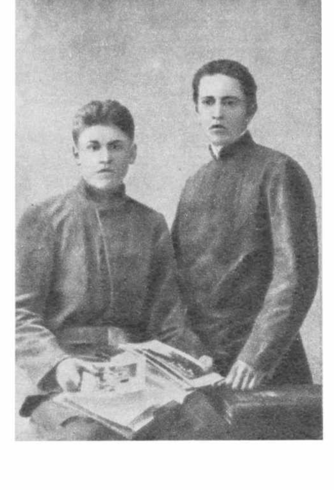
Пронизавшая основные спектакли нынешнего сезона тема женской судьбы живет и в постановках предшествующих лет: «Горячее сердце» А. Островского, «Угрюм-река» В. Шишкова, «В лесах» П. Мельникова-Печерского, «День рождения Терезы» Г. Мдивани, «Альфа и Омега» В. Пацерина и Н. Стрелковой.

Авторы последней пьесы — актеры Костромского театра. Нина Анатольевна Стрелкова играет машинистку Панову в «Любови Яровой» и баронессу Штраль в «Маскараде», создавая характеры волевые, активные.

Пьеса рассказывает о встрече людей Земли, посланцев Страны Советов, с жителями другой, далекой планеты... Романтическое произведение прославляет гуманизм человека, говорит о готовности к подвигу. И может, на мой взгляд, заинтересовать другие театры страны.

Но это к слову...

Дружески встречает костромской зритель своих талантливых актрис и актеров. Дружески отвечает на искусство, затрагивающее сокровенные струны его души.

ГДЕ ПИСЬМА А. Н. ТОЛСТОГО?

В моем семейном архиве хранится редкая фотография. Снимок сделан в 1900 году в Самаре. На нем изображены Алексей Толстой и Владимир Мирбах (впоследствии журналист). На обратной стороне фотографии надпись: «Дорогой сестре М. И. от братьев Ал. Толстого, Вл. Мирбах. 12.I.1900 г.».

История этой фотографии такова. Моя мать Мария Ираклиевна Болтунова училась в 1-й самарской женской гимназии, а ее брат Николай Болтунов, Александр Ананьин (будущий муж), Алексей Толстой и Владимир Мирбах — в Самарском реальном училище. Оба эти учебные заведения были расположены на Казанской улице друг против друга. В течение многих лет А. Толстой, В. Мирбах и моя мать дружили. Реалисты называли свою юную подругу сестрой, а она называла их братьями. Этим объясняется и содержание надписи, сделанной Толстым и Мирбахом.

Кроме этой фотографии, у моей матери до ее смерти хранилась объемистая пачка писем А. Толстого к ней, большинство из них в стихах. Были и просто лирические стихи с посвящением М. Б. и М. И. (Марии Болтуновой и Марии Ираклиевне).

Позже письма и стихи Толстого хранились у моей сестры Н. А. Ананьиной, которая до войны жила в Воронеже на улице 25 Октября, в доме № 44, кв. 4. В 1941 году, когда немецкие войска прорвались к Воронежу, сестра эвакуировалась, бросив все свои вещи. В оставленном ею сундуке лежал пакет с письмами Алексея Николаевича. После войны на запрос сестры ответили из Воронежа, что ничего не могут сообщить о судьбе брошенного ею имущества. В комнате, ранее принадлежавшей сестре, поселились новые жильцы.

Может быть, прочтя эту заметку, кто-нибудь из воронежцев вспомнит, куда делся сундук из комнаты Н. А. Ананьиной, на дне которого хранился пакет с ранними стихами Алексея Толстого.

И. АНАНЬИН

Вертолет летит на с

1

2

Ю. СБИТНЕВ,

Д. УХТОМСКИЙ

В пустыне заболел человек. Не просто заболел. Жизнь матери и ребенка в опасности.

Четвертые сутки мать лежит на кошме с потрескавшимися от жара губами.

Еще силен, еще властвует в селении Колодце дикий закон прошлого: не прибегай к помощи врача. Роды — великое таинство...

Но уже летит в Ашхабад «SOS». Точки и тире превращаются в буквы, слова. Уже поднята трубка телефона. Отделение санитарной авиации клинической больницы слушает. Срочный вызов!

Потерпи, мать. К тебе и твоему ребенку торопятся на помощь люди!

В Колодец уже спешит с дальнего пастбища на неторопливом верблюде твой отец, мудрый, как сама земля, аксакал. Он знает законы. Он входит в юрту. Волосы его белы, как вьюги пустыни, барханными складками легли на лицо морщины. Он молчит. И все молчат, уважая его годы и мудрость.

— Дочь должна жить! Ее ребенок должен жить. Человек рождается для счастья,— говорит он.— Это закон пустыни. Новый закон.

В пустыне нет четких ориентиров. Она лежит на сотни и сотни километров, покрытая редкой растительностью, иссеченная вдоль и поперек сыпучими барханами песков. Вертолет летит низко над землей. Глаза ломит от напряжения. Хотя бы дымок, хотя бы живое озеро отары, хотя бы одинокий след человека разглядеть в этом великом однообразии!

Но слушай, пилот, слушай сердце матери! Лети на этот стук, пилот...

— Дочь должна жить. Внук должен жить,— говорит аксакал, смахивая с коричневых щек редкие, как вода в пустыне, слезы.

— Они будут жить, аксакал! — отвечает женщина в белом халате.— Я тоже мать, аксакал.

И кричит новый человек. Он родился для счастья

4

3

тук сердца

1 — Отделение санитарной авиации клинической больницы слушает.
— Срочный вызов...

2 Врач Александра Степановна Гнип прибыла на чабанскую стоянку по срочному вызову.

3 Санитарный вертолет доставил больную в Ашхабад.

4 Амандурсун Хакимова — жена чабана — счастлива.

Ф. КРИВИН

УЧЕНЫЕ СКАЗКИ

Физика

К. П. Д.

Сперва возьмем гору. Огромную гору, которая таит в себе неисчислимые запасы полезной энергии.

Потом возьмем мышку. Обыкновенную мышку, которая ничего в себе не таит.

Отношение рожденной мышки к родившей ее горе называется коэффициентом полезного действия.

СТОРОНЫ И УГЛЫ

Чем многограннее пирамида, тем у нее меньше острых углов в соприкосновении с внешним миром.

Чем многограннее пирамида, тем многосторонней она смотрит на мир.

— С одной стороны, это, конечно, неправильно... Но с девяносто девятой стороны это, пожалуй, верно...

— Давайте взглянем с двести пятьдесят третьей стороны...

— Даже лучше с восемьсот семьдесят первой...

А при всестороннем взгляде на мир пирамида и вовсе теряет свою угловатость и превращается в конус, обтекаемый конус: ведь обтекаемость — предел многогранности.

ФИЗИЧЕСКИЙ ЗАКОН

Великие открытия совершаются чисто случайно.

Чисто случайно встретились в лесу Еж и Лев.

— Приготовься, Еж,— говорит Лев,— сейчас я тебя ударю.

Приготовился Еж: свернулся клубком, не поймешь, где у него душа, а где пятки.

Лев размахнулся и — хлоп! В чем дело? По всем расчетам, Ежу бы на три метра отлететь, а он отлетел только на полтора. А на остальные полтора отлетел Лев. Да и этих метров показалось ему мало — поджал хвост и — ходу!

«Интересное явление,— подумал Еж,— надо будет его проверить!»

Стал он проверять, как полагается в научном исследовании. Делал опыты и на волках и на медведях. Все подтвердилось: чем сильнее удар, тем дальше зверь отлетает. Вот так Еж и открыл закон: ДЕЙСТВИЕ РАВНО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ.

Это было великое научное открытие. До сих пор в лесу только действовали, а противодействовать никто не решался. Теперь же все воспрянули духом. Зайцы, бобры, суслики — всякая мелкота повылезала из своих нор, прет прямо на Льва.

— А ну,— говорят, — ударь!

Начал Лев ударять. Зверья перебил — глядеть страшно.

— Это не по закону! — возмущается мелкота.— По закону действие равно противодействию!

Ударяет Лев. Ему наплевать на законы.

И тут нашелся один Суслик. Подытожил все опыты и дополнил закон Ежа:

ДЕЙСТВИЕ РАВНО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ — ЭТО ФИЗИЧЕСКИЙ ЗАКОН. НО ТАМ, ГДЕ ДЕЙСТВУЕТ ФИЗИЧЕСКАЯ СИЛА, ФИЗИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ БЕЗДЕЙСТВУЮТ.

В науке этот закон известен под именем закона Ежа — Суслика.

География

МЫС

Мыс выдается в море. Мыс чувствует, что он выдающийся.

— Я так окружен водой... Меня давно можно назвать полуостровом... Но если вам все равно, зовите меня полуконтинентом...

МАСШТАБ

— Я Океан.

— Одну минуточку, посмотрим по карте. Приметы есть?

— Как вам сказать... Ну, Океан, стихия...

— Называетесь как?

— Тихий называюсь. Тихий Океан. Или еще — Великий.

— Ого! Даже так!

— Так, так, во мне ведь тысячи километров!

— Успокойтесь, Тихий Океан, сейчас проверим ваши километры. Здесь вам не стихия. Здесь точный, масштабный план местности... Так вот, Океан: по нашим масштабам ваш километр равен одной тысячной миллиметра. Вот вам и великий. У нас нет великих. У нас все одинаковые.

Математика

СОКРАЩЕНИЕ ДРОБЕЙ

— Вы читали о сокращении дробей?

— Подумать только — опять сокращение!

Но, оказывается, дроби зря беспокоились. Шесть Четырнадцатых сократили до Трех Седьмых, Восемь Двенадцатых — до Двух Третьих. Словом, одну дробь заменили другой — совершенно равной ей по количеству.

Вот это называется сокращение!

Литература

ЯБЛОКО РАЗДОРА

Богини спорят о красоте.

— Ну-ка, Парис, кому ты отдашь яблоко?

Медлит Парис: Гера предлагает ему власть, Афина — славу, Афродита — самую красивую женщину.

Медлит Парис: он любит и власть, и славу, и женщин... Но больше всего Парис любит яблоки.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ

Николай Козловский, известный советский фотожурналист, когда-то был беспризорником и воспитывался в трудовой коммуне имени Феликса Эдмундовича Дзержинского. Его наставник Антон Семенович Макаренко говорил своим воспитанникам:

— Перед вами открыт большой мир. Изучайте его, пытливо присматривайтесь к тому, как живут и трудятся люди на стареньной нашей планете. Настанет время, и разрушены будут преграды, мешающие народам легко общаться друг с другом.

Видимо, эта мысль глубоко запала в душу питомцев замечательного советского педагога и писателя. Во всяком случае, свою книгу «Через 15 морей и 2 океана» Н. Козловский с признательностью посвятил А. Макаренко.

Этот фотоальбом — итог многих зарубежных путешествий автора. Как точно замечает в своем предисловии к книге Любомир Дмитерко, фотограф-художник, не ограничиваясь фиксацией определенного факта, «стремится глубоко проникнуть в его сущность, аналитически подходит к жизненным явлениям и событиям, акцентируя свое внимание на наиболее типическом».

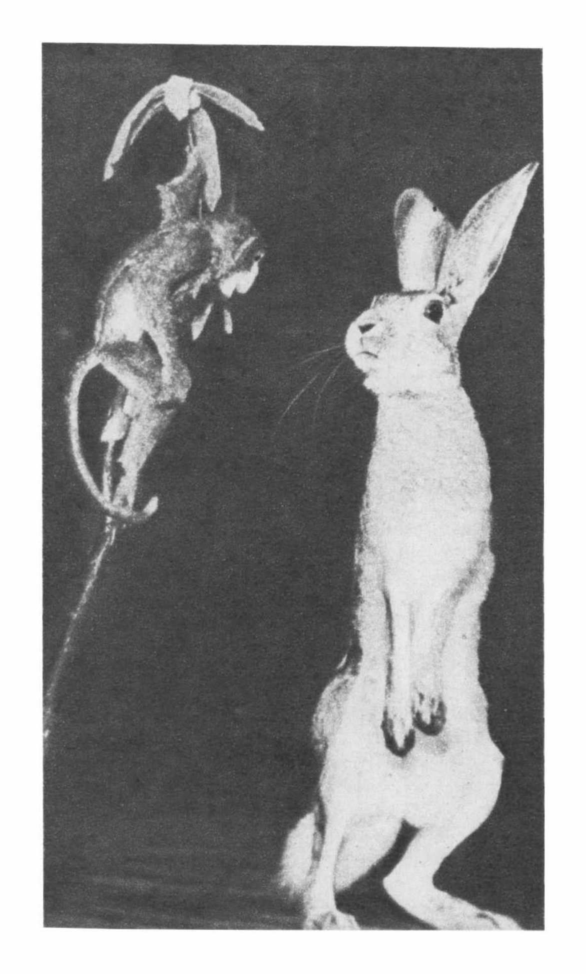
Получилась книга-альбом, уводящая читателя в далекие страны, в увлекательные путешествия в Индонезию, во Францию, в Болгарию, в ОАР, в Италию, в Турцию. Книга интересна и тем, что она не только рассматривается, но и читается (каждому путешествию предпослан текст); все виденное и прочитанное зовет к размышлению.

Книга отлично издана и оформлена киевским издательством «Мистецтво».

Н. НИКОЛАЕВ

Тоушан

Это пустынный заяц, потуркменски тоушан. Так и назвали этого зайчишку. У Тоушана интересная судьба: он величайший путешественник среди своих собратьев.

Первая моя встреча с ним состоялась на его родине, в Каракумах. Сотрудник Репетекской песчано-пустынной станции подарил совсем маленького зайчика зоологу, ассистентке Берлинского университета Ренате Ангерманн. У нее зайчонок жил и рос, пока вместе с хозяйкой не улетел из Туркмении в Москву.

Рената Ангерманн должна была совершить еще ряд поездок по Советскому Союзу. Но так как путешествовать с зайцем не совсем удобно, пришлось Тоушана переселить из общежития МГУ на Ленинских горах в Черемушки к С. Келейниковой, с которой Ангерманн работала в Каракумах.

У С. Келейниковой и произошла моя вторая встреча с Тоушаном, где он благосклонно разрешил сфотографировать себя вместе с поролоновой обезьянкой.

Сейчас Тоушан живет в ГДР. Туда его увезла Ангерманн.

Н. НЕМНОНОВ

▲ **ПОПРОБУЙ УГАДАТЬ...**

Отличить одного близнеца от другого — задача не всегда простая. Но она значительно осложняется, когда речь идет о потомстве обезьян. Даже жене смотрителя зоологического сада в Колорадо (США), ухаживающей за двумя близнецами орангутангов, это удается нелегко.

СОБАКА НА ЗАРПЛАТЕ

Подземные городские трубы в Сиднее чистятся довольно примитивным способом. В узких засоренных местах рабочий ползет на животе, таща за собой веревку со специальной щеткой. Старший группы рабочих Л. Сандерс внес рациональное предложение, которое с успехом применяется в его бригаде.

В один из дней он вышел на работу со своим четвероногим другом — собакой Джези. Сообразительный пес сразу понял, чего от него хочет хозяин. С тех пор он чистит трубы, таская за собой веревку со щеткой. Делает он это гораздо быстрее, чем люди. Дирекция водоотводной сети и канализации в Сиднее стала начислять Джези зарплату. В ведомости расписывается ее хозяин.

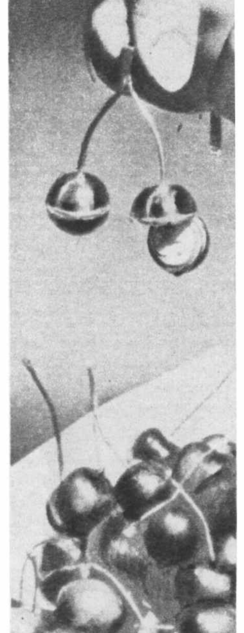
ЭКЗОТИКА ФИЛИППИН ▲

Перед вами оригинальный ансамбль филиппинских танцовщиц, выступающий в США.

ДВЕНАДЦАТЬ ДОЧЕРЕЙ

Рекорд одной американской семьи, в которой 11 дочерей, побит другой американской парой — супругами Чэлифор из Андовера. У них 12 дочерей! На снимке вы видите всю семью Чэлифор в сборе. Самой старшей дочери 16 лет, младшей 1 год.

◄ **ЧАСЫ В ЧЕРЕШНЕ**

Одним из редчайших экспонатов музея часов в Вуппертале (ФРГ) считаются часы в черешне, сделанные в 1780 году. Маленькие часики заключены в металлическую оболочку, напоминающую размером и формой ягоду черешни.

УКРОТИТЕЛЬНИЦА ЗМЕЙ ►

Швейцарка Кисмет Тросклер родилась на Аравийском полуострове. С детства она увлекалась охотой на змей. Сейчас Кисмет Тросклер выступает перед зрителями как укротительница змей.

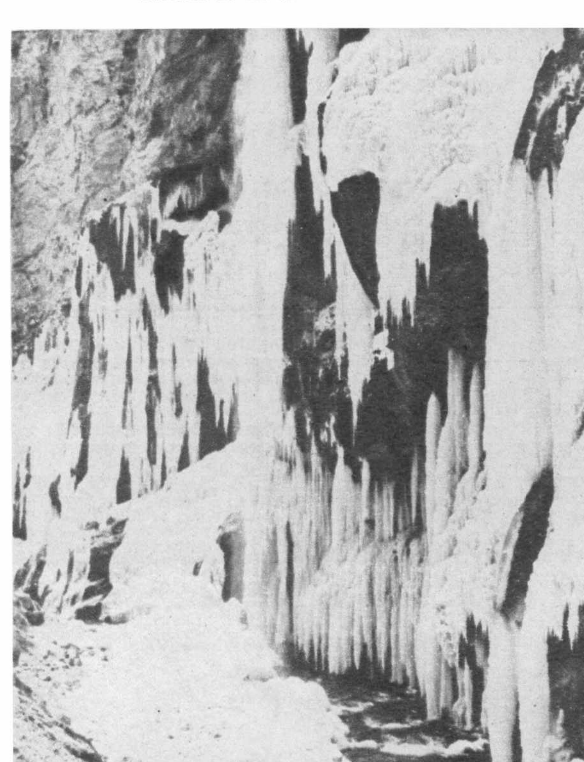

ЗАСТЫВШИЙ ВОДОПАД ►

Чегемское ущелье, что расположено в Кабардино - Балкарской АССР,— одно из красивейших мест республики. Сюда с 30-метровой высоты низвергается водопад, разбиваясь на мириады брызг. Зимой в ущелье вода замерзает, образуя многочисленные ледяные фигуры причудливых форм.

На снимке: Чегемский водопад зимой.

Фото Е. Шулепова.

Михаил ГОРБУНОВ

Памятная мета

ГОД РОЖДЕНИЯ 1924-й...

В. Астафьеву

Во мгле Россия.
Голый ветер в чащах.
Хлеб с солью слез народных пополам.
И плач гудков,
по Ленину скорбящих...
В тот самый год родиться было нам.

Ах, юность вспыхнула травою росной...
Железо
разорвало
тишину.
Наш год, видать,
недаром високосный:
так ни один не выкошен в войну.

Гудит война, как ноги у пехоты.
На проволоку брошена шинель,
как наше поколение,
чтоб кто-то
прошел вперед,
ударил прямо в цель.

Судьба...
Она уже необратима.
Но, прошагав сквозь полымя и дым,
мы и глазами павших побратимов
на нынешнюю молодость глядим.

Остерегись, начавши бриться еле,
презрительно поглядывать назад,—
у нас тогда
осколки ноют в теле,
у нас глаза не смотрят, а разят.

Нам нелегко жилось на белом свете,
но вновь и вновь готовы мы в поход,
чтоб на поверке Времени ответить:
— Двадцатый век.
Двадцать четвертый год.

* * *

Встань,
войны торжественная мета,
время,
перед Временем замри!
Двое
у разбитого лафета
под тяжелым знаменем зари.

Мальчик...
Щеки даже и не бриты.
Получал ли письма от девчат?
И глаза мечтательно прикрыты —
будто
скрипки около звучат.

И второй —
широкий, седоглавый —
рядом привалился к колесу.
Слышно лишь — позванивают «Славы»
от разрывов дальних на весу.

Смерть слепа,
и что б пройти ей мимо!..
Но и вражьи танки не прошли,
и четыре
длинных черных дыма,
как удавы, ползают вдали.

Только так идут врагу навстречу.
На войне заучено одно:
только плечи,
впаянные в плечи,
только так — иного не дано.

И такая жжет меня обида,
если кто-то, черт его возьми,
ищет нынче
оком ядовитым
грань
между отцами и детьми.

СЕВЕРНЫЙ ЭТЮД

Ах, двинский плес
в закатных бликах,
и бревна темные в венце,
и даже что-то есть от лика
в твоем неписаном лице,

от той, что здесь когда-то пела
о милом суженом своем,
и белым пеплом,
пеплом белым
заря сгорала за окном.

Ах, прелесть красок нероскошных
в суровой русской стороне!
Гляди-ка,
месяц иль кокошник
плывет по Северной Двине?

И все полно большого смысла —
и темный лес, как филин, спит,
и ты,
и это коромысло,
что в такт шагам твоим скрипит.

Ах, солнце сыплется сквозь сито,
вода бела и широка,
и продолжается Россия
сегодня,
завтра,
на века.

* * *

Зажелтело все, зашелестело...
Ощущаю явственней уже
легкость подобравшегося тела,
холодок тревоги на душе.

Не могу...
Рюкзак в дорогу сложен.
Утро прислонилось ко двору.
О, я должен,
понимаешь,— должен
красный лист увидеть на ветру!

Вот упал он, ливнями отпетый.
Пескари стрельнули на мели.
И летят
по струнке, как торпеды,
низко над водою крохали.

Пролетели.
Посвист крыльев замер.
Не видать уж. Ветер дует. Мгла.
Только пляшет снег перед глазами —
не снежинка ль
щеку обожгла?

Знаешь,
провожая птичьи стаи,
замерев у кручи на краю,
что-то сердцем я переступаю,
что-то вроде
бруствера в бою.

КАРТИНЫ УРАЛЬЦА ИГОШЕВА

На недавней выставке Владимира Александровича Игошева в Союзе художников РСФСР в Москве были показаны его работы за последние десять лет.

Это тематические картины, преимущественно из жизни нашего Севера, многочисленные портреты, пейзажи. И много этюдов, выполненных во время путешествий по Советскому Союзу и за рубежом.

Выставка молодого свердловского художника производит отрадное впечатление.

Особенно ясно выступают в этюдах с натуры лучшие качества уральца. Заметен острый глаз, ясная форма, чуткость к цвету. К тому же видно и большое трудолюбие, настойчивость.

В небольших пейзажных и портретных этюдах художнику удается в рамках сдержанной красочной гаммы достичь большой цельности.

Картина «Югославский крестьянин» (1962 год) крепко построена, благородна по колориту. В портретах скульпторов Т. Э. Залкална и его жены М. М. Залкалн много характера.

Игошев требователен к себе.

Нужно надеяться, что мы увидим еще много новых интересных его работ.

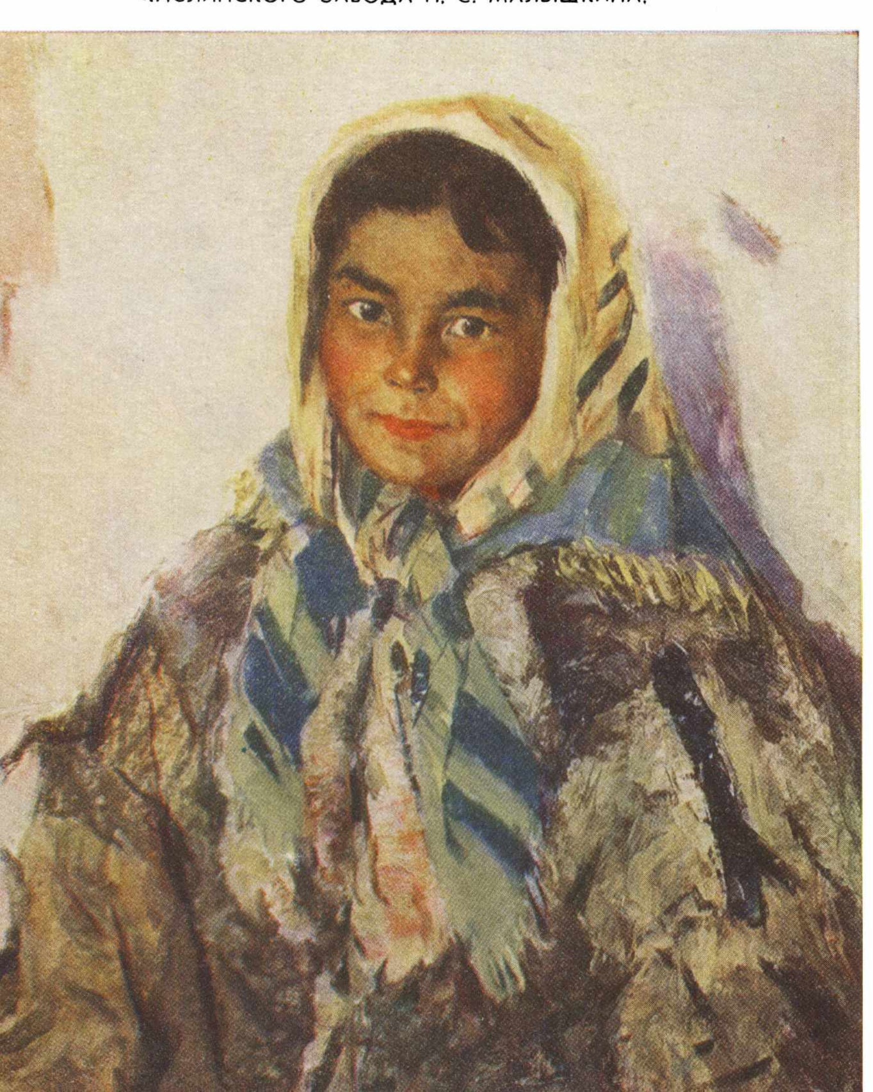
М. АЛПАТОВ

В. Игошев. ПОРТРЕТ САИДА НУРИЛЛО САИДАЛИДОДОВА.

Художественный фонд СССР,

В. Игошев. ПОРТРЕТ СТАРЕЙШЕГО МАСТЕРА-ЧЕКАНЩИКА КАСЛИНСКОГО ЗАВОДА П. С. МАЛЫШКИНА.

СЕВЕРЯНОЧКА.

Государственный Русский музей.

Если без равнодушия

Лия ОСИПОВА

В музыкальную школу привезли пианино.
Фото А. Гостева.

Однажды гости зарубежной делегации были в колхозе имени Кирова, в станице Платнировской, под Краснодаром. Узнали, что в обеденный перерыв придет к дояркам художник читать лекцию о Рафаэле, заинтересовались. Им ответили: это для нас не диковина — каждую неделю слушаем и про абстракционизм и про эстетику... Да что там лекции, есть свой художественный музей у колхоза! Присылают сюда картины и из Краснодара и из Москвы.

Этот услышанный мельком, но хорошо запомнившийся разговор и привел меня, правда, уже некоторое время спустя, в казачью станицу Платнировскую. Музей жил уже пятый год! Думалось: ведь это, наверное, своеобразный факультет искусства?..

...Двери музея, разместившегося в основательном каменном доме, как раз напротив сельсовета, были на запоре. Сторожиха и уборщица тетя Гринь долго не могла понять, зачем это понадобился приезжему человеку Жорка — так она называла заведующего.

— Та вин у баню, мабуть, собрався!..

Тетя Гринь советовала поискать Жорку вечером на танцах.

И сразу вспомнилось, что еще в Краснодаре, в картинной галерее, с замешательством встретили мой вопрос о Платнировке — о том, как живет их сельский филиал. Сотрудница галереи рассказывала о филиале нехотя, будто через силу, и все удивлялась: почему это «Огонек» вдруг заинтересовался маленьким сельским музеем?

Василий Андреевич Козлов, секретарь парткома колхоза, сказал:

— Музей у нас фактически не работает. Директор неинициативный. Загружаем его другой работой — плакаты пишет. Но агитировать за культуру нас не нужно. И выводов скороспелых делать не советую. Поживите с нами, похлебайте наших щей, а потом и разговор продолжим.

Что ж, совет был разумный. И чем дольше я жила в Платнировской, тем больше убеждалась в этом.

Вот поднимается на главной улице из лесов здание нового, великолепно спланированного Дворца культуры—такое не в каждом городе сыщешь! И помещения для занятий кружков предусмотрены, и репетиционные залы. А ведь в Платнировке и без того несколько клубов и кинотеатров; значит, никого не устраивают уже в селе прежние масштабы!

Или вот придумали еще платнировцы удивительную вещь. На некоторых домах в станице можно увидеть табличку: «Дом высокой культуры». Сразу же заинтересовала меня эта табличка до чрезвычайности. Захотелось постучать в дверь и просто так, без приглашения, напроситься в гости. Повезло удивительно. Дверь открыла Зинаида Приймак: она только что домой вернулась. А почему повезло — уж очень интересным человеком оказалась.

Смутилась Зинаида Викторовна, узнав о цели визита:

— От, повесили ярлык! Дюже стыдно... Сколько на земле хороших людей, а не станут же они значки на себя вешать: я, мол, и правда хороший!

В доме у Приймаков не заметно никаких следов нарочито выставленной культуры: ни репродукций Шишкина на стенах, ни аккуратно подшитых комплектов газет, ни чванливо выдвинутого вперед телевизора или радиолы. Да и вообще не в натуре хозяйки что-нибудь выставлять: не хвалится она своими успехами в работе, хотя недаром же избрали ее депутатом краевого Совета! Не хвалится и сынами, которых одна, без мужа подняла, когда муж погиб на фронте. Просто беседует женщина о жизни,— чуть лукаво, с юморком украинским и с подкупающей душевной искренностью.

Потом уже в сельском Совете объяснили мне про «дома высокой культуры»: их в станице — из нескольких тысяч домов — пока всего восемнадцать. Здесь живут семьи колхозников, считающиеся не только в работе отличными: у них и приусадебный участок в чистоте содержится и весь дом. А главное, отношения в семье здоровые, ладные. В деревне ведь все на виду, трудно что утаить — жизнь как на ладони. Вот и про Зинаиду Приймак никто не может сказать ничего плохого. И в звене у нее авторитет, и дома ей голос повышать не приходится. Рассуждение у платнировского сельсовета простое: за хороший труд ордена дают, грамоты и медали, а теперь пришла пора, когда и за культуру в семье и быту награждать людей нужно.

Что ж, это, наверное, спорно, но любопытно. Значит, стоит об этом задуматься...

Уже около недели жила я в станице. По-иному теперь многое виделось и понималось. Но сказать, что впечатления обрели какую-то цельность, ясность,— нет, этого еще не было! Непонятной оставалась и проблема музея. Георгий Каширин — заведующий, с которым наконец-таки удалось познакомиться, показал выставку сатирического плаката; показал карикатуры, развешанные в музее. Жора признался, что уже никто не приходит смотреть выставку, потому что висит она уже полгода. И хотя в запаснике есть неплохие картины краснодарских художников, но они тоже всем знакомы. Оправдывался: не присылают новых выставок... А лекции на фермах он, конечно, будет читать, только сейчас вот некогда: плакатами занят. Скучным тоном Жора говорил.

А через несколько дней в станицу приехала Валя Кошельникова. По командировке от краснодарского отделения Союза художников. Та самая Валя, которая пять лет назад организовала музей, поставила его на ноги, хорошей славой оделила по всей округе...

Мы сидим в жарко натопленной маленькой комнате музея. Жора Каширин — слишком спокойный для своей молодости человек — вычерчивает буквы на плакате и между делом отвечает на вопросы Вали. А она все время прикладывает ладони к горящим щекам и спрашивает, спрашивает: про станичников, которые были ей, как родственники, про ребят, с которыми занималась в изостудии. И, услышав благодушные ответы: «Да Коля рисование бросил, а Сережка, что около школы жил, тоже на занятия не приходит»,— как-то сжимается вся и еще крепче прижимает ладони к щекам. Казалось бы, что ей-то до этого—она же здесь три года уже не работает, просто приехала Жорке помочь, он какой-то совсем беспомощный, даром что старше ее. План вместе составят, обговорят новую выставку. А до остального что ей!.. Но только такое чувство у Вали, будто это она сама кругом виновата. И еще другое какое-то, сожаление, что ли? Ведь так хорошо она жила в Платнировке, хотя и сложно, нелегко жила... Возвращалась ночью после лекции, ноги по щиколотку в осенней хляби увязали. Другая бы — плакать, а Валя смеялась, да так громко, звонко — собак будила, и они, не разобравшись, поднимали лай на всю станицу... Было ощущение полноты жизни, было что-то большое и настоящее. Может быть, это всегда бывает, когда еще только начинаешь жить самостоятельно.

Да, именно в Платнировке она и родилась — и себя открыла и весь мир вокруг! Теперь Валя учится заочно в Ленинградской академии художеств, работает в Краснодаре, заведует художественным салоном, а все-таки душа-то ее здесь... Валя крепко, до боли сжимает руки.

— А почему, Жора, до сих пор твоя изостудия не начала работать? Неужели нет желающих учиться рисовать?..

Жора поднимает от плаката свои добрые глаза и думает. Голос Вали звучит не по приятель-

ски, на каких-то строгих нотках. И Жора отвечает, стараясь вспомнить, как он писал в отчете:

— Понимаешь, затянулся организационный момент...

Тогда мы с Валей встаем. Да разве можно дальше терпеть Жорино благодушие!.. Плакат в сторону — допишешь ночью! Раз гора не идет к Магомету, Магомет должен сам отправляться в путь. Давай, Жора, надевай шляпу, пойдем по хатам, поговорим с ребятами.

На улице темень — глаз выколи. Через каждые десять шагов нас подстерегает фонарный столб, но мы, все трое, настроены довольно весело. Ничего, лед должен тронуться! Жора разошелся и рассказывает что-то забавное. В общем-то, он ведь неплохой парень, в художественном училище его хвалили — рисует хорошо. Он и правда неплохой, только вот неинициативный...

Как-никак, а на следующий день список ребят, которые хотят заниматься в изостудии, составлен.

А еще через несколько дней мы совершенно неожиданно познакомились с Николаем Бобошко — директором музыкальной школы из районного центра Кореновки. В последние дни в Платнировской только и говорили, что об открытии филиала этой школы.

За инструментами для школы поехали Валя, Николай Бобошко, Петя Судаков, музыкант, будущий преподаватель класса скрипки... Николай и Петя едут в качестве грузчиков, а мы с Валей как зрители и вдохновители... Вот и здание будущей музыкальной школы. Бобошко ходил из комнаты в комнату, мысленно прорубал новые окна, обставлял все удобной мебелью...

Очень уж быстро все получилось у него со школой. А чья была тут инициатива? Подумав, Николай отвечает:

— Встречная! Не может жить Платнировская без музыкальной школы: сами видели — дети хотят учиться и музыке и рисованию. А у нас в Кореновке дело налажено прочно уже четвертый год...

По всему было видно, что Бобошко — человек дела. Человек, которому неведомо равнодушие,— такой же, как Валя...

Уехала я из Платнировской с ощущением, что большое, хорошее начинание опять ожило, сдвинулось с места. Ожило потому, что нашлись люди — молодые, горячие, заинтересованные в нем, как в своем кровном. Их горячность— основное, что может разомкнуть замкнутый круг равнодушия. И ведь только разворошн — тут же окажется, что никто не виноват, никто препятствий никому не чинил, наоборот, все готовы помочь — только давайте работайте!

Некоторое время назад мы позвонили в Платнировку. На этот раз Жора Каширин нашелся сразу — будто нарочно в музее дежурил! Порадовал новостями: в изостудии теперь сразу две группы занимаются, восемь человек на второй курс перешли, да еще поступило двенадцать новичков. Аккуратно собираются — три раза в неделю. В музыкальной школе тоже все ладно идет: три класса работают — скрипка, баян и фортепьяно...

Ну, что ж, в добрый час! Только бы не давать теперь снова нарасти ледку равнодушия!

Три чуда

Константин ЯКИМОВИЧ

Фото автора.

Много в этой стране своеобразного и неожиданного.

Неширокая асфальтированная дорога ведет в джунгли. Высокие деревья, соединив свои пышные кроны, охраняют землю от горячего дыхания солнца. Лишь изредка его лучи пробиваются сквозь шелестящую зеленую пену листвы, и тогда вспыхивают вокруг яркие разноцветные искры, ты чувствуешь себя словно в сказке и ждешь чуда.

И вот оно перед тобой, это чудо. Пятибашенный храм Ангкор-Ват. Барельефы, вырезанные на каждом камне грандиозного сооружения, многочисленные скульптуры рассказывают удивительную историю древнего народа. Если бы вдруг исчезли все другие источники, повествующие о прошлом страны, то достаточно одного Ангкор-Вата, чтобы детально воссоздать события, жизнь, быт и духовный мир предков современных камбоджийцев.

Каменная летопись—выдающийся подвиг народного таланта. Почти девять веков стоит необыкновенный храм в джунглях, и лишь сравнительно недавно о нем стало известно в мире.

Только в сказках мы слышали о реках, которые по мановению волшебной палочки текут вспять. А в Камбодже это событие происходит наяву.

Ежегодно, примерно в середине ноября, один из четырех рукавов могучей реки Меконга, Тонле-Сап, меняет свое направление. «Праздник возвращения Вод» — шумное, красочное и торжественное зрелище. Почти все жители Пном-Пеня, столицы Камбоджи, собираются тогда на набережной. Появляется празднично украшенный плавучий дворец-корабль. На борту корабля — государственные деятели Камбоджи. В определенный момент следует символический жест главы королевской семьи, и Тонле-Сап, словно повинуясь ему, останавливает свое движение.

Проходит минута, другая... и река устремляет свои воды в обратную сторону.

Объяснить этот феномен очень просто. Полгода Меконг усиленно питается тающими снегами с гор. В этот период уровень его высок, он разливается, затопляет большие пространства. И здесь от многих бед жителей Камбоджи выручает Тонле-Сап. Широкий рукав принимает в себя значительную часть разбушевавшихся вод и направляет их в Великое озеро, которое служит в это время своеобразным водохранилищем. Когда же в горах Тибета прекращается таяние снега и река входит в свои берега, то уровень воды в Великом озере становится выше, чем в Меконге, и Тонле-Сап переливает воды обратно в Меконг. Это и происходит в ноябре. Обмелевшее Великое озеро отдает земледельцам почти на полгода плодородные поля, щедро дарящие людям богатые урожаи.

Вода в жизни кхмеров играет очень большую роль. Часто приносит она и бедствия, но все же желанна. Без нее, как и у нас в среднеазиатских республиках, здесь нет жизни.

Однажды по дороге из Пном-Пеня в новый портовый город, Сиануквиль, нас неожиданно застал ливень. Небо все время было ясным, голубым, и вдруг за какие-то минуты все вокруг затянуло серой мглой, хлынул дождь. Собственно, дождем это и назвать нельзя. Это была река, текущая вертикально, сплошной поток воды, от которого прогибалась тонкая крыша нашего «Москвича». Водяная лавина, обрушившаяся с неба, иссякла так же внезапно, как и появилась.

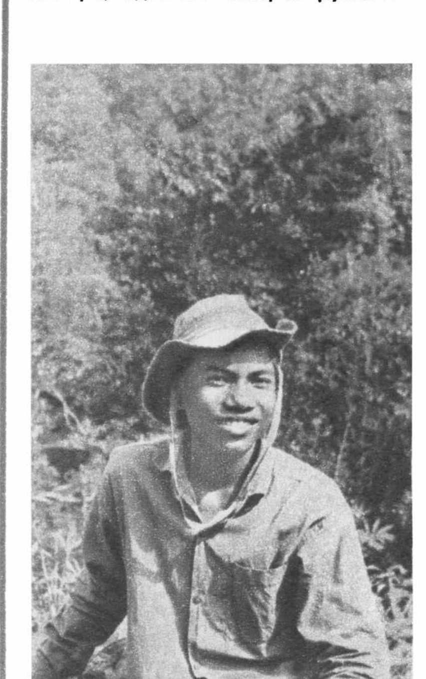
— В природе все разумно,— говорил мне позднее молодой камбоджийский врач Хон Па.— Потоки ливня, с силой атакующие землю, очищают ее от всего лишнего. Если бы не это, нам труднее было бы бороться со многими болезнями.

Хон Па двадцать один год. Он из бедной крестьянской семьи. После окончания сельской школы, а затем колледжа поступил на медицинский факультет. Государство платило ему стипендию (а сейчас стипендии имеют большинство камбоджийских студентов), предоставило ему жилье. Окончив институт, он по распределению государственной комиссии назначен на работу в госпиталь кхмеро-советской дружбы. Это крупнейшее в Азии медицинское учреждение, построенное несколько лет назад,— дар Советского Союза Камбодже. Сейчас в нем работает группа советских специалистов, и Хон Па — один из 30 «офицеров здоровья», как здесь называют молодых специалистов. Опыт советских коллег открыт молодому врачу.

— Я уверен, что со всеми болезнями мы справимся,— продолжал Хон Па.— Хуже них отравляют нам жизнь, мешают работе, лишают нас радости недруги. В борьбе с империалистами ливни не помогают. Не хватает силы у воды, чтобы смыть их навсегда...

Много горя и страданий претерпел камбоджийский народ. В середине прошлого века страну захватили французы. Некоторые провинции были насильно «присоединены» к Таиланду. В годы второй мировой войны здесь хозяйничали японские милитаристы.

В героической борьбе кхмеры изгнали японских оккупантов, но снова в стране появились французы. Когда же свободолюбивый народ добился независимости, место французских колонизаторов попытались занять американские империалисты. Но кхмеры не дали себя обмануть, отвергли «услуги» новых колонизаторов, платой за которые должны были стать свобода и независимость. И с тех пор эта маленькая страна подвергается постоянным напад-

◀ **На горной реке Камчай советские специалисты завершают изыскательские работы. В ближайшее время здесь будет начато сооружение гидроэлектростанции. На снимке — молодой строитель электростанции.**

кам и провокациям. Как и сто лет назад, захватчики используют соседние страны для осуществления своих грязных замыслов. Южный Вьетнам стал постоянной базой, откуда агрессоры совершают провокации против Камбоджи, ведут подрывную работу.

Независимая, бескомпромиссная политика Камбоджи, непреклонность кхмерского народа, его горячее стремление к свободе снискали любовь и уважение всех прогрессивных сил мира. У Камбоджи много друзей. Среди них и советский народ.

Три года назад на окраине Пном-Пеня состоялась закладка корпусов Высшего технического института, а сейчас он уже вступил в строй. Сооружался он по советскому проекту и при технической помощи советских специалистов. Как и госпиталь, он назван именем кхмеро-советской дружбы. В нем пять факультетов: архитектурно-строительный, электротехнический, технологии производства хлопчатобумажных тканей, горный и гидромелиоративный. Тысяча студентов уже овладевает профессиями, которые так нужны стране, вступившей на путь независимого развития.

При помощи Советского Союза началось строительство гидроэлектростанции на горной реке Камчай. Бескорыстную помощь Камбодже оказывают и другие социалистические страны.

В сентябре прошлого года глава государства Камбоджи принц Нородом Сианук, выступая на открытии Высшего технического института кхмеро-советской дружбы, говорил:

— Мы рассматриваем СССР как одного из наших наиболее великих и наиболее верных друзей. Я добавил бы — одного из наших редких истинных друзей в этом мире, столь безжалостном к маленьким нациям. Советское правительство и советский народ всегда проявляли к нам истинное понимание и оказывали неизменную поддержку. При трудных обстоятельствах, которые навязывают нам империалисты, эта неослабевающая поддержка великой советской нации приобретает исключительное значение...

На строительстве шоссейной дороги я встретился с бульдозеристом Пра То.

У спинки его сиденья стоял карабин. Рабочий был и воином. Воином был и его отец, крестьянин. С оружием в руках жители села, которое находится неподалеку от этого участка строительства дороги, выходят на обработку риса. Южновьетнамские наемники проникают на территорию Камбоджи, и правительство вооружило народ.

* * *

Однажды на берегу Сиамского залива мы проезжали мимо маленькой деревушки и видели здесь оживление, слышали звонкие голоса детворы. В домах-лавках горели керосиновые фонарики, шла торговля. На обратном пути перед нами была другая, мрачная картина. Разрушенные дома, на месте некоторых — черные, еще дымящиеся развалины; согбенные горем люди.

Это натворил вооруженный отряд, высадившийся под покровом ночи с южновьетнамских островов на камбоджийское побережье. Как только была поднята тревога и сюда прибыли кхмерские войска, бандиты бежали; самоходную баржу с наемными грабителями прикрывал американский самолет.

В Пном-Пене я познакомился с солдатом по имени Кин Ча. На вид ему не больше семнадцати, хотя он уверял, что ему почти двадцать. Он высок, строен и молодцеват. Воротничок куртки с широкими отворотами и смуглая грудь Кин Ча прикрыты пышным голубым бантом. Это парадная форма, надел ее Кин Ча, видимо, впервые.

— Как попал в столицу? — переспросил он меня и, словно о чем-то незначительном, сказал:— Меня пригласил глава нашего государства, принц Нородом Сианук.

Почему же Кин Ча выпала такая честь?

Во время налета вражеских самолетов на одну из деревень кхмерские воины подбили воздушного стервятника. Организаторы провокаций предприняли набег на этот район, пытаясь замести следы провокации.

Более суток, выполняя приказ командования, Кин Ча и его товарищи шли в джунглях. По пояс в болотной жиже, днем и ночью шли они, стремясь во что бы то ни стало отрезать бандитам пути к отступлению. Превозмогая усталость, они выбрались наконец на сушу, но отдохнуть не пришлось ни минуты. Разведчики сообщили, что враги уже готовятся вывезти остатки сбитого американского самолета, надо спешить, не дать уйти бандитам. И снова большой и утомительный марш.

Монумент Независимости в память героев, отдавших жизнь за свободу родины; здесь горит вечный огонь.

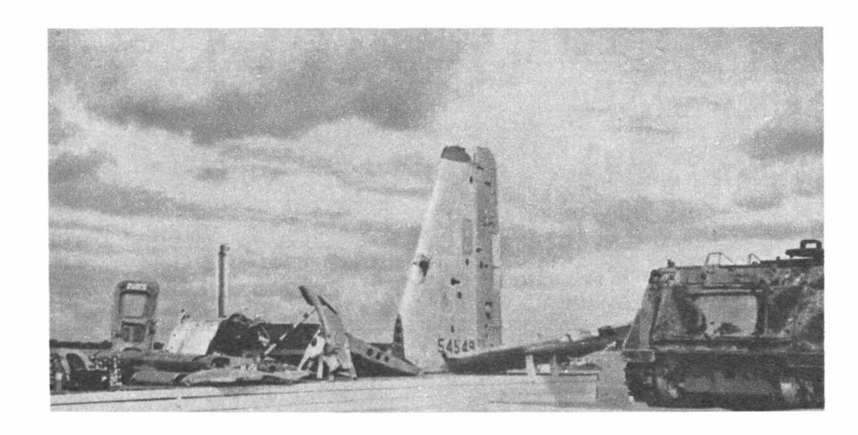
Последний километр Кин Ча полз. По мокрой земле он полз очень долго. Это были поля небольшой лесной деревушки. Стерня была высокой и больно, до крови колола руки, грудь. «И такое поле заброшено!» — с сожалением подумал Кин Ча.

Поле наконец кончилось. Кин Ча собрал все силы, вскочил, смахнул теперь уже ненужную маскировку, побежал вперед. Слева, там, где темнели джунгли, началась беспорядочная стрельба. Враги не ожидали атаки, позорно бежали. Они успели выкрасть только часть разбитого самолета.

Этот самолет, а также американское вооружение, захваченное кхмерами в боях, были выставлены для всеобщего обозрения в столице Камбоджи, на набережной Меконга. Здесь я и познакомился с Кин Ча. Молодой воин и группа его товарищей были приглашены в Пном-Пень на парад по случаю Дня независимости.

И теперь, когда я читаю в газетах короткие сообщения о том, как на далеком Индокитайском полуострове маленький кхмерский народ дает отпор провокаторам, я всегда вспоминаю молодого воина, жизнерадостного Кин Ча.

...Богатейшая тысячелетняя культура, неповторимая щедрая природа — это два чуда Камбоджи. А третье, которое поразило меня больше всего,— это ее непреклонный, гордый, жизнерадостный народ.

Остатки самолета, сбитого кхмерскими воинами.

Многим людям возвращено здоровье в госпитале кхмеро-советской дружбы, который был построен Советским Союзом пять лет назад в дар кхмерскому народу.

Чемпионы Европы по танцам на льду Ева и Павел Романовы.

Победительница в одиночном катании Регина Хейтцер.

Спор граций

В. ВИКТОРОВ   Фото А. БОЧИНИНА.

Музыка, грация, симфония движений и цифры, простые цифры, да еще не целые, а с дробями. Ну как к этому можно привыкнуть? И когда пятнадцатилетняя чехословацкая школьница Ханна Машкова потрясает Дворец спорта безукоризненной музыкальностью своих движений, когда фигуристка из ГДР Габриэль Зейферт приводит зал в неистовый восторг задорным каскадом вращений и прыжков, затмевая выступления лидеров чемпионата австрийской спортсменки Регины Хейтцер и англичанки Салли Степлфорд, всем кажется, что такой успех должен найти свое материальное выражение в призовых медалях. Да и цифры, те самые цифры, которые кажутся здесь такими неуместными, как будто бы подтверждают надежды восхищенных болельщиков: судьи, сменившие на льду грациозных фигуристок, очень высоко оценивают их выступления, выше, чем выступления лидеров. И все же спортсменки, покорившие трибуны Дворца спорта, остаются за призовой чертой: никто уж не может поколебать позиций Хейтцер и Степлфорд. Эти позиции завоеваны в те часы, когда трибуны были почти пусты, когда не звучала музыка и лучи прожекторов не дробились о матовую поверхность льда. В тишине скользили по льду участники европейского чемпионата, вычерчивая ребрами своих коньков симметричные круги то на правой, то на левой ноге. Тут царствуют не эмоции, а геометрия, здесь уж цифры — полновластные хозяева. Только те фигуристы, которые в эти утренние часы, насыщенные тишиной и сосредоточенностью математических конкурсов, сумеют заложить самый прочный фундамент, получат шансы на окончательную победу.

Три лучших фигуриста Европы: Эммерих Данцер (в центре), Алэн Кальма (справа), и Петер Ионас.

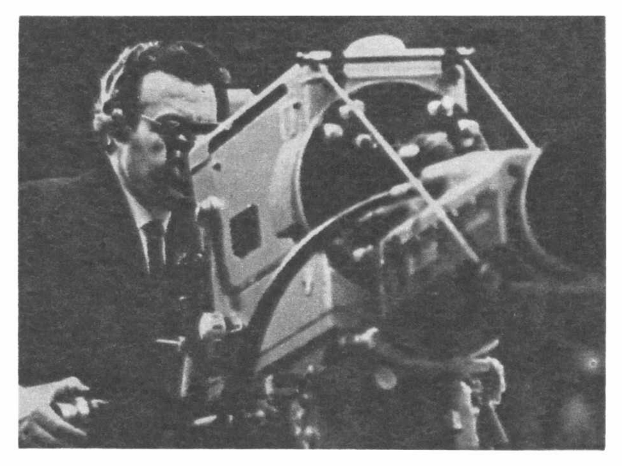
Ханна Машкова.

Габриэль Зейферт.

Вот они, неумолимые цифры!

Телевидение работало на всю Европу.

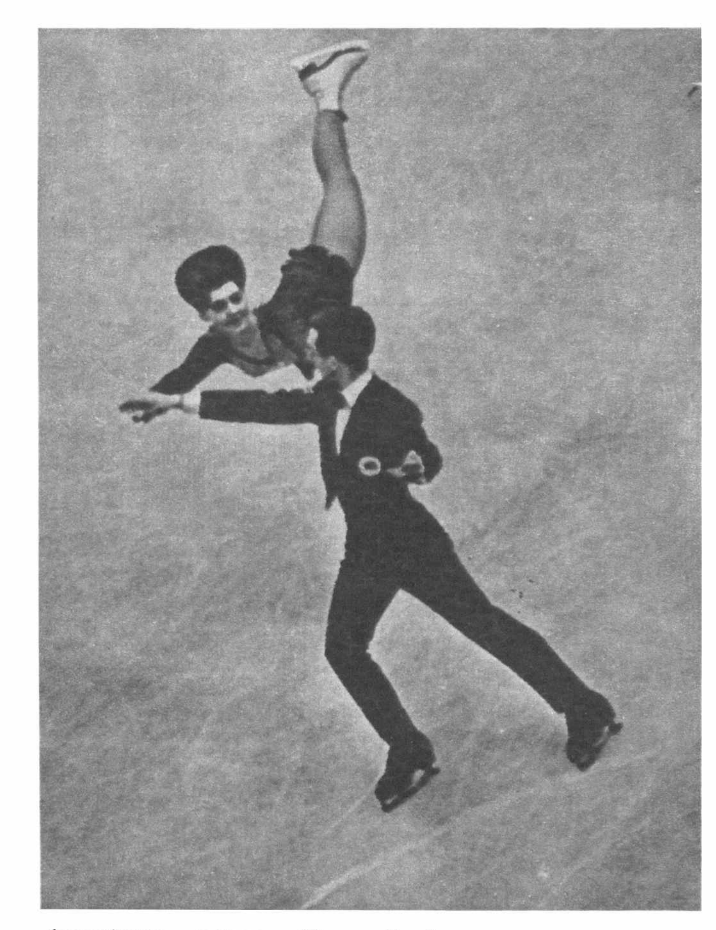

Серебряные призеры в парном катании Герда и Руди Йонер.

И этот фундамент, заложенный в школьном катании, принес золотую медаль двадцатилетнему австрийскому фигуристу Эммериху Данцеру. Трехкратный чемпион Европы француз Алэн Кальма, допустивший несколько ошибок в своих рисунках на льду, так и не смог восполнить потери в баллах, выступая в произвольном катании. Выступление Кальма было исключительно эффектным, блистательным по композиции и выполнению, он получил столь высокие оценки, что наши телекомментаторы (а среди них был мастер спорта по фигурному катанию), попытавшись произвести предварительный подсчет, объявили победу француза. Но подсчет в фигурном катании настолько сложен, а баллы, завоеванные в обязательном катании, так ценны, что очень скоро комментаторы вынуждены были признать свою ошибку. И как же горько плакал Алэн Кальма в раздевалке, когда узнал, что победа ускользнула из его рук!

Этот спор двух начал — арифметического и артистического,— который нам пришлось наблюдать в одиночных катаниях, был смягчен высочайшим мастерством в катании парном и в танцах на льду. Безукоризненное, поистине гармоническое искусство законодателей самой молодой ветви фигурного катания, английских танцоров, не могло остановить победного шествия к золотым медалям чехословацких спортсменов Евы Романовой и Павла Романа. И, наконец, большим утешением наших болельщиков, в какой уже раз убедившихся в том, что искусство наших фигуристов в одиночном катании находится все на том же низком уровне, была поистине блистательная победа в парном катании Людмилы Белоусовой и Олега Протопопова. Их мастерство и в обязательном и в произвольном катании было столь высоко, что цифры сразу же зарегистрировали их перевес. Правда, после школьного катания швейцарская пара Герда и Руди Йонер проигрывали им всего лишь 1,1 балла, но после выполнения произвольной программы этот разрыв достиг 8,1 балла.

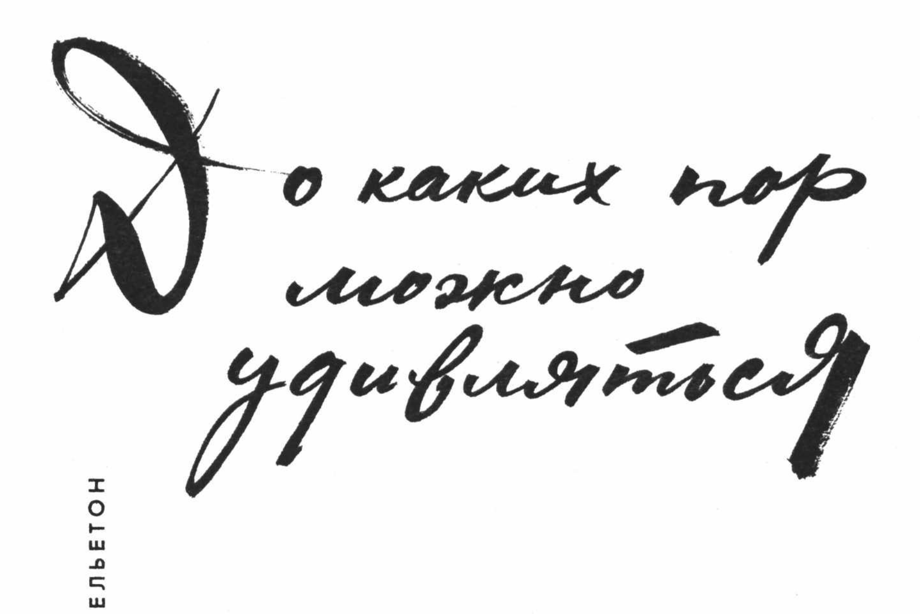
Как видите, и в нашем отчете мы не смогли устоять перед натиском цифр. Но разве можно с их помощью передать всю красоту того зрелища, что зовется довольно сухо и невыразительно фигурным катанием!

Английские танцоры Жанет Соубридж и Дэвид Хикинботтом заняли второе место.

К своим золотым олимпийским медалям Людмила Белоусова и Олег Протопопов присоединили золотые медали европейских чемпионов.

ФЕЛЬЕТОН

Варвара КАРБОВСКАЯ

Одно маленькое воспоминание хранится у меня в глубине души, где-то в отделе сентиментальностей. Я пришла в «Детский мир», чтобы купить лыжный костюм одному шестилетнему знакомому. Он мечтал о зеленом. А были синие, красные, коричневые. Зеленых не было. Можно бы спросить, когда будут, но я уже давно не задаю таких вопросов. Потому что на такой невинный вопрос если и бывает ответ, то он звучит холодно и туманно: «Неизвестно». Такая конспиративность была бы бесценной для контрабандистов. При честной государственной торговле, при заинтересованности в том, чтобы покупатель еще и еще раз пришел в магазин, такая манера не годится. Она производит неприятное впечатление. Ведь можно было бы сказать: «Заходите, пожалуйста, в конце месяца... В начале той недели». Или: «У нас постоянно пополняется ассортимент, приходите почаще!»

Ничего подобного не говорится. Все хранится в тайне, даже если товар уже получен и лежит в подсобном помещении за занавеской. Это повелось издавна, когда во многих товарах была нехватка, или, как говорят, чтобы звучало красивее, дефицит. Каждому, кто спрашивал, когда будет то или это, отвечали с холодной враждебностью: «Неизвестно». Своей холодностью продавцы старались показать, что они презирают ваше любопытство, которое вы проявляете не иначе как в спекулятивных целях. Они показывали, что для них не существуют ни просто знакомые, ни знакомые спекулянты (последние узнавали о товарах первыми).

Я еще раз заходила за лыжным костюмом, но зеленых опять не было. И вот однажды в метро мне улыбнулась незнакомая девушка и сказала:

— Сегодня приходите к нам часа в три.

— Вы меня с кем-то перепутали,— сказала я.

— Нет, это вы меня не узнали, потому что я в шапке,— сказала девушка.— Я из «Детского мира». У нас сегодня будут зеленые костюмы.

Ей было нетрудно, а мне приятно: такая милая вежливость!

Я особенно подчеркиваю слово *милая*, потому что вежливость бывает официальная, сухая, бюрократическая и даже стоящая на грани хамства, но дипломатично не переходящая эту грань,— вежливость себе на уме.

Говорят, что в одном магазине несколько часов провисело воззвание: «ОБЪЯВИМ БОРЬБУ С ГРУБОСТЬЮ ПОКУПАТЕЛЕЙ!» Потом его сняли. Может быть, борьба стала настолько беспощадной, что простая фраза «Дайте мне батон» истолковывалась как призыв к свержению директора магазина, поскольку «батон» в переводе с французского на русский означает «палка».

А хотелось бы, чтоб не было борьбы. Чтобы воцарилось взаимопонимание к обоюдному удовольствию. Вчера покупатель обратился к продавщице, а сегодня она пришла в поликлинику, скажем, к зубному врачу, и оказалось, что он ее вчерашний покупатель. Приятная встреча, взаимное обслуживание. Да так оно, собственно, во всем и получается на каждом шагу. Поэтому хочется взаимного доверия во всем. Если оно подорвано хоть раз, все горячие призывы к борьбе, к культуре и прочие хорошие порывы не принесут пользы.

Мне всегда казалось странным и даже немного смешным, когда покупательница, получив от продавца кулек с конфетами или 300 граммов ветчины в бумажке, отходит в сторонку, разворачивает покупку и внимательно ее осматривает. Я думала: неужели не насмотрелась, пока выбирала? Или проверяет: а вдруг обманули, как на толкучке... Я всегда брала покупку и сразу опускала ее в сумку. Думаю, что при этом у меня было благородное выражение лица: я вам доверяю, вы — мне, это красиво!

Как-то я получила домашний наказ — купить три пачки чая разных сортов. Меня заставили повторить, каких именно. Я повторила слово в слово, как солдат—отличник боевой подготовки. Когда я принесла чай домой, у меня была крупная неприятность: нельзя обманывать настоящего чаевника в его ожиданиях. На другой день чаевник пошел переменить пачки, потому что все было сплошное не то. Он вернулся подавленным. Перед ним не извинились, наоборот, его заподозрили во лжи.

— А может, вы совсем не у нас покупали? А может, вы уже открывали, почем я знаю!

Он сказал:

— Да, я этим зарабатываю на жизнь — скупаю пачки, высыпаю чай, набиваю опилками и сдаю обратно в магазин... Я, по правде говоря, ждал, что вы извинитесь.

— А может, вы еще чего ждали?— спросила продавщица и, почувствовав, что зарвалась, с отвращением выложила на прилавок требуемые пачки.

— Если бы она только сказала: «Извините, что так получилось!» — я был бы доволен, даже несмотря на то, что мне пришлось идти три квартала по морозу,— сказал чаевник, которому уже не хотелось упиваться заваркой из смеси трех сортов.

Выгораживать себя, обвиняя во вранье других,—это, к сожалению, довольно распространенный способ самообеливания. Вот два случая на железной дороге (да простят мне железнодорожники, которых я очень уважаю).

Мой друг, преподавательница в институте международных отношений, возвращалась в Москву из Ленинграда, где она проводила каникулы. Она заранее взяла два билета, себе и своей матери, женщине уже не слишком молодой и не очень здоровой. Пять дней они ходили и радовались, что у них билеты в кармане. В день отъезда они приехали на вокзал за час. Выпили кофе, купили чего-то вкусного, ленинградского, на дорогу. Не хотелось прежде времени забираться в вагон. Оставалось 20 минут до отхода. Они подошли к проводнику. Маме, женщине хорошо воспитанной, захотелось сказать ему что-нибудь вежливое.

— Как приятно, что мы едем с дневным поездом. Это самый удобный поезд.

— Удобный-то он удобный, только для грамотных,— странно сказал проводник.

Они все еще продолжали улыбаться, но у дочери, у преподавательницы, уже проскользнула по милому лицу тревога. Она поняла, что юмор проводника неспроста.

— С вашим билетом вам нужно было уезжать вчера,— пояснил проводник.

— Но вот здесь, на плацкарте, поставлено шестое.

— А на билете пятое. Читать умеете?

— Умею,— пролепетала преподавательница.— На четырех языках.

— А по-русски, видно, плохо,— отметил проводник.— Не знаю, откуда у вас плацкарта, откуда билет.— Но все-таки сжалился, поглядев на обеих женщин, и посоветовал:— Бегите скорее в кассу, может быть, еще успеете.

Преподавательница побежала в кассу, оставив свою бедную маму замирать у вагона от мрачных предчувствий.

Очередь у кассы расступилась. Даже она, бывалая очередь, поняла, что человек с таким расстроенным лицом не симулянт и не рвется обманом получить билет. Не поняла этого кассирша. Или не пожелала понять.

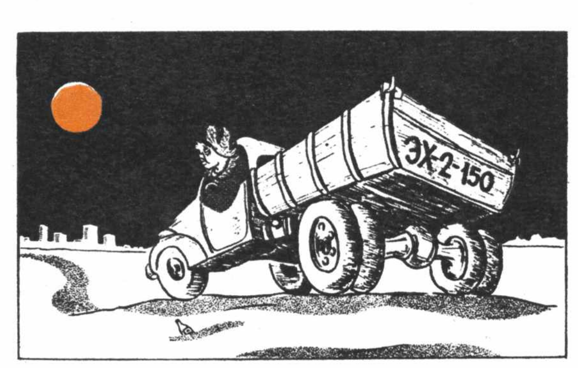
— Почем я знаю, может быть, вы этот билет купили у кого-нибудь с рук,— сказала она.

Ответить ей: «Я никогда ничего не покупаю из-под полы! Я никогда не вру»? Но она, пожалуй, скажет: «Поезжайте туда, где купили, на Невский...» Значит, надо сделать вид, что не обращаешь внимания на то, что тебя назвали вруньей... Наверно, что-нибудь в этом роде мелькнуло в бедной голове преподавательницы. Поэтому ее голос прозвучал не возмущенно, а трогательно: «Пожалуйста! Поезд вот-вот отойдет...»

Был вызван кто-то старший. Он не заподозрил пассажирку во лжи, зато поставил ей на вид ее недопустимое легкомыслие.

— Когда покупаете, надо смотреть, что берете.

Ей хотелось ответить: «Скажите лучше вашим работникам, чтобы они повнимательнее относились к

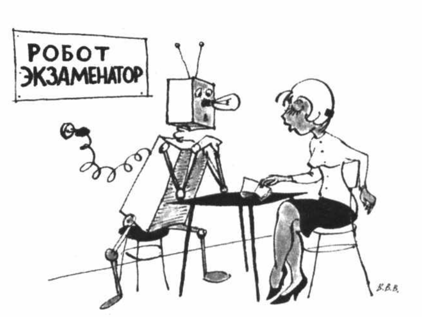
— Еще час подожду. Не зажгут зеленый — поеду на желтый...

Рисунок Н. Елинсона.

— Не знаешь, далеко до финиша?

Рисунок В. Тамаева.

— Профессор, или ставьте «отлично», или я вам сейчас устрою короткое замыкание.

Рисунок В. Воеводина.

работе!» А вдруг не переменит? Все в его руках. Потом ходи нервничай, доказывай, да еще маму куда-то устраивай, не сидеть же ей на вокзале до завтра... При мысли о маме преподавательница испугалась и сказала жалобно-овечьим голоском:

— Хорошо, я в другой раз непременно буду смотреть повнимательнее! А теперь — пожалуйста!

Она притворилась беспомощной, трогательной, даже кающейся в не совершенной ею оплошности. Она умела быть принципиальной и строгой у себя в институте. Но тут, на перроне, на горячих угольях сидела мама, и поезд отходил через пять минут. Билет был обменен. Маме стало плохо уже по дороге в Москву.

— И хоть бы кто-нибудь извинился!—негодовала моя приятельница, когда рассказывала мне эту плачевную историю.

А вот второй случай. Это уже в Москве, на Белорусском вокзале. Впрочем, все началось в пригородном поезде Москва—Усово. Молодой контролер проверял билеты. Подошел к пожилому пассажиру. Тот с готовностью вынул сезонный билет. Контролер посмотрел на пассажира испытующе и спросил, как у сумасшедшего:

— Какое сегодня число?

— Кажется, восемнадцатое,— предчувствуя недоброе, пробормотал пассажир.

— Вот то-то,— сказал контролер.— А у вас на билете восьмое. Значит, десять дней катаетесь на дармовщинку? Красиво. Платите три рубля штрафа.

Пенсионер был настолько подавлен неожиданностью, что даже не стал спорить и доказывать свою правоту. Только удивленно промямлил что-то о быстротечности времени: ведь он совсем недавно возобновлял билет...

Контролер ушел, получив три рубля и дав расписку. Спутники посочувствовали оштрафованному — вот он, склероз-то, что делает!— и захотели взглянуть на злополучный билет.

— А вы смотрите-ка! Перед восьмеркой стоит явная двойка, а вовсе не ноль. Только смазанная. Значит, билет взят по двадцать восьмое включительно. Когда приедете, идите выяснять, у вас трешницы на полу не валяются.

Пенсионер приехал на Белорусский, выяснил и получил обратно свои 3 рубля. Их отдала кассирша, нечетко поставившая штемпель. При этом присутствовал молодой контролер. Извинился? Черта с два. Сказал:

— Я не обязан разбирать—смазано, не смазано. Мое дело взыскивать штрафы.

А то, что он, по сути дела, назвал пенсионера лгуном и вором, это не в счет. Обидно? Подумаешь, нежности! Переживет.

Конечно, бывает, что и пассажиры ездят «зайцами» и покупатели норовят обмануть продавцов, уверяя, что купили недоброкачественный товар, тогда как сами умудрились его испортить. Но ведь с лгунами-потребителями и не церемонятся: на вокзалах вывешиваются стенды с фотографиями «зайцев». А стендов с грубиянами или плохими работниками нет нигде. Да они и не нужны, такие позорные столбы! Нужно совсем другое: дружелюбие и порядочность. Умно привитые и навсегда привившиеся. Их не могут заменить сами по себе хорошие надписи над дверями магазинов: «Благодарим вас за покупку!» Если под такой надписью недружелюбное лицо с подозрительным взглядом, то никакие прелестные слова не исправят положения.

Очень много говорится и пишется об улыбке. Так много и так сладко, что даже тошно. Между тем во время эпидемии гриппа на продавцах в магазинах были марлевые повязки, так что неизвестно, улыбались они под ними или нет. Однако даже и в марлевых повязках, скажем, в магазине «Москва», продавщицы всегда предупредительны и ведут себя, как отличные, квалифицированные работники, а не как опереточные герцогини с плохо сделанным высокомерием.

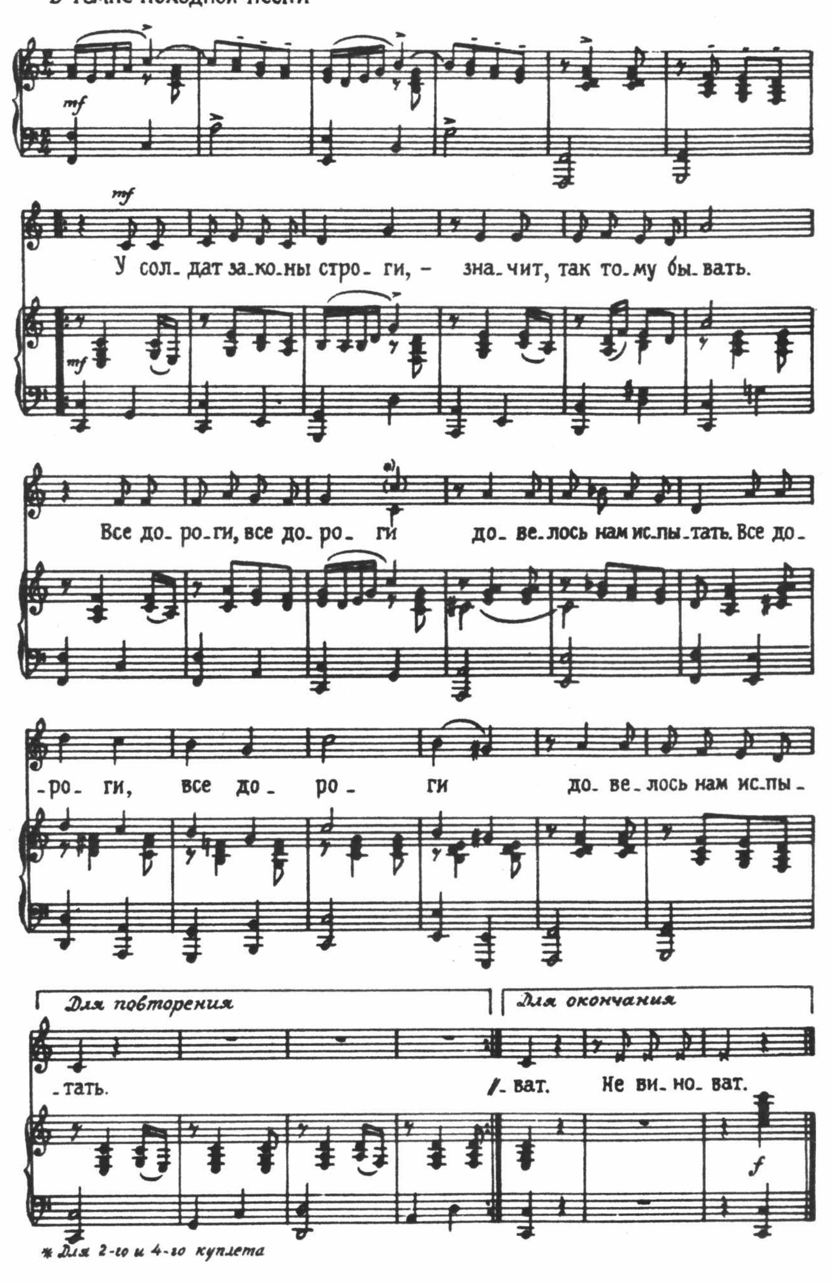
О том, что нужно быть взаимно вежливыми везде, мы тоже писали уже столько раз, что это почти невыносимо для читателя. Но я хочу сказать о другом: о подлинном дружелюбии и порядочности.

Если я сижу в кафе 40 минут и говорю об этом официантке, то ей не следует называть меня гнусной лгуньей даже в завуалированной форме: «Нет, вы не сидите сорок минут, вы только что пришли...» Не следует подсовывать в 300 граммов ветчины на 100 граммов обрезков, как это практикуется нередко. И не нужно говорить пассажиру, что он фальшивобилетчик, если сама кассирша, думая о чем-то своем, сокровенном, ставит на билет вчерашнее число. Если ошибки происходят, нужно иметь достаточно порядочности, чтобы попросить извинения и исправить их.

И уж, конечно, самим обиженным, обсчитанным, обхамленным не годится отстаивать только свой маленький кусочек справедливости, а копать глубже, чтобы выкопать уродство с корнем. Но кому копать? Пенсионеру? Он правильно говорит: «Себе дороже, и без того сердце на ниточке». Или женщине, которая торопится? Она говорит: «Бесполезная трата времени, беспардонных не переучишь».

Не может быть! Но сперва выясним, откуда беспардонность. Это уже более серьезно, чем магазинные или транспортные невежливости. От небрежности к человеку? К тому самому, о котором правильно говорят, что он самое дорогое и прекрасное среди ценностей, созданных его умом и руками. А откуда такая небрежность? От чьей-то уверенности в том, что ему, самоуверенному, дозволено все, а другим не дозволено и одной десятой всего. Или даже, можно сказать безошибочно, от дурного воспитания: я хороший, а все остальные миллионы хуже меня! И еще от неправильно понятых или даже вовсе не понятых норм поведения.

А до каких пор можно удивляться, что есть люди (во всем другом разумные и практичные), которые не понимают или не желают понимать, что нормы поведения для всех одинаковы? Вот если бы кто-нибудь ответил на этот последний вопрос, это было бы отлично! Это показало бы, что удивление перед всякими мелкими и крупными пакостями давно пора заменить самым действенным осуждением! Спрашивать, что такое действенное осуждение, вероятно, не обязательно. Наверно, нужно научиться тем, кто еще не умеет действовать в направлении справедливости и порядочности всегда и во всем.

СОЛДАТСКИЕ

Слова
Геннадия **ГОНЧАРЕНКО.**

Музыка
Алексея **КУЗНЕЦОВА.**

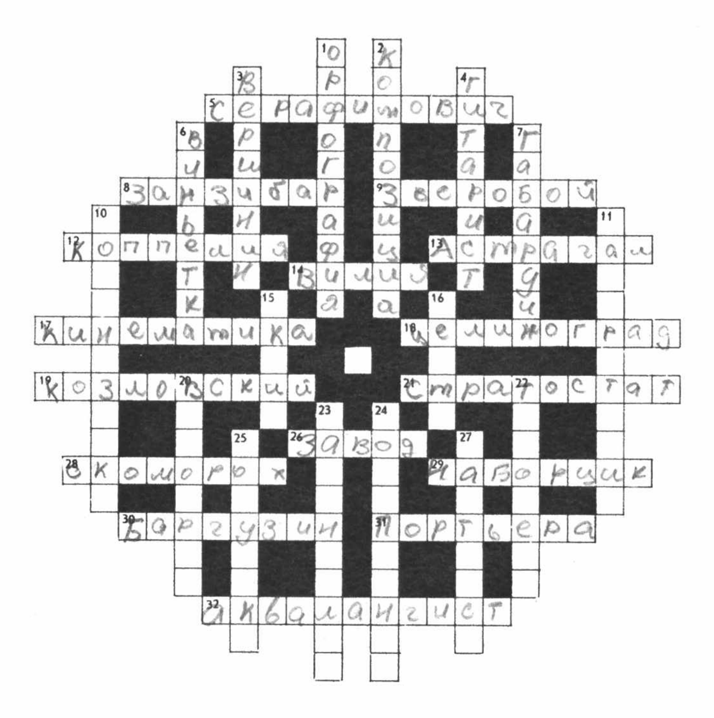
У солдат законы строги,
Значит, так тому бывать.
Все дороги, все дороги
Довелось нам испытать.
Все солдатские дороги
Довелось нам испытать.

То ли будешь в обороне,
То ли будешь наступать,
То ли вновь на полигоне
Будешь цели поражать.
То ли вновь на полигоне
Будешь цели поражать.

А в дороге время много
Помечтать и поскучать.
Мы солдатские дороги
Будем дома вспоминать.
Мы солдатские дороги
Будем дома вспоминать.

От тоски на сердце тесно,
Если парень не женат,
Ждет любимая невеста,
Но солдат не виноват.
Ждет любимая невеста,
Но солдат не виноват.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Советский писатель. 8. Столица африканского государства. 9. Роман Ф. Купера. 12. Балет Л. Делиба. 13. Бобовое растение. 14. Приток Немана. 17. Раздел механики. 18. Город в Казахстане. 19. Певец, народный артист СССР. 21. Воздушный шар. 26. Промышленное предприятие. 28. Странствующий актер в Древней Руси. 29. Типографский рабочий. 30. Река, впадающая в озеро Байкал. 31. Занавес. 32. Подводный пловец.

По вертикали:

1. Правописание. 2. Построение художественного произведения. 3. Персонаж драмы А. П. Чехова «Три сестры». 4. Картина В. А. Тропинина. 6. Графическое украшение в книгах, журналах. 7. Шерстяная ткань. 10. Коробка для сбора растений. 11. Помещение для научных исследований. 15. Автор пьесы «Стакан воды». 16. Малая планета. 20. Сооружение для велосипедных гонок. 22. Прибор для измерения числа оборотов. 23. Итальянский народный танец. 24. Птица семейства вьюрковых. 25. Ягода. 27. Дробная часть десятичного логарифма.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали:

3. Хронометр. 5. Регби. 7. Руставели. 8. Цемент. 10. Рубенс. 13. Меларен. 15. Блок. 17. «Клоп». 18. Половик. 19. Кабинет. 21. Мост. 22. Ранг. 23. Любляна. 24. Дрожки. 26. Персик. 27. Миниатюра. 28. Брамс. 30. Терракота.

По вертикали:

1. Бобр. 2. Сени. 3. Хобарт. 4. Ранжир. 6. Грабарь. 8. Целлулоид. 9. Напильник. 11. Уравнение. 12. Столетник. 13. Мелвилл. 14. Нарбада. 16. Капот. 17. Катер. 20. Паллада. 25. Импорт. 26. Панама. 28. Буря. 29. Слон.

На первой странице обложки: Ракетчики-гвардейцы.

Фото Г. Макарова.

На последней странице обложки: Зимний этюд Р. Мазелева.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются. **Оформление Л. ШУМАНА.**

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 01930. Подписано к печати 17/II 1965 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 965 000. Изд. № 216. Заказ №325.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Пагода двух сестер. XII век. Ханой.

С АЛЬБОМОМ ПО ВЬЕТНАМУ

Александр ЖИТОМИРСКИЙ

Деревни, тонущие в джунглях. Стройные кокосовые пальмы и заросли бананов с большими гроздьями плодов. Множество скалистых островов в сказочном заливе Ха Лонг. Скользящие по зеленой воде джонки и сампаны. Мальчишки на буйволах среди рисовых полей... Все это Вьетнам.

О борьбе вьетнамцев за свободу рассказывают экспонаты Музея революции.

На рельефной электрифицированной карте вспыхивает вверху крохотный огонек. Там в 1941 году жил Хо Ши Мин. Из этого огонька заполыхало пламя освободительной войны. Автоматы и копья из бамбука. Самодельные миномет и мины. Ружье из водопроводной трубы, трофейные пулеметы, пушки. Печатный станок, громкоговоритель, барабан-бочка, обтянутая кожей буйвола. Я слегка ударил рукой — раздался тревожный и грозный звук. Голос войны.

Здесь собрано оружие народа, оружие победы.

Есть и другие экспонаты — трофейные фотографии. Кандалы. Ярмо. Изуродованные тела, колонизатор держит за волосы отрубленную голову. Но зверства не сломили вьетнамских патриотов.

Я рисую портрет веселой и грациозной артистки Большого театра Хоанг Хыу Хань. У нее два ордена.

— За что у вас ордена, Хань?

Оказывается, она три раза была ранена, ордена эти боевые.

Мы приехали в деревню Ко Ле. Здесь несколько буддийских храмов. 29 из 30 бонз ушли отсюда в Народную армию. Тридцатый бонза, Фам Тха Лонг, был в числе представителей ДРВ в Москве и Вене на конгрессах сторонников мира.

Текстильный комбинат в Нам Дине — большое современное предприятие, 11 700 рабочих. У станков молодые девушки и парни.

В педагогическом институте народов Вьетнама учится молодежь тридцати пяти народностей. Разные характеры, разная одежда и по-разному прекрасные лица.

В школе прикладного искусства нам показали изделия из лака, выполненные с подлинным мастерством и безупречным вкусом.

Я рисовал смелых и мужественных рыбаков на берегу Южно-Китайского моря. На моем рабочем столе стоит белая ветка кораллов. Она выловлена со дна бухты Ха Лонг. Это подарок шахтеров Хон Гая.

Теперь, когда я узнал, что американцы бомбили населенные пункты Демократической Республики Вьетнам, сердце мое наполнилось гневом. Пентагон, увязший в многолетней грязной войне в Южном Вьетнаме, пытается угрожать Северному Вьетнаму. Прекратить агрессию против Вьетнама — этого требуют все, кому дороги мир и свобода.

Дот возле деревни Куанг Чунг напоминает о том, что здесь шли бои.

На станкостроительном заводе.

Актриса.

Встреча в пути.

◀ Рыбак на берегу Китайского моря.

▶ Воины Народной армии ДРВ.

▼Джонки пришли спать.

Сталевар.

Цена номера 30 коп. Индекс 70663